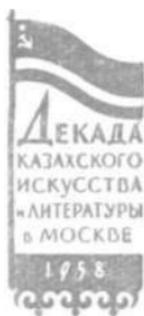

A stylized, high-contrast illustration in black and brown tones. It features five faces arranged in a collage. At the top left is a smiling man's face. At the top right is a woman's face with a slight smile. In the center is a man's face with a serious expression. At the bottom left is a woman's face with a serious expression. At the bottom right is a man's face wearing a headscarf, looking downwards with a serious expression. The background is a mix of light and dark brown washes.

**САТТАР
ЕРУБЛЕВ**

**МОИ
СВЕРСТНИКИ**

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма - Ата

ҚАЗАҚТЫҢ

М Е М Л Е К Е Т Т І К

К Ө Р К Е М Ә Д Е Б И Е Т

БАСПАСЫ

Алматы

Саммар Егусабс

САТТАР ЕРУБЛЕВ

МОИ СВЕРСТНИКИ

Роман

*Перевод с казахского
Андрея Семенова*

САТТАР ЕРУБАЕВ

В казахской советской литературе 30-х годов заметное место занимает творчество безвременно скончавшегося (23-х лет) писателя Саттара Ерубаяева, оставившего после себя, хотя небольшое по объему, но интересное и содержательное наследие.

Саттар Ерубаяев родился в 1914 году в ауле № 21 Туркестанского района Южно-Казахстанской области. Сначала он учился грамоте у аульного муллы. Эта «наука», подкрепляемая дубинкой, быстро надоела Саттару. Он убежал от муллы и в 1923 году был принят в Туркестанский детдом. Началась настоящая учеба в семилетней школе детдома, которую он окончил в 1927 году. В тринадцатилетнем возрасте будущий писатель вступает в ряды Ленинского Комсомола и после успешного окончания школы работает в Туркестанском райкоме комсомола. Идя навстречу желаниям Саттара, райком комсомола командировал его на организуемые в Алма-Ате подготовительные курсы для поступления в вуз. После успешного окончания курсов Казнаркомпрос в 1930 году направляет его в Ленинградский институт философии и истории (впоследствии слился с Ленинградским государственным университетом).

Годы учебы в Ленинграде дали Саттару Ерубаяеву не только глубокие знания, но и позволили ему ознакомиться с величайшими сокровищами мировой культуры.

В 1933 году, по окончании учебы Саттар Ерубаяев защитил дипломную работу на тему: «Русский неоромантизм и казахская национальная литература». Работа была высоко оценена комиссией, и ее автор оставлен в аспирантуре.

Казахская республика в эти годы очень нуждалась в квалифицированных кадрах. По настоятельной просьбе Казахского краевого комитета партии ректорат Ленинградского университета направляет Саттара Ерубаяева в Казахстан. По приезду в Казахстан он заведует отделом культуры и литературы в республиканской русской молодежной газете «Ленинская смена», а позже назначается заместителем редактора казахской молодежной газеты «Лениншил жас». Одновременно он работает ассистентом кафедры философии Алма-Атинской высшей сельскохозяйственной школы, где ему, наряду с проведением семинарских занятий, поручается чтение лекций по диалектическому материализму.

Саттар Ерубает принимал активное участие в подготовке и проведении I съезда писателей Казахстана в 1934 году. На первом же Заседании Правления он был принят в члены Союза писателей СССР.

В июне 1934 года Казахский краевой комитет партии в целях укрепления редакции газеты «Караганды пролетариата» направляет Саттара Ерубаета в Караганду в качестве редактора комсомольской странички. В Караганде он работал заместителем редактора газеты до июня 1935 года.

Жажда знаний, желание закончить аспирантуру вновь приводят его в Ленинград. В 1935—1936 учебном году он учился в аспирантуре Ленинградского университета, но слабое здоровье не позволило ему продолжать учебу. По возвращении в Алма-Ату он до конца своей короткой жизни был доцентом кафедры казахской литературы Казахского педагогического института.

Саттар Ерубает начал свою литературную деятельность в 30-х годах. В 1931 году в сатирическом журнале «Жарши» была опубликована его острая зарисовка, разоблачающая предательскую сущность «промышленной партии» и ее руководителей. На страницах республиканской молодежной газеты появляются оригинальные стихотворения, очерки и критические статьи, написанные им.

В творческом отношении самым плодотворным периодом литературной деятельности Саттара Ерубаета были 1933—1937 годы. В этот период он написал более 10 стихотворений, 4 баллады, 4 новеллы, 5 очерков, более 15 сатирических рассказов и зарисовок, ряд публицистических произведений и составил хрестоматию по казахской литературе для X класса.

Известно, что казахская советская литература в 30-х годах переживала период формирования и становления. Если наша литература до Октябрьской революции в основном развивалась только в одном жанре — жанре поэзии, то после революции стали прокладываться совершенно новые пути в жанрах драматургии и прозы.

В начале революции в казахской литературе не было окончательно сложившихся писателей-профессионалов. В середине 20-х и в начале 30-х годов сложились определенные творческие силы, которые повели борьбу за руководящую роль новой пролетарской казахской литературы и разоблачали в идейном и художественном отношении писателей буржуазно-националистического толка. Именно в эти годы в казахскую литературу приходят молодые гиганты, которые упорно ищут пути отражения новой советской действительности, стремятся выработать свои творческие приемы. Среди них особенно выделялся Саттар Ерубает, так как он, усваивая принципы социалистического реализма, уже тогда создавал высокохудожественные произведения и шел по пути совершенствования своего стиля. Поэтому он занимает видное место в казахской советской литературе, его яркие произведения с любовью читаются всеми, особенно молодежью, ибо они дышат молодостью, неугасимой энергией, пропитаны возвышенной романтикой.

Особой популярностью пользуется роман Саттара Ерубаета «Мои сверстники», который вполне выдержал испытание времени. Первый раз он был опубликован в 1939 году после смерти автора, Сейчас он выходит на казахском языке третьим изданием. Благодаря изданию романа на русском языке всесоюзный читатель полу-

чает возможность познакомиться с одним из талантливых произведений казахской литературы.

В творчестве Саттара Ерубаяева значительное место занимала поэзия. Незаурядные писательские способности, подкрепленные хорошим знанием жизни, знакомство с достижениями русской и мировой культуры позволили ему создать ряд ярких, самобытных поэтических произведений. Впервые в истории казахской литературы он начал писать пародии и эпиграммы, ему принадлежит также известная заслуга в создании баллад. Баллады «Рапорт о жизни», «Три вахтера», «Осенний фрагмент», «Жемчуг», «О бессмертной жизни» являются хорошим предвестником зарождения нового жанра в нашей литературе.

Характерными чертами Саттара Ерубаяева, как писателя-публициста, являются глубокое, всестороннее знание описываемого, критический пафос. В своих произведениях он всегда выступал как непримиримый борец со всякими пережитками прошлого. Его публицистика отличалась большой жизнеутверждающей силой.

Будучи боевым солдатом на передовой линии советской литературы, он исключительное внимание уделял прозе, как жанру, с помощью которого можно наиболее правдиво и полнее описать жизнь, дела и думы советских людей.

Особое место в начале развития казахской советской литературы занимали малые формы прозы, такие, как художественные очерки, рассказы, новеллы. Преобладание этих форм объяснялось тем, что после революции, в 20—30-х годах в жизни казахского народа происходили глубокие социально-экономические преобразования, которые требовали своего незамедлительного литературного отображения.

Писатели Казахстана, подчиняясь этому могучему требованию времени, создавали художественные произведения на темы советской действительности. В ту пору молодые писатели, впервые пробовавшие свои силы на поприще литературы, еще не имели достаточного опыта, поэтому, вполне естественно, не могли создавать большие романы или повести. Отсюда не случайно то, что на заре развития казахской литературы было создано большое количество художественных очерков и рассказов, которые в дальнейшем послужили замечательной подготовительной школой для создания будущих крупных произведений. Не стояло в стороне от общего пути развития казахской советской литературы и творчество С. Ерубаяева. Появлению романа «Мои сверстники» предшествовали его многочисленные очерки, рассказы, новеллы, проникнутые пафосом создания новой жизни. Лейтмотивом всего его творчества был советский человек, упорно строящий социализм и преодолевающий успешно все трудности и преграды на этом пути.

Для творчества Ерубаяева характерно стремление к широкому раскрытию душевного мира человека. Очерки—«Лицо жизни» (на русском языке), «С Октябрем пришла новая жизнь в ауле», «Четыре девушки»; новеллы—«Счастье», «Красота жизни», «Бессмертие» (на русском языке), написанные с большим мастерством, глубоко волнуют своей правдивостью.

Эти очерки, созданные на жизненном, документальном материале, показывают безрадостное, тяжелое прошлое казахского аула и его счастлирое социалистическое настоящее.

Роман Саттара Ерубаева «Мои сверстники» — первое крупное произведение в казахской литературе, посвященное теме труда. Правда, были рассказы Елжаса Бекенова о строителях Турксиба (1929), сборник рассказов А. Абишева «Завал» (1936), посвященный угольщикам Караганды. Но эти рассказы — только первая попытка в разработке производственной тематики. Они не выдержали испытания времени и сейчас почти забыты. Вот почему этот роман является первым крупным произведением, разрабатывающим тему труда и создающим типические характеры в типических обстоятельствах, широко показывающим нашу советскую действительность.

Правильно отметил Сабит Муканов еще в 1940 году в журнале «Литературный критик», что «...роман Ерубаева читается с большим интересом, несмотря на то, что автор не успел его доработать и многие места остались почти черновыми набросками. У Саттара Ерубаева была настоящая страсть социалистического писателя, была поэтическая оригинальность. И он шел правильным путем, вырабатывая художественные обобщения из конкретного жизненного материала».

Роман «Мои сверстники» — талантливое произведение, созданное автором, который руководствовался методом социалистического реализма. Писатель сумел показать тяжелое прошлое казахских трудящихся и их радостное настоящее. Художественное повествование заставляет читателя взглянуть вперед, мечтать, стремиться своим трудом приблизить еще более счастливое будущее. Поэтому в ткань романа революционная романтика вошла как неотделимая часть. В результате умелого использования художественных средств и приемов созданы образы положительных героев в лице Рахмета и Лизы Вознесенской, которых по сей день очень любит наша молодежь и которые служат ей примером преданности родине, патриотического выполнения своего трудового долга.

Основная сюжетная линия романа раскрывается в связи с показом событий, в которых участвуют Рахмет и Лиза. Психологическое раскрытие действий главных героев сопровождается показом персонажей второго плана, среди которых находятся не только представители рождающейся казахской интеллигенции, но и, главным образом, представители двух поколений рабочего класса: старшего — в лице Шектыбая, Ильи, Алексея, Бейсена, Алипа и других и младшего — в лице Мирзаша, Кали, Аркаши, Улболсын. И те и другие охвачены единым стремлением создать третью всесоюзную кочегарку — большую Караганду.

Саттар Ерубаев довольно часто прибегает к контрастному методу описания, что дает возможность читателям зримо представить прошлое и настоящее. Так, в начале романа он изображает тяжелый труд рабочих карагандинских угольных копей, эксплуатируемых английскими concessionерами, а затем в последующих главах описывает строительство советской Караганды.

Главный герой романа Рахмет — яркий представитель формирующейся новой казахской интеллигенции. Рахмет родился в долине степи, где от невыносимой эксплуатации степного хищника феодала Долбы тяжело стонали трудящиеся казахи, где творился произвол и беззакония. Это была такая степь, где «никогда не слышали имя Бетховена, славу Рембрандта, никогда не упоминалось имя

Гомера, по этой степи никогда не путешествовал человек, который знал бы стихи Беранже».

Отец и дед Рахмета были пастухами у бая, пастухом стал и Рахмет. В одном эпизоде автор показывает путь, которым ушел Рахмет из аула.

Далее автор переносит своего героя в Ленинград. Здесь Рахмет учится в горном институте, здесь он впервые полюбил девушку Лизу—студентку, с которой вместе учился.

После окончания учебы Рахмета оставляют на кафедре академика Вознесенского — отца Лизы.

Но вскоре в адрес дирекции института пришла телеграмма из Казахстана, в которой правительство республики просило по возможности скорее отправить инженера Рахмета на практическую работу в Казахстан. Рахмет уезжает из Ленинграда, даже не успев попрощаться с Лизой.

И вот он в Караганде. Ознакомившись с работой, он приходит к мысли о необходимости проекта шахты-комбината, которая могла бы резко увеличить добычу угля. Чтобы ознакомиться с передовым опытом, Рахмет едет в Донбасс, где изучает практику строительства крупных шахт.

Автор своего основного героя — Рахмета показывает не только с «производственной стороны», как высококвалифицированного инженера, но и как человека с богатыми духовными запросами. Его захватывают музыка Глинки, Бетховена, Чайковского, классические произведения Гомера, Бальзака, Толстого, Барбюса и Горького. Автор пишет о Рахмете, что он «не хуже разбирается в вопросах искусства, чем на своем участке работы».

Рахмет не сразу нашел поддержку своей новаторской идее создания в Караганде шахты-комбината. Пришлось вести борьбу с инженером-рутинером Кулевакиным, который всячески старался препятствовать замыслам Рахмета. Эти действия Кулевакина автором полностью не раскрыты, т. к. роман не закончен, но все же читатель из описанных эпизодов, взаимоотношений двух инженеров может сделать вывод, что в неприязни Кулевакина к Рахмету кроется нечто большее, чем только личная антипатия.

Вместе с Рахметом в Караганде работает Лиза. Она уехала из Ленинграда, чтобы быть вместе с любимым человеком. Автор не описывает детства Лизы, как это он делает в отношении Рахмета. Но отдельными умелыми штрихами рисует образ этой волевой, энергичной девушки. Работая мастером в шахте, Лиза проявляет большое упорство в борьбе с трудностями и успешно преодолевает их.

Следует отметить, что, описывая взаимоотношения Рахмета и Лизы, автор злоупотребляет изображением различных размолвок между ними.

В нашей литературе иногда очень схематично показывается дружба народов. В отдельных слабых в идейно-художественном отношении произведениях русские люди, как правило, выступают в роли наставников, хотя это художественной логической мотивировкой не оправдано. Или же описывается, как юноша-казах женится на русской девушке, и это некоторые авторы считают показом дружбы народов. Такое раскрытие темы выглядит донельзя упрощенным. В этом отношении большой интерес представляет творческая удача Саттара Ерубаева, сумевшего ярко и правдиво рассказать о дружбе казахов и русских.

Автор в начале романа показывает, как зарождается дружба казахских и русских рабочих в карагандинских угольных копях. Тяжелая жизнь, социальная несправедливость, бесчеловечная эксплуатация, невыносимые издевательства английских капиталистов — вот те условия, которые настоятельно диктовали единство и сплоченность рабочих независимо от нации. История с Куляндой — сестрой Рахмета — была только поводом для забастовки карагандинских шахтеров, которая уже давно зрела, как протест против жестокой эксплуатации. Чтобы добиться удовлетворения своих экономических требований и оказать помощь Алипу, который попал в аварию, рабочие выступают организованно, стойко переживают все невзгоды и трудности и заставляют пойти на уступки хозяев. Эти эпизоды, описанные с большим мастерством Ерубаевым, вскрывают корни дружбы рабочих разных национальностей, особенно русских и казахов.

Вполне закономерно, что автор в дальнейшем показывает, как росло и укреплялось это единство. Бывшие рабочие Алип, Шектыбай, Алексей, Илья после революции вместе работают и руководят шахтой, передают свой богатый опыт молодым рабочим.

Скрепленное борьбой содружество русских и казахов находит у автора романа яркое воплощение в конкретных образах и поэтому ткань романа входит как необходимый естественный элемент.

Роман «Мои сверстники» Саттара Ерубаева отличается сочным художественным языком. Автор умело использовал богатства родной речи в сочетании с отдельными оборотами речи, присущими русскому языку.

В этом романе ярко проявился творческий стиль Саттара Ерубаева. Описание событий отдельными штрихами, краткость изложения, меткость сравнений, точность формулировок — неотъемлемые свойства темпераментного стиля Ерубаева.

Следует сказать несколько слов о композиции романа, ибо пути создания основных образов и процессы формирования конкретных характеров не только связаны с развитием сюжетной линии, но требуют определенного композиционного построения произведения. Саттар Ерубаев в соответствии со своей творческой манерой избрал динамичную форму композиции, которая наилучшим образом способствовала раскрытию основной идеи.

Произведение начинается романтически приподнятым описанием. Первая глава «Рассказ о романе» представляет изложенную в романтическом плане общую идею романа, это, по словам автора, «увертюра романа». Такое начало глубоко заинтересовывает читателя, который стремится узнать, как развивались события, в которых участвовали герои

Вторая и третья главы романа написаны с использованием конкретного противопоставления дореволюционной жизни казахских трудящихся их жизни после революции. Во второй главе «Моих Сверстников» (Дорога, ведущая к роману) раскрывается счастливая судьба казахской молодежи, которая при советской власти получила образование и своим трудом способствует процветанию родины. Она не только занята повседневной работой, но находит время любить и понимать искусство, музыку, настоящую дружбу, мечтать о счастливом будущем. В третьей главе — «Мои старшие братья» (вторая дорога к роману) описывается беспросветная и тяжелая жизнь карагандинских шахтеров до Октябрьской революции. Таким образом, в этих резко противопоставленных жизненных картинах

автор стремится показать тяжелое прошлое и счастливое настоящее. В четвертой главе—«Так начинается роман» перед взором читателя проходят картины студенческой жизни основных героев романа, в следующей, последней главе—«Роман продолжается» читатель имеет возможность более глубоко ознакомиться с производственной и общественной деятельностью уже окончательно оформившегося героя. Хотя в этих главах строго соблюдена последовательность описания жизненного пути героев, тем не менее основные образы романа показаны в различной обстановке.

Как будто на первый взгляд эти композиционные приемы в романе не дают ничего. Но это в действительности не так. Таким построением автор избежал повторных описаний, добился лаконичности и умелого использования художественных средств, оно помогло ему ярче создать полноценные образы.

Все творчество Саттара Ерубаява, и в первую очередь роман "Мои сверстники", вошло в фонд казахской советской литературы. В нем наши современники, казахская молодежь видят вдохновляющие примеры служения родине, борьбы за укрепление ее могущества и силы.

Т. К а к и ш е в.

РАССКАЗ О РОМАНЕ

У меня был друг. Он любил говорить: «Когда я иду по улице, мне хочется кричать, обнимать и целовать первого встречного. Почему? Я думаю—это от избытка счастья, переполняющего меня».

Так говорил мой друг. И я хорошо понимаю его. Меня также переполняет счастье. И вот, чтобы выразить его, я написал свой первый рассказ. Правда, в рассказе не было поэтической силы и мастерства, но он полон счастья и радости жизни.

Я влюблен в жизнь, как в любимую девушку. У каждого имеется свое начало жизни. Каждый пережил особо сладкие минуты счастья. Нет людей, которые не встречались бы со своим счастьем лицом к лицу. При воспоминании об этих встречах волнуются наши сердца, сильнее пульсирует кровь, светятся глаза.

Мой рассказ начинается с ощущения счастья, и он посвящается драгоценным минутам жизни.

Я познал счастье через книги. Мне было тогда двенадцать лет. Старший брат принес небольшую книжку и положил на стол передо мною.

— Вот смотри,— сказал брат.— Это «Огонь». Прочти книгу и расскажи мне ее содержание.

Я взял маленькую книжку, раскрыл ее и на первой странице увидел портрет. На меня смотрело худое продолговатое лицо с большими черными глазами. Высокий лоб, густые волосы, печально сжатые губы поразили меня. Он был очень красив, этот незнакомец с горькой улыбкой. Я понял: он знает то, чего не знаю я, и то, что он знает,— страшно, но и необходимо человеку.

— Кто он? — спросил я у брата.

— Анри Барбюс. Этот великий человек — коммунист,— с гордостью ответил брат.

Его книга обожгла мое сердце, открыла тайны жизни и смерти и, самое главное, навсегда воспитала во мне ненависть к войне. Я еще не понимал в свои двенадцать лет — кто и почему разрушает земли и убивает людей. Я понял это позже.

Каждый раз, когда при мне произносилось слово «война», я видел человека с черными глазами, ненавидящего войну. Желание встретить его стало непреодолимым. И вот в тридцать пятом году я увидел мечту моей детской души. Но увидел его в гробу: Барбюс лежал, навеки сомкнув свои черные большие глаза. Мне чудился огонь этих глаз сквозь закрытые веки.

Я встретился с мечтой моей души, с человеком, когда он ушел с лица земли. Проходя мимо его гроба, я горько плакал. Позже—слез у меня больше не было.

С тех пор я храню этот образ в памяти, и огонь его книги горит в моем сердце.

Книги, книги!

Вы открыли мне путь к жизни, вывели на тропу счастья. Воспоминание еще об одной книге освежает меня, как морской ветер, когда от его соленого запаха дышится широко и привольно.

Я вспоминаю детство, свой аул, забавную игру в «асык». Это очень веселая игра в овечьи косточки, в белые хрупкие косточки. Побеждает тот, кто выиграет у противника все его белые косточки. Я почему-то всегда проигрывал.

Однажды, проигравшись, я со слезами пришел к бабушке. Она добродушно сказала:

— Какой ты глупый! Глупые мальчики всегда плачут. А слезы не сделают человека счастливым.

— Что такое счастье, бабушка?

Она смотрела на меня грустными глазами и молчала. Бабушка не знала счастья и не могла ответить на мой вопрос. Дочь казахских степей, она не держала в руке бумажного листка, не видела железного рельса, цветущей вишни. И вдруг ей пришлось побывать в маленьком степном городке. Бабушка привезла мне из города книгу. Она была старая, истрепанная, без первой страницы. Не показывая ее никому, бабушка отозвала меня в сторону.

— Мой бала, говорят, что эту книгу написал заступник всех матерей на свете. Говорят, он святой человек. Ты прочитаешь ее, когда станешь учиться. Смотри, никому не отдавай и храни мой подарок.

С тех пор прошло много лет. Я нашел и счастье, и радость, и любовь. «Большое счастье быть человеком на земле» — учила меня книга заступника всех матерей на свете. И когда я шел через перевалы и ложбины своей жизни, я нес на груди подаренную бабушкой книгу.

Эта книга дала мне счастье. Я читал и перечитывал ее много раз. Уяснив ее смысл, я купил на базаре красной материи, прибил к палке и отнес бабушке.

— Счастье, о котором говорит книга, вот это, — сказал я. И когда наступило Первое мая, бабушка впервые в жизни с моим красным флажком в руках вышла на демонстрацию. Она верила в человека, написавшего книгу о матери.

Я уехал учиться. Возвращаясь в аул на каникулы, захватил с собой портрет Максима Горького.

— Кто это? — спросила бабушка.

— Тот самый заступник всех матерей, книгу которого вы мне когда-то подарили, бабушка...

Бабушка взяла в руки портрет, долго смотрела на доброе мудрое лицо и сказала:

— Он много страдал, этот человек, я вижу это по его глазам. Но он любил людей. Человек, имеющий такие глаза, не может не любить людей.

И, завернув портрет в цветной платок, она спрятала его в окованный жестью старый сундук.

Когда я говорю о Барбюсе и Горьком, я вижу свое сердце, освещенное солнцем, вижу тот день, когда я вступил на тропу счастья. Но все, что я рассказал вам сейчас, — это только рассказ о романе, но еще не роман.

Мечтая стать писателем и подражая Горькому, я ходил по морскому берегу. В мою грудь бил тугой соленый ветер, волны падали у моих ног и разбивались зелеными громадами изумруда. А я ходил и ходил по мокрому берегу в поисках пастуха, такого же мудрого пастуха, что рассказал Горькому «Песню о Соколе».

И вот однажды ночью на песчаной морской косе я встретил старого чабана.

— Знаешь ли ты Максима Горького, аксакал?

— А как же! Наш колхоз носит его имя.

— Читал ли ты «Песню о Соколе»?
— А как же! Ее знают все.
— Тогда расскажи мне такую песню.
— Не могу! Эта песня единственная на земле.
— Что же мне делать! — воскликнул я, бессильно опустившись на желтый аральский песок.

Старик погладил морщинистой рукой мои влажные волосы.

— Не надо отчаиваться, я не знаю песен, но расскажу тебе сказку о тополе и красном цветке.

ТОПОЛЬ И КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

...У подножья замшелых гор, на берегу прозрачного родника рос стройный, высокий тополь.

А рядом, в густой траве, покачивался красный цветок. К его круглой, словно отлитой из драгоценного рубина, чашечке стремились веселые стрекозы и бабочки. Мохнатые пчелы неумоимо сновали возле цветка и; наслаждались его тонким нежным ароматом. Когда наступила ночь, утомленный цветок радостно шептал:

— Я славно поработал сегодня. Меня целовали бабочки и ласкали пчелы. Я помогал им трудиться.

И цветок засыпал, чтобы наутро снова раскрыть свою чудесную чашечку и издавать аромат.

Однажды на берег прозрачного родника к замшелым скалам пришла девушка. Она увидела цветок, опустилась в траву и нежно потрогала его зеленые узкие листочки. Я не знаю, почему девушки льнут к красным цветам, но это все-таки так. Девушка сидела возле цветка, вырывая вокруг сорные травы и давая ему возможность смотреть на солнце. Ведь цветы не слепнут, когда смотрят на солнце.

Тополь тоже смотрел с высоты на девушку, и ему стало досадно: «Как я, высокий, стройный, красивый, не интересую ее? Она уделяет внимание какому-то ничтожному цветку». И тополь затаил обиду на маленький красный цветок.

А девушка стала приходить к цветку каждое утро. Она опускалась перед ним на колени, обрызгивала его горной водой, выпалывала сорные травы и все что-то говорила, говорила. Цветок же улыбался в ответ, и еще ярче пылала его рубиновая чашечка.

— Хотел бы я знать, о чем они говорят?—сердито бормотал про себя тополь.— Надо будет узнать у этого глупого цветка. Он должен открыть мне свою тайну.

И вот на рассвете, когда еще не появилось солнце, тополь грубо сказал цветку:

— Эй ты, там, далеко внизу! Это я тебе говорю, красный цветок! Что это ты все охорашиваешься? Опять поджидаешь свою красотку?

Цветок улыбнулся и радостно закивал рубиновой чашечкой в знак согласия.

— Хо-хо! — засмеялся тополь.—Какой же ты глупый, цветок! Неужели не понимаешь, что природа надсмеялась над тобой, создав тебя ничтожным? Ты же ростом с вершок! Интересно, что можно видеть через лебеду и крапиву? Ничего, я думаю, совсем ничего. Как же ты можешь считать себя счастливым? То ли дело я! Посмотри на меня. С моей высоты видно даже вершину соседней горы. Я знаю все, что происходит вокруг. Ты понимаешь меня, цветок?

Цветок снова кивнул своей чашечкой и произнес:

— Горделиво растущий тополь! Да, это правда, ты—высок, строен, красив. Но что толку в длинном росте, если короток ум. Что толку в бесполезной красоте! Что видно с высоты твоего величия, кроме голых камней и замшелых скал? Ты видишь вершину соседней горы, а что там, за ее вершиной, знаешь ли ты? Нет, не знаешь! Ты никогда не взлетишь в небо, не увидишь степей, бескрайнего моря, удивительных рек. А я вот...

— А ты? — насмешливо и раздраженно перебил тополь.— Что увидишь ты, ничтожный болтун?

— Я увижу. — И цветок повернул свою чашечку на восток. Там уже поднималось солнце, а цветы всегда поворачиваются лицом к восходящему солнцу.

— Как же ты увидишь, хвастун? — снова спросил тополь.

— Сегодня утром ко мне придет девушка. Мы договорились с ней обо всем,— тихо ответил красный цветок.— Завтра она улетает в далекий город и возьмет меня с собой. Я взлечу в небо, прижимаясь к ее груди...

— Ах, хвастун, хвастун! Ты же цветок-однодневка. Сегодня ты живешь и благоухаешь, а завтра высохнешь и увянешь. Зачем же тебе подниматься в небо, зачем видеть беспредельные дали. Стоят ли они того, чтобы, увидев их,

умереть? Уж лучше прожить сто лет, как я, но спокойно и благоразумно.

— Да, ты прожил сто лет, тополь. Но дал ли ты плоды? Принес ли кому-нибудь радость? Да, ты прав! Сорванный, я быстро завяну. Но я принесу девушке радость и буду счастлив. Я буду лежать на ее груди, буду слушать, как бьется ее сердце, веселое, молодое, доброе сердце. Ты же никогда не услышишь, как бьется человеческое сердце и будешь целый век смотреть на мертвые камни...

Старый чабан замолчал и долго смотрел на волны. Я тоже молча смотрел на волны, что налетали на берег, выгибались и разламывались зелеными громадами изумруда. Вокруг нас была прозрачная дымка. Она струилась над морем, над степью, над небом, и далекие звезды шевелились в ней, как неведомые рыбы в тонких сетях.

Тут я подумал: быть писателем — это слушать биение человеческого сердца. И, подобно красному цветку, я буду счастлив, если живое сердце застучит на страницах моего романа.

ПЕСНЬ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

И вот я снова на берегу моря.

Над морем передвигается легкий туман, то открывая, то задергивая его поверхность. В минуты разрывов видны голубоватые неподвижные зеркала воды: они сверкают тускло и холодно. Но вот подул ветерок, туман поднялся, и множество зеркал превратилось в одно необозримое рябое зеркало. Оно сошло с горизонтом, и голубоватые вспышки пробегают по его глади.

Берег, одурманенный ночным прибоем, безмолвствует. За моей спиной—горы, перед лицом—море, мы смотрим на море: я, Рахмет, Сейтен, Валентина и певец Толенгит.

— Дядя, расскажите что-нибудь, — прошу я Толенгита.

Толенгит расстегнул шопан и долго думал.

— Хорошо! Так и быть, я спою вам песню.

Он взял домбру и напел нам свою любимую песню. Песней этой Толенгит взбудоражил чаек и морские волны. Они вторили ей: чайки громкими криками, волны могучим шумом.

Я знаю темный омут жизни,
Я знаю дни несчастий тяжких,
Я испытал глухую горечь
Беды шагающей неслышно,
Туман ошибок и тоски,

Но жизни солнечное утро
По-прежнему с улыбкой доброй
И с радостью встречаю я.

И звонкий голос соловья,
И моря шум, и шепот листьев,
И свет росы на камне белом
С улыбкою встречаю я.

Пусть дважды в мир нам не явиться,
Пусть дважды нам не умирать,—
К рассвету мы должны стремиться,
Должны цвести и созреть.

Нельзя промчаться метеором
И не оставить в жизни след.
И кем бы ты на свете ни был—
Пастух, охотник, иль поэт,
Твори, учись, дерзай, работай.
Тогда твои потомки скажут:
Он на земле оставил след!

2

Я видел старые могилы
Суровых прадедов моих,
Бродил я по дорогам древним...
По ним когда-то пролетали
Мои воинственные деды
На скакунах своих горячих,
В своих кольчугах золотых.

По ним текли стада овечьи
И табуны коней косматых,
А купола кибиток белых
Чуть-чуть качались на арбах.
Следы кочевий, черный пепел,
Ковыль упавший на могилы,
И серый камень меж песков
Нам говорят о предках наших
Сильнее самых мудрых слов.

3

Бродил я по дорогам древним
И слушал шепот трав, и трогал

Ладонями сухую землю,
И наблюдал, как душный ветер
Раскачивал кусты седые.
И мне казалось — на дорогах
Встречаются века седые,
И развеваются знамена
Над черным кладбищем отцов.

Всмотрись же в глубину веков,
Прислушайся к ночному ветру,
К воде, журчащей по арыкам,
К полыни, плачущей тревожно
На тех заброшенных могилах,
Что скрыли прадедов твоих,
И ты поймешь Отчизны милой
Историю, горькую, как стих!

Так я однажды у могилы,
Под робкой тенью тамариска
Таинственный услышал голос.
Он говорил со мною тихо,
Но в этом шепоте суровом
Я слышал горестную повесть
О человеческой судьбе,
О человеческой борьбе!

— О, слушай, слушай, мой потомок,
О жизни своего народа,
Когда он, бедный и бессильный,
В степных просторах кочевал,
Когда его дороги пыльный
Холодный ветер заметал.
Подобно ковылю седому
И чахлым кустикам полыни
В степях судьба его несла.
И был народ рабом пустыни,
И байской прихоти жестокой,
И тех правителей, которым
Когда-то не было числа.

О, помни, помни, мой потомок,
О том правителе, чье имя
Недаром проклял твой народ.
Его с презреньем звали Даткой.
Ходил он волком кровожадным,
Собакой, жаждущей добычи,
Шакалом, воющим в ночи.

Ходил он по спине народа,
Он кровь людей пускал в арыки,

К кедеям¹ жалости не знал.
И вот, не вытерпев страданий
И унижения народа,
Явился я однажды к Датке,
Стащил правителя с коня.
— Кто на коне сидеть не может,
Зачем садится на коня?
А кто не любит свой народ,
Тот быть правителем не может!

И Датку, повалив на землю,
Я долго бил его дубинкой,
Ногами крепкими топтал.
И весть об этом облетела
Степные бедные аулы,
И про нее народ узнал.

Народ прозвал меня батыром,
Неустрасимым, словно лев.
Запомни:
В сердце справедливым
Быть справедливым должен гнев.

И я ходил в степях безмолвных
И правду вечную искал,
Искал я счастье для народа,
Но годы шли...
А счастье людям
Я в мире все ж не находил.

Да, годы шли!
И вот однажды
Я ехал степью голубой,
Я ехал, мучаясь от жажды,
Но видел темные курганы
Да ковыли перед собой.
Двадцатый год,
Тяжелый год
Для нас и для Советской власти,
Ведь жил по-прежнему без счастья
В руках у баев наш народ.
Я продвигался дробной рысью,
Свою усталость затая.
Вдруг на обочине дороги
Увидел человека я.
Аллах, да будет власть твоя!
Передо мной в траве зеленой
Лежит израненный жигит,

¹ К е д е й — бедняк.

И кровь горячая, как пламя,
Из рук отрубленных бежит.

Я наклонился над жигитом.
Глаза открыл он и сказал:
— Меня в степи поймали баи,
Они убить меня хотели,
Но только правду невозможно
Убить бандитам, аксакал!
Вот эту сумку полевую
Раскрой и посмотри. Она
Мне коммунистом вручена.
В ней наша солнечная правда
И наша жизнь заключена!

Я нес ее в степные дали,
Нес для аульной бедноты,
Но, аксакал, я умираю,
Возьми же эту правду жизни
И понеси в аулы ты.

И вот с невольным уваженьем
Я сумку старую раскрыл.
Там были книги: Маркс и Ленин!
Да, я недаром жизнь прожил.
Я голову свою с почтеньем
Перед жигитом обнажил.

— Прощай, отец! Тебе я верю,
Ты просьбу выполнишь мою.
Народ наш ленинскую правду
Завоевал себе в бою.
И пусть я уйду из жизни,
И пусть я растворюсь во мгле,
Одно я знаю, умирая,
Что эта правда не погаснет,
Как жизнь не гаснет на земле!

МОИ СВЕРСТНИКИ

(Дорога, ведущая к роману)

Мои сверстники! Эта тема заставила меня думать долго.

Рахмет, о котором я пишу в романе, однажды сказал мне:

— Саттар, как ты хочешь написать о своих сверстниках? Эта тема волнует твое сердце? Сможешь ли ты написать правду? Ведь о правде нельзя писать без сердца, без пламени сердца, без искренности и души.

— Да, — ответил я. — Эта тема волнует меня.

И в самом деле так. Если я собирался писать про своего друга, я не могу говорить о нем неправду. Однако правда и искреннее сердце сами стали темой моего рассказа.

Мой друг сначала был чабаном, потом учился и стал инженером в Караганде. Но искусство он любил не меньше, чем свою шахту. Как по штреку, ходил он по тропам художественной литературы. Он был хорошо знаком с произведениями Флобера, на память читал стихи Пушкина и сцены из «Ромео и Джульетты».

Рахмет родился в долине Долбы. С плачем он появился на свет. Его спина впервые соприкоснулась не с одеялом, а с теплой землей.

В детские годы он не слышал о Бетховене и Рембрандте. Голос скрипки был неведом ему. Имя Гомера не проносилось при нем. По голой степи никогда не ходил человек, знающий песни Беранже. Моему другу были знакомы только солнце да саксаул, и я всегда удивлялся, как, рожденный в таком глухом месте, он успел так много познать.

— Ты удивляешься зря, взгляни на степь,—сказал Рахмет.

Степь сказочно изменилась. Ее просторы поднимали тракторы. В новых домах сиял электрический свет. Автомобили проносились по степным дорогам, поднимая за собой серые шлейфы пыли. Над степью возвышались угольные шахты и медеплавильные заводы. Имя Ленина стало знакомо казахам, как солнце. Степные люди слушали музыку Бетховена, читали Пушкина, называли свои колхозы именами Кирова, Горького, Абая.

Когда я представил все это, мне невольно вспомнились слова Эдгара По: «Правда сильнее фантазии».

А степь, где родился мой друг, называлась равниной Долбы.

Аул был аулом Долбы. Скот принадлежал Долбе. Рахмет был пастухом у Долбы. Долба был богатым баем, и все называлось его именем. Прадед, дед, отец Рахмета пасли его бесчисленные стада. Дедушка Рахмета, погоня овец, напевал:

Я байских овец пасу,
Всю жизнь я забочусь о них,
Лишь только бай никогда
Не думает о пастухе.

И с горечью повторял дед:

Лишь только бай никогда
Не думает о пастухе...

Жизнь готовила Рахмету судьбу байского пастуха. Ему тоже предстояло петь дедовскую песню: «Лишь только бай никогда не думает о пастухе...» Но Рахмет преступил закон своих предков. Нарушил загадочно. Он бесследно исчез из степи Долбы. В ауле думали: «Рахмета растерзали волки». В ауле прошел слух—Рахмета захватили басмачи. В ауле говорили: «На Рахмета напали черти, и он потерял рассудок».

Но не растерзали Рахмета волки, не захватили басмачи, черти не напали на него. Он просто устремился в неизвестные дали, нарушив традицию степных дней, годов, веков. Он порвал нить, связывающую поколения. Он хотел выйти из темноты на свет.

В это время в степи происходили странные вещи. Вот какие странные вещи. Волки сидели в берлогах, а басмачи, как волки, бродили по степным дорогам. Басмачом стал прежний царский пристав, волком — бай Долба.

Рахмет не попался в руки басмачам. Время смотрело на него с улыбкой. Он нашел человека, который позабылся о нем. Впервые в жизни встретился он со счастьем. Оно пришло к нему в форме солдата Красной Армии.

Это случилось так.

Рахмет вместе со своим отцом Толепом пас ягнят. Однажды у них потерялся белый ягненок. Долба безжалостно избил его отца.

Толеп обрушил свою ярость на сына и тоже избил его толстой палкой до потери сознания. Когда мальчик очнулся, в юрте были только его спящие сестры — Кулянда и Сагадат. Рахмет закрыл их одеялом, вышел из юрты и побрел по степи.

Настал вечер, Рахмет заплакал. Ему стало страшно. Он заблудился в огромной степи.

Вдруг из темноты появился всадник и осадил коня перед Рахметом.

— Эй, мальчик, кто ты? — стал расспрашивать его всадник.

Рахмет рассказал все. Всадник выругался, посадил Рахмета на лошадь сзади себя и проговорил:

— Держись за меня крепко. Меня зовут Турар. А ты запомни: твой отец не Толеп, а Даур¹.

Рахмет не знал, что такое Даур. Это слово было для него загадкой, но все же он повторил про себя: «Даур, Даур...»

На рассвете всадник снова сказал:

— У меня есть сын, его зовут Сейтен. Не забудь, его зовут Сейтен, ты сдружишься с ним.

Они подъехали к городу, возникшему, как степной мираж. Неожиданно конь шарахнулся в сторону. Из зарослей саксаула выскочил человек и в упор выстрелил в Турара. Турар, как срезанный тополь, рухнул на землю, свалился и Рахмет. Напавший поймал коня, сел на него и исчез в степи.

На востоке медленно загоралось утро. Турар собрал все свои силы и приподнялся.

— Рахмет, твой отец Даур. Никогда не забывай об этом.

Вдохнув, он заговорил тише:

— У меня есть сын. Ты будешь его другом.

¹ Даур — эпоха.

— Дяденька! — вскрикнул Рахмет.

Турар закрыл глаза, снова открыл и уже с трудом произнес:

— Рахмет, у меня в кармане есть платочек, достань, пожалуйста.

Рахмет достал. Турар обмакнул палец в свою кровь и на платке написал букву «Д».

— Возьми себе этот платок. И помни—ты сын Даура.

Рахмет долго смотрел на посеревшее лицо Турара и, наконец, понял, что он умер.

Турара, погибшего от руки врага, похоронили у дороги, а Рахмета красноармейцы увезли в город.

Его привели в большое каменное здание интерната, дали кровать, одеяло, матрац и подушку. Одели в новую рубашку, шаровары и сапоги. В интернате было много детей, и Рахмет быстро привык к новой жизни.

Через несколько дней Рахмета пригласила учительница.

— Как зовут твоего отца, мальчик? — спросила она с улыбкой.

«Видно я в доме Даура, о котором говорил Турар. А девушка—дочь Даура», — подумал Рахмет.

Когда девушка спросила имя отца, он вспомнил платочек с буквой «Д», написанной кровью.

— Моего отца зовут Дауром.

— Как ты сказал?

— Мой отец — Даур.

Девушка записала в свою тетрадку: «Рахмет Дауров».

В школе ему дали букварь. Он раскрыл его и сразу узнал букву «Д». Рахмет долго не сводил с нее глаз.

— Ну как, интересно? — спросила учительница.

— Я знаю, — ответил Рахмет.

— Что ты знаешь? Откуда ты мог знать буквы? А ну-ка попробуй написать.

— Буквы пишутся кровью, — ответил Рахмет. Он постигал грамоту через кровь Турара. Но ни в городе, ни в интернате Рахмет не встретил сына Турара, о дружбе с которым все время мечтал.

В этой главе я рассказал только начало жизни своего героя. Я знаю, что в ней нет никаких особенных событий, достойных сюжета. Узел событий завяжется позже, когда мой герой станет инженером и будет работать в Караганде.

Рахмет страстно любил литературу и увлекался поэзией. Из произведений советских писателей ему больше всего нравился роман Ильи Эренбурга "День второй".

Он несколько раз перечитал его и перевел на казахский язык. Однажды вечером Рахмет собрал комсомольцев своего участка.

— Ребята,—сказал он,—давайте прочтем «День второй». Это роман о Кузнецкстрое, и многое в нем касается нас, карагандинских шахтеров.

Молодые шахтеры внимательно слушали Рахмета. Когда он кончил читать, встал комсомолец Маулекеш.

— В романе написана правда! Факт! Я узнал жизнь своего отца. Мой отец был кочевником. Ему всю жизнь не хватало хлеба, он не имел одежды. А теперь он — передовой шахтер Караганды. В романе описан мой отец. Факт!

Свою любовь к литературе Рахмет настойчиво передавал молодым шахтерам. Они собирались по вечерам в его квартире, читали стихи, обсуждали новые произведения. Как-то Рахмет прочитал в газете, что вышел новый роман Ильи Эренбурга. Он кинулся в книжный магазин, в библиотеку, но не достал его.

Зато роман отыскал шахтер Халел. Бережно завернув его в газету, он пришел к Рахмету.

— Вот то, что ты искал.

— Где ты нашел? — изумился Рахмет.

— В Караганду приехал гость из Алма-Аты. Его зовут Сейтен Тураров. Он — поэт. У него я и взял эту книгу.

Рахмет вскочил со стула. Внутренний голос шепнул ему: «Рахмет, ты — сын Даура». В памяти возникло видение — умирающий Турар, подняв голову, говорит: «Будь другом моему сыну Сейтену».

Сейтен Тураров! Не тот ли это безвестный друг, которого он ищет и не находит?

Рахмет невольно огляделся по сторонам, но в комнате, кроме Халела, — никого. Он снова сел на стул и тихо спросил:

— Если я приглашу этого поэта в гости, придет ли он?

— Конечно. Он такой же молодой, как и ты. Тоже комсомолец. Я передам Сейтену твою просьбу,— ответил Халел.

Вечером к Рахмету пришел Сейтен. Это был высокий, стройный черноволосый юноша. В глазах, настойчивых и внимательных, светились воля и ум. В порывистых решительных движениях угадывался темперамент. Мешковатый серый костюм, нечищенные ботинки, синяя рубашка, плохо завязанный галстук говорили о том, что Сейтен не интересуется своей внешностью.

Он подал Рахмету узкую смуглую руку. Ее пожатие было крепким.

— Сейтен, сын Турара,— отрекомендовался поэт хрипловатым голосом.

— Рахмет, сын Даура,— ответил Рахмет.

Они сразу понравились друг другу. В комнате сгустились сумерки, стояла радостная тишина, четко отсчитывали время настенные часы, в распахнутое окно врвался полынный запах степей.

Рахмет открыл припасенную для гостя бутылку портвейна, они выпили и разговорились.

Говорили о всякой всячине, потом оседлали «любимого конька»—литературу.

— Что там ни говори, но Илья Эренбург — настоящий писатель,—утверждал Рахмет.

— Не знаю, не знаю! Мне больше нравится Юрий Олёша. А из поэтов — Александр Прокофьев.— И Сейтен процитировал:

Направо взгляни, налево взгляни,
В зеленых кафтанах проходят линии.

— Неплохие стихи, — согласился Рахмет, — но все-таки Илья Эренбург, это Илья Эренбург,..

— Я воздаю должное твоему Эренбургу. Мне же больше по душе Юрий Олёша...

По какой-то странной ассоциации мысли Сейтену припомнился один случай. Вспомнилась Москва, институт, в котором он учился. Сейтен шел по Тверскому бульвару, шел и скандировал чьи-то стихи, звонкие, четкие, темпераментные. И вдруг остановился.

На садовой скамейке сидела девушка, тоненькая черноглазая, с блуждающей улыбкой. Она смотрела в безоблачное небо и чему-то улыбалась. Чему? Солнцу, зеленым деревьям, московским домам или своим мыслям? «Я ее где-то видел,—подумал Сейтен, — но где, где?» Он вспоминал мучительно долго и, наконец, вспомнил.

— Да это же Валя! Валя из романа Олёши. Только у этой Вали глаза черные-черные, как перезревшие смородины. А у той? — Он не мог вспомнить, какие глаза у Вали из романа Олёши.—Да, эта девушка Валя, он знает ее хорошо, хотя и не встречался с нею в жизни.

Незнакомая девушка, сошедшая со страниц романа, была в синем платье, в туфлях на босую ногу. Она сидела на скамейке, сложив на коленях руки, и улыбалась.

«Бог ты мой»,—подумал Сейтен и побрел дальше.

— Почему этот юноша смотрел на вас так пристально,— спросил чей-то голос.

Сейтен резко обернулся. К девушке подходил молодой человек, русоволосый, голубоглазый, веселый. Сейтен поморщился. Он не слышал, что ответила девушка, и ушел. С этого дня Сейтен загрустил. Ему все чудилась черноволосяя, смуглолицая девушка на Тверском бульваре. Он несколько раз приходил на бульвар в надежде снова увидеть ее, но так и не увидел.

И вот теперь, в комнате Рахмета, разговаривая о Илье Эренбурге и Юрии Олёше, Сейтен снова увидел перед собой девушку с Тверского бульвара. Героиня романа и живая девушка предстали перед ним, как одно реальное лицо, и он удивился своему видению, веря в него и сомневаясь в нем.

А Рахмет смотрел на гостя и тоже мучительно думал: «Сын Турара Сейтен или нет?» И стал расспрашивать своего гостя осторожно, но настойчиво.

— Да, я родился в степном городке. Да, мой отец— Турар, красноармеец. Да, он погиб от руки врага на степной дороге. Около него красноармейцы нашли мальчика. Он плакал и все повторял слова: «Я — сын Даура».

— Сейтен!—воскликнул Рахмет.— Этот мальчик — я! Я долго искал тебя по земле и наконец нашел. Какое счастье, что я нашел тебя, сын Турара!

Так вошел в мое повествование поэт Сейтен, друг Рахмета, сын Турара.

* * *

В жизни много бывает случайного и неожиданного.

Летним вечером в комнату Рахмета постучали. Он открыл дверь и недоуменно взглянул на посетителя.

На пороге стояла тонкая черноглазая девушка, смущенно и выжидающе улыбаясь.

— Вам кого?—все так же недоумевая, спросил Рахмет.

— Мне нужно Рахмета. Не вы ли Рахмет, что родился в долине Долбы?

— Да, я Рахмет, что родился в долине Долбы.

Девушка вскинула руки, обхватила его шею и поцеловала в губы. Рахмет растерялся от неожиданности, потом смутился и торопливо проговорил:

— Простите, пожалуйста, но я вас не знаю.

— Рахмет, Рахмет,— укоризненно покачала головой девушка.— Я твоя младшая сестра Сагадат. Я все время мечтала найти своего брата и вот, наконец, нашла. А как ты встречаешь свою сестру, Рахмет?

Ошеломленный Рахмет еле пришел в себя. Несказанная радость встречи с сестрой захватила его. Он не знал, куда посадить Сагадат, чем ее угощать. Воспоминания детства, нахлынувшие подобно морским волнам, охватили Рахмета. Брат и сестра просидели до утра.

Вот что рассказала Сагадат брату.

...Вскоре после исчезновения Рахмета девочку устроили в аульную школу. У нее проявились музыкальные способности, и народный комиссариат просвещения отправил Сагадат учиться в Московское музыкальное училище. Она только что закончила его и приехала в Караганду. В городе случайно узнала, что на одном из участков работает инженер Рахмет из долины Долбы. И Сагадат разыскала Рахмета.

Так встретились брат и сестра, потерявшие друг друга еще в детстве.

Сагадат жила на другом конце города и посещала брата только по выходным дням. Концерты и музыкальные вечера в рабочих клубах занимали все ее время. Встречаясь с братом, Сагадат рассказывала о том, как хорошо принимают шахтеры ее игру на скрипке, какое удовольствие ей доставляют эти выступления.

Брат смотрел на сестру, любовался и гордился ею. И как не гордиться! Ведь она — первая казашка, ставшая скрипачом. Дочь степного кочевника—музыкант! Что бы сказали об этом его родственники из долины Долбы?

Думая о своей сестре, Рахмет решил: «Я найду ей достойного жениха, найду ей мужа, талантливого, как она».

И перед ним возник образ поэта Сейтена, сына Тугара.

Через несколько дней Рахмет встретился с ним. Они зашли к Рахмету, купив вина и закусок.

Сейтен поднял рюмку с огнистым портвейном. Со дна рюмки поднимались воздушные пузырьки и растворялись, как мелкие жемчужины. Сейтен медленно выпил портвейн, сощурился и мечтательно произнес:

— Друг мой, Рахмет! Сердце мое полно поэзии, стихи звучат в моей душе. Они поют во мне, как скрипка, и все зовут, и все манят в неизвестные дали. Стихи, стихи! О чем мне только не хочется петь! О белой яблоне, стоящей на одиноком утесе. О девушке, цветущей, как яблоня. О друге, который искал и нашел своего друга. О наших степях, раскрывающих свои богатства. Об отцах, завоевавших для нас свободу. И снова о яблоне, закрывающей белыми цветами одинокий утес. И снова о девушке, цветущей, как яблоня!

Сейтен поставил на стол рюмку, склонил голову и задумался. Рахмет посмотрел на него теплым, дружеским взглядом. В восторженной речи Сейтена он все-таки улавливал неопределенную грусть и томление. Почему грусть, почему томление? Видно, друг его созрел для чего-то такого, когда мужская дружба уже не может удовлетворять. Может быть, ему уже нужна девушка, возлюбленная, жена, которой легче и приятнее поверить тайны сердца! Да, по-видимому, это так!

А Сейтен снова поднял голову, улыбнулся, и глаза его ярко засветились.

— Рахмет! Слушай меня, мой друг! Я буду петь. Я буду импровизировать, подобно нашим акынам, я буду слагать стихи. И пусть стихи мои не так хороши, как у Абая, но я буду петь для тебя.

Сейтен побарабанил пальцами по столу и медленно заговорил:

Не найдешь на этом свете
Лучше песни ничего.
Ночь прошла,
И месяц светит
В окна дома моего.
Я гляжу на свет холодный,
В степи всматриваюсь я.
По степям, как в море волны,
Ходят волны ковыля.
На душе моей чудесно,
На душе моей светло.

Не найдешь ты лучше песни
В этом мире ничего!

Так ли это?
Может, ложно
Говорит сейчас поэт.
Может, он неосторожно
Утверждает —
Кроме песни,
Ничего на свете нет!

Повернись лицом к востоку,
Глянь на солнечный восход.
На утесе одиноком,
Видишь, яблоня цветет?
В платье розовом и белом
Без подруг стоит она.
В тишине оцепенелой
Эта яблоня одна.

На заре густой и алой
Робко яблоня цветет.
К ней походкой величавой
Смело девушка идет.

Подошла.
Взяла листочек
И стоит у древних скал.
Из руки ее платочек
Вдруг под яблоню упал
Он упал на лепестки.
Но поднять она не хочет.
Этот маленький платочек
Исцелил бы от тоски,
Исцелил бы от страданья
Сердце друга моего...
Почему мне жалко парня,
Не поднявшего платок?

Бедный парень!
Он не знает,
Что судьба его—платок.
Что она о нем мечтает,
Что на свете,
Что на свете
Он совсем не одинок!

Милый друг мой!
Подойди же
К солнцу счастья своего.
Солнце выше,
Тени ниже.
Тот судьбой своей обижен,
Кто не знает ничего,

Милый друг мой!
Посмелее
Ты к любимой подойди.
Ведь любовь твоя сегодня
У тебя же на пути.

Почему бы мне не встретить
В жизни друга своего?
Только нет душе поэта
Ничего на этом свете
Кроме песни — ничего!

— Ну, что ты скажешь? — спросил Сейтен, закончив свою импровизацию и устало откинувшись на спинку стула.

Рахмет молчал. Он сосредоточенно рассматривал узоры на скатерти и о чем-то думал.

— Что же ты молчишь? — снова спросил Сейтен.

— Почему я молчу? А вот почему. Я думаю о тебе, Сейтен.— Неожиданно для себя Рахмет повысил голос.— Сейтен, друг мой! Тебе необходимо жениться. Тогда и жизнь твоя и твое творчество войдут в колею. Ты будешь творить без тоски в сердце. Творить с любовью. Ведь без любви нет вдохновенья. Согласен ли ты?

— Любовь, любовь,— усмехнулся Сейтен.— Любовь, как птичка неземная, законов всех она сильнее! Так, что ли?

— Слушай меня, Сейтен. Ты мой друг, ты — сын Турара. Перед смертью он сказал мне — будь другом моего сына. Если бы Турар и не завещал мне этого, мы все равно бы встретились и стали друзьями. Не правда ли?

— Правда,— согласился Сейтен.

— На правах друга и брата я хочу, чтобы ты женился.

— Надо иметь сначала невесту,— усмехнулся Сейтен.

— Невеста есть. Это моя сестра Сагадат. Понимаешь, Сейтен, моя сестра. Она музыкантша, она хорошая девушка.

Сейтен смотрел на Рахмета и задумчиво улыбался. Эта улыбка смутила Рахмета. Он замолчал, и неприятная мысль поразила его. «Может быть, Сейтен подумал.— я хочу выдать свою сестру за него, потому что он поэт. Ведь он не знает моей сестры. Может быть, он любит дружую? Я просто дурак. Вот что значит следовать устаревшим обычаям. Видно, я напомнил Сейтену феодала. Глу-

по и пошло! Пошло и глупо!» — мысленно ругал себя Рахмет и заговорил снова.

— Не подумай плохого, Сейтен. Я вижу, тебе не по душе мое предложение. Я далек от дурных мыслей, мне противны старые феодальные обычаи. Я жалею, что заговорил о своей сестре.

Сейтен положил руку на плечо друга.

— Не обижайся, Рахмет. Я с радостью женился бы на твоей сестре, если бы...

Сейтен запнулся, устало закрыл веки и добавил:

— Если бы не любил другую.

Рахмет наполнил рюмки портвейном.

— Если так, выпьем за здоровье твоей возлюбленной. Кто она и где она?

Опять грустная улыбка промелькнула в глазах Сейтена.

— Я не знаком с нею и только раз в жизни видел ее в Москве, на бульваре. Я не знаю ее имени, не знаю, кто она такая.

- Забавно,— расхохотался Рахмет. — Таинственная незнакомка, любовь с первого взгляда. Поэты, все вы одинаковы!

— Я принимаю твой тост за ее здоровье. Выпьем! — Сейтен поднял рюмку.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла Сагадат. Она смутилась, увидев у брата незнакомое человека, но Сейтен, удивленный и радостный, поднялся со стула.

Перед ним была девушка с Тверского бульвара, та самая Валя, что сошла со страниц романа и вторглась в его жизнь.

— Познакомьтесь, — сухо сказал Рахмет. — Моя сестра Сагадат.

Неожиданная встреча Сагадат и Сейтена послужила поводом для новых многочисленных встреч.

Они виделись на улицах города, в клубе, на концертах. Говорили о литературе, музыке, поэзии, обо всем на свете, кроме любви. Сагадат играла Сейтену мелодии Баха, Чайковского, Шопена. Он в свою очередь декламировал ей стихи Гейне, Пушкина и Беранже. Временами Сейтену казалось, что Сагадат любит его. По ночам, в

своей маленькой комнатке Сагадат мечтала о Сейтене. Но о любви между ними так и не было сказано ни слова.

Сейтен часто размышлял о том, почему Рахмет предложил ему жениться на сестре. «Ведь он же не знал, что любимая мною девушка — Сагадат. Это отвратительно! Ведь он инженер, советский человек, комсомолец».

Но как Сейтен не осуждал Рахмета, он все-таки был признателен ему за отчаянное предложение. В то же время Сейтен испытывал стеснение и робость каждый раз, когда хотел объясниться в любви Сагадат. «Она, наверно, знает о предложении брата. Брат едва ли скрыл свои слова от сестры». — Эта смутная неопределенная мысль, возникнув в сознании, уже не оставляла Сейтена. Она стала настойчивой и беспокойной. Тусклые сомнения, словно грязные пятна, тревожили его. В любовь вполз червячок и пытался подточить ее как травинку. В душе поэта поселились тоска и чувство непонятной тревоги.

Сейтен анализировал свое новое состояние и не находил ему ни причины, ни объяснения. Что же все-таки случилось? Почему встречи с Сагадат не доставляют ему сейчас сладких минут душевного трепета?

Наконец он принял смешное и тяжелое решение — избегать встреч с Сагадат. Рассеянный и мрачный ходил он по городским улицам, иногда забирался в степь и лежал в дымчатых зарослях ковыля. Безоблачное, словно тусклое серебро, небо, безжалостное солнце, душные колеблющиеся стены трав, жалобный стон кузнечиков не привлекали его внимания. Мысли по-прежнему кружились вокруг Сагадат, которую он запретил себе видеть.

«Что же я потерял, отказавшись от встреч с нею? Прежде всего я потерял радость, потерял вдохновение. Стихи не идут на ум. А если еще и пишу, то какие-то плохие строки выползают из-под пера, как стебли увядшего ковыля,—Сейтен посмотрел на поблекшие хрупкие стебельки, упавшие на землю, и злорадно усмехнулся.—Я оскорбил любимую, отказавшись от свиданий с нею, обидел друга и брата, ибо Рахмет не только друг, но и мой сводный брат. Его спас от гибели мой отец Турар и завещал дружить со мною. Я же нарушил завещание отца и сам предал свою любовь».

При этой новой и неожиданной мысли сердце Сейтена похолодело. Его охватил страх, и он крикнул во весь голос, поднимаясь с земли:

— Неправда? Я не предал свою любовь!

Испуганная криком зеленая ящерица метнулась в сторону. И только. Безграничная, переливающаяся под солнцем степь не отозвалась на крик Сейтена. Он потоптался на месте и угрюмо побрел в город. Зайдя в библиотеку, стал просматривать свежие газеты. Взгляд скользил по газетным строкам без всякого внимания. Читать не хотелось. Сейтен уже хотел положить газету и уйти, но в глаза бросилась фраза: «У нас каждая девушка выходит замуж по собственному желанию».

Сейтен с любопытством перечитал строку из передовой, а потом и всю передовую. Она была посвящена советской семье и любви.

«Советская власть запретила выдавать девушек замуж по желанию отца или старших братьев. Насильственная выдача женщины за нелюбимого — это феодально-байские пережитки, с которыми у нас велась и ведется борьба», — читал Сейтен, ощущая в своем сердце острую занозу.

Он вышел из библиотеки.

Стоял душный летний вечер. Ветви пыльных деревьев недвижно висели над бульварами. Молодежь прогуливалась в скверах, танцевала на площадках. Искрометные вальсы Штрауса переливались в воздухе. На фанерном щите висела афиша, извещающая о новом фильме «Песнь о любви». Молодые возбужденные голоса, веселая музыка, рекламы кинокартин, вечерний воздух твердили о любви, только о любви.

Сейтен долго бродил по улицам, пока не очутился у дома Сагадат. Он остановился в раздумье и нерешительно постучал в дверь.

Сагадат сидела одна, на столе лежала скрипка, девушка не прикасалась к ней. Она недоуменно взглянула на Сейтена.

— Мне надо поговорить с вами, Сагадат, — сказал Сейтен, не здороваясь.

— О чем? — в ее голосе он почувствовал отчужденность и недоверие.

— Я люблю тебя, Сагадат, и пришел спросить, что ты об этом думаешь, можешь ли полюбить меня?

Она усмехнулась горько, одними губами.

— А что мне думать, если брат приказывает — люби!

— Значит, если ты полюбишь меня, так только в угоду Рахмету?

— Может быть и так!

Сейтен отступил к порогу, но прежде чем выйти, сказал:

— Сагадат! Тебя никто не заставит любить меня. Никто! Ни брат, ни я. По принуждению не любят! И я не имею права обижаться на тебя. Забудем этот разговор.

И он выбежал на улицу.

Теперь, когда он объяснился с Сагадат, тревожные мысли оставили его; на душе стало легче. Он вернулся домой и лег.

Ему снились безоблачные веселые сны: снова, как в детстве, он летал по воздуху. Поднимал руки, подпрыгивал и летел без всяких усилий, летел над степью, и степь пела далеко внизу, а цветы и травы улыбались ему. Удивительное ощущение легкости и невесомости не покидало его.

Сейтен проснулся от чьего-то робкого прикосновения и открыл глаза.

Перед ним стояла Сагадат.

— Сагадат!

— Да, это я. Я пришла сказать тебе от чистого сердца, что люблю тебя.

Она наклонилась над ним и поцеловала в губы.

На этом пока прерывается рассказ о моих ровесниках. Я прервал его, чтобы рассказать о моих старших братьях.

МОИ СТАРШИЕ БРАТЯ

(Вторая дорога к роману)

Морозная лунная ночь. Ярко блестит холодная луна. Под ее неверным колеблющимся светом медленно продвигается арба, запряженная верблюдом. На арбе какие-то доски и бревна. На бревнах сидит казашка, закутанная в старый шопан, за арбой идет казах в лисьем малахае. Он то и дело всматривается в степной полусумрак.

Его зоркие глаза замечают и старый могильный памятник, и белый верблюжий череп, и кустик боялыча над заиндевелой землей. Особенно ясно видны домики из красного кирпича; недалеко от них замшелые землянки с голенастыми трубами, похожими на голые верблюжьи шеи. В землянках живут шахтеры, работающие на угле-разработках концессии английского промышленника Хогинса в Караганде.

Шахтеры только что вернулись с работы. В маленькой землянке живут шесть семей. Каждый вершок ее занят людьми. На полу, на старом тряпье, ужинают рабочие. Их ужин беден: черствый хлеб и теплая вонючая вода.

Только Алип, его жена Дамеш и ребенок лежат в постели. У них сегодня нет даже хлеба. Ребенок начинает громко плакать.

— Хлеба, хлеба! — вскрикивает он сквозь слезы,
— Да замолчи ты, проклятый, — шепчет Дамеш, прижимая сына к груди.

Старый белобородый шахтер Нурлыбай вертит в руке кусок хлеба, потом разламывает его на две части и большую часть подает ребенку.

— Кушай, сынок, кушай. Я уже сыт по горло...

Бледная тонкая ручонка захватывает хлеб. Раздается удовлетворенное чавканье. Мальчик затих.

— Спасибо тебе, Нурлыбай, — шепчет Дамеш.

Нурлыбай отворачивается и смотрит на позеленевшую стену землянки. Алип тяжело вздыхает. Кто-то открывает темную дверь. Раздается голос забойщика Шектыбая.

— Алип, вставай! К тебе приехали гости.

— Кто может приехать ко мне? — вскакивает с постели Алип.

Он надевает на босые ноги опорки, на голову ровный борик и выходит во двор. За ним идет Дамеш. У землянки стоит арба, возле нее хлопочет казах. Это брат Алипа — Толеп, рядом — его дочь Кулянда.

Алип торопливо подходит к брату.

— Салям алейкум¹, Толеп!

— Алейкум салям², Алип! Не ждал?

— Не ждал!

— А я приехал к тебе в гости.

— Спасибо, я очень рад, — говорит Алип и думает: «Чем я буду угощать? Приехал совсем некстати».

Толеп широко улыбается и обращается к дочери:

— Кулянда, поздоровайся с дядей.

Кулянда осторожно подает руку Алипу. Он холодно пожимает смуглую руку девушки. Кулянда поворачивается к Дамеш.

— Здравствуй, тетя. Прими подарки. — Она вынимает из арбы баранину и баурсаки.

Дамеш радостно вскрикивает, обнимает и целует в щеку Кулянду. Лицо Алипа светлеет.

— Куда ты везешь бревна и доски? — спрашивает он брата.

— Тебе. Я приехал помочь тебе построить землянку.

Алип расправляет хмурые брови — «Какое все-таки счастье, что приехал брат!»

— Пойдем в землянку, агатай. Поужинаем и отдохнем. Ты устал с дороги. Пошли скорей, агатай.

У землянки Алип останавливается.

— Ты что врос в землю? — спрашивает жена.

— Место, место, — бормочет Алип.

¹ Приветствие.

² Ответное приветствие.

— Какое место?

— У меня нет места уложить брата. Не могу же я положить его под открытым небом.

Дамеш молча опускает глаза.

— Я попрошу Нурлыбая уступить свое. Он уходит на работу. На нашей постели ляжет Толеп. Вот только, где будешь спать ты?

— Мне ничего не надо. Я буду всю ночь копать яму для нашей землянки,— весело отвечает Алип.

— Это, оказывается, приехал мой брат,— объявляет Алип соседям.— Ты не уступишь свое место, Нурлыбай?

— О чем ты спрашиваешь, Алип? Занимай.

В землянку входят Дамеш, Кулянда, Толеп.

— Ассалаумагалайкум!¹

— Аликумсалам²,—слышатся из угла тихие короткие приветствия.

Толеп проходит к постели Алипа, бережно наклоняется, целует мальчика и осматривает землянку. Забойщик Шектыбай перехватывает его взгляд и коротко отвечает:

— Вот такая у нас жизнь. Сбились в кучу, как овцы. А скажи слово — хозяин выгонит. На днях к нам поселят еще две семьи. Где для них место найдем — не знаю.

— Ойбой! — качает головою Толеп.

Дамеш кипит чай. В чайник кладет уже несколько раз выпаренные зеленые листья, собирает по соседям свободные пиалы. Налив чай, ставит пиалы перед Толепом и Куляндой. Нарезает тонкие ломтики баранины. Толеп с жалостью смотрит на брата.

— Плохо живем, ой, как плохо, — говорит Алип.—В день зарабатываю восемьдесят копеек. Даже на хлеб не хватает, а хозяин снова грозит снизить заработок.

— Не лучше ли бросить работу и вернуться в аул,— говорит Толеп.

— Если уезжать, так всем сразу,— вступает в разговор Шектыбай.— Хозяин остановить работу не сможет. Он будет вынужден увеличить нам плату.

— Да лежи ты спокойно! Не болтай! А то достукаешься со своим языком,—толкает локтем Шектыбая молодой, костлявый шахтер.

Шектыбай садится на постель.

¹ Да благословит вас аллах.

² И тебя благословит аллах

— Мы и так уже достукались. С нами обращаются, как с собаками. А ты все боишься? Чего ты боишься? Потерять плату? Ты уже ее потерял! Боишься голодать? Ты давно голодаешь! Боишься за свое жилье? У тебя его нет! Чего же ты боишься?

— Перестаньте спорить. Дайте покой ушам,—сердито замечает Нурлыбай и одевается. Ему нужно идти в ночную смену, в осточертевший угольный забой.

* * *

Перед рассветом особенно холодно. На кустиках боялыча резко сверкает иней, мерзлая земля гудит под лопатой. Алип не чувствует холода. Он с увлечением готовит место под землянку. Ой, как же хорошо иметь свой угол! Пусть нора в земле, но можно свободно дышать. У него будет теплая сухая землянка. Алип сдвигает на затылок борик, по лицу катится пот, смешанный с сажей. Скоро гудок, скоро на шахту, ну да ничего! Ради землянки можно и не поспать.

Над степью взлетает протяжный тяжелый рев. Это гудок. Он воет, как стая голодных волков. Шахтеры вскакивают со своих мест.

— Неужели это второй гудок? — спрашивает соседей Шектыбай.

Ему никто не отзечает. Шектыбай достает из-под подушки ломоть черного хлеба, солит его и прячет за пазуху. Он выходит из землянки первым, за ним тянутся остальные. Дамеш завертывает в тряпку кусочек баранины.

— Это для Алипа. Он ведь не спал и снова пойдет на работу.

— Я пойду с тобою, тетя? — спрашивает Кулянда.

Дамеш и Кулянда спешат к Алипу и сталкиваются с надсмотрщиком. Тот, ругаясь, наступают на Алипа:

— Кто разрешил копать здесь? Кто тебе позволил? А ну, марш в контору!

Алип втыкает лопату в землю, вытирает лицо бориком и направляется к красному кирпичному домику. Дамеш и Кулянда следуют за ним в отдалении.

У конторы надсмотрщик останавливает Алипа.

— Подожди тут,— и исчезает за дверью. Через минуту он появляется снова,

— Заходи,— грозно кричит он Алипу.— И вы заходите, я вам говорю! — прикрикивает надсмотрщик на Дамеш и Кулянду.

В конторе, за большим столом уже сидит мистер Хогинс—толстый седой старик—и что-то пишет. Рядом, на диване, поджав под себя ноги, лежит его сын Джим. На его согнутых коленях — маленькая японская собачка. Джим достает из коробочки конфеты, одну кидает в свой рот, другую — собачке. Собачонка облизывает мордочку и тихо повизгивает. Увидев казашек, Джим опустил ноги с дивана и, поморгав белесыми ресницами, смотрит на Кулянду. У него лошадиное лицо, толстые губы, бесцветные глазки.

Мистер Хогинс поднимает холеное розовое бритое лицо и откидывается в кресле.

— Подойди поближе,— приказывает он Алипу отрывистым густым голосом.

Алип подходит.

— Для чего ты копал землю? И кто тебе разрешил копать?

— Я строю себе землянку,— почтительно отвечает Алип.

— Мне это очень нравится! Он строит себе землянку! — мистер Хогинс встает и выходит из-за стола. — А завтра тебе еще что-нибудь захочется, а?

— Мне негде жить,— с еще большей почтительностью отвечает Алип, склоняя голову перед хозяином.

— Почему ты без разрешения копаешь землянку?

— Земля-то божья. Разве мало земли? — отвечает Алип.

— Это моя земля, а не твоя. Ты еще скажешь и шахта принадлежит тебе. Я тебя оштрафую на десять рублей за самовольство,— орет Хогинс.

Алип униженно кланяется.

— Откуда взял лес?

— Брат мне привез.

— Ты украл лес. Сейчас же доставь в контору.

Кулянда дрожит от страха, держится за руку Дамеш. Джим смотрит на Кулянду и бросает конфетку собаке. «Она очень красива, эта дикарка»,—думает он и обращается к отцу по-английски. Хогинс улыбается сыну в ответ.

Джим прогоняет надоевшую собачонку и подходит к

Кулянде. Она пятится от него за спину Дамеш. Джим скалит крупные белые зубы и протягивает Кулянде конфетку. Алип строго смотрит на девушку, приказывая глазами: — Бери!

Кулянда робко берет. Джим весело улыбается. Алип торопливо опускается на колени перед Джимом.

— Молодой господин, заступитесь за меня. Пусть ваш отец позволит строить землянку. Не отнимайте мой лес.

Джим брезгливо обходит стоящего на коленях Алипа и что-то шепчет на ухо отцу.

— Оллрайт, оллрайт,— хлопает по спине сына мистер Хогинс. — Можешь не беспокоиться. Джим Хогинс поворачивается толстым розовым лицом к надсмотрщику:

— Оштрафуйте этого киргиза за опоздание на работу.

Алип снова кланяется, пятясь задом к двери.

— Постой,— останавливает его Хогинс.— Землянку можешь копать. Разрешаю. Но при условии: на работу пойдешь в седьмой забой. Ты понял меня?

Алип бледнеет: его губы трясутся, он весь сжимается и словно становится меньше.

— Как вы сказали, хозяин?

— В седьмой забой!

— Но в забое нет крепления. Там опасно. Там может быть обвал.

— Я сказал — в седьмой забой. Проваливай!

Алип покорно выходит из конторы мистера Хогинса. За ним, как неотступные тени, идут Дамеш и Кулянда.

... Кулянда лежит в землянке, на постели Алипа. Никого нет. Все шахтеры на работе. На полу играет совершенно голый сынишка Алипа. В углах, под грудями вонючего тряпья шуршат мыши. Очень тихо. Слышно, как падают с потолка капли. Кулянда лежит с закрытыми глазами, но видит лошадиное лицо и толстые губы Джима. Ей становится страшно. Она широко открывает глаза, опять закрывает их, но страх не проходит.

Толеп и Дамеш продолжают работу, начатую Алипом. Они готовят место для землянки, сосредоточенно выбрасывая лопатами мерзлую землю.

А вокруг них — голая, заиндевевшая степь, морозное безразличное небо. И больше ничего. Только там, где кирпичные красные домики, раздастся вялое тьявканье собачонки. Это лает японская собачка мистера Джима.

В забое темно и сыро. Забой узок, как рукав, и страшен, как беда, которую ждешь, но не знаешь, когда она нагрянет.

В глубине забоя — Алип. Обнаженный до пояса, он рубит уголь. Пот, смешанный с угольной пылью, течет по его груди. А пот, стекающий с затылка, неприятно холодит позвоночник. Алипу хочется пить. Он подставляет ладонь под черные капли, капающие с крыши забоя и, набрав горсточку, пьет. Становится легче. В забой проникает холодный осенний ветер и немного освежает Алипа.

Он с кряканьем отваливает киркой большую блестящую глыбу, разбивает на куски, нагружает тачку. Ее надо наполнить углем доверху, иначе оштрафуют за недогрузку. А полную тачку очень тяжело гнать в кромешной темноте наверх.

Алип бросает лопату и снова берется за кирку. Над его головой что-то угрожающе потрескивает. Алип поднимает голову. Коптящий факел кроваво освещает крышу забоя. Черные пласты угля зловеще мерцают. Что же трещит? Неужели обвалится крыша? Алип настораживается и напряженно ждет. Треск прекращается. «Это мне почудилось. Крыша прочна, не обвалится», — тревожно думает Алип, хотя и не очень-то верит себе.

Перед ним в стене забоя узкая дыра. Над дырой нависла черная глыба. Надо лечь на живот, проползти в отверстие, повернуться набок и снизу вверх отбивать угольный пласт. Иначе работать нельзя. Алип решительно ползет под глыбу и начинает работать киркой.

— Тук-тук, — глухо падают удары кирки.

— Так, так, — также глухо отзывается эхо.

А вокруг темнота, злая настороженная, угрожающая темнота. Еле-еле мигает копящий факел. От копоти першит в горле, она проникает в легкие, вызывая мучительный кашель. Алип с остервенением работает киркой. Вдруг сзади раздается глухой гул: огромная глыба угля обваливается ему на ноги. Острая режущая боль охватывает тело. Алип истошно кричит.

Его крик доносится до шахтеров, работающих в соседнем шестом забое. Шахтеры бросают кирки и выбегают из забоя. Дорогу преграждает десятник,

— Почему побросали работу? Идите назад!

— В седьмом забое обвал. Там работает Алип. Надо спасти товарища,— сурово отвечает Нурлыбай.

Забойщик Илья Афанасьевич, широкоплечий, рыжебородый, с необыкновенно синими глазами, отталкивает десятника и устремляется к седьмому забою. За ним спешат Нурлыбай, Шектыбай и Алексей Петров. Они молниеносно расчищают обвал и бережно выносят Алипа. Он без сознания.

— Живой? — спрашивает Нурлыбай.

— Живой. Только, кажется, переломлена нога, — отвечает Илья Афанасьевич.

Вокруг Алипа собираются шахтеры. Мрачные, с нахмуренными лицами, раздаются озлобленные голоса:

— Звери! Посылают на верную смерть!

— А мы все смотрим да терпим!

— Искалечили человека, а теперь выбросят на улицу.

— Жаловаться надо, а не молчать.

— Кому жаловаться? Хозяину на хозяина, что ли?

— Почему не ставят крепления в шахтах? Почему посылают в опасные места?

— Если ты погибнешь — ничего не случится, — бросает кто-то из шахтеров.

— Десятнику даже выгода,— подхватывает другой.— Твой заработок останется в его кармане.

К толпе шахтеров подходит десятник.

— Отнесите его в землянку. Остальные в забои,— приказывает он.

— Надо вызвать врача,— говорит Алексей Петров.

— Не твое дело! — орет десятник.— Почему не идешь на работу?

— Ты же за меня не будешь работать. Чего беспокоишься?

— Я с тобой после поговорю. Проваливай,— машет рукой десятник.

Алексей Петров, Илья Афанасьевич, Шектыбай, косясь на десятника, уносят Алипа.

Шахтеры расходятся по своим местам, тихо переговариваясь.

— Уволят теперь Алипа.

— На черта нужен Хогинсу калека!

— Погибнет человек с голоду.

— Эх, и жизнь наша — копейка,— вздыхает кто-то.

Сыро и душно в полутемной землянке. Алип лежит на куче тряпья. Его губы плотно сжаты, глаза широко раскрыты и лихорадочно блестят. Он сдерживает стоны, чтобы не испугать жену.

Дамеш стоит у изголовья, сложив на животе маленькие руки, с глазами, полными слез. Рядом сидят Илья, Шектыбай, Алексей, Толеп и Кулянда.

— Ой, Толеп, Толеп, что же мне теперь делать? Ведь мы же совсем пропали!

— Не погибнете, Дамеш! Мы не дадим уволить Алипа с работы,—утешает ее Илья. — Соберем кое-что для него.

Попрощавшись с Алипом, Илья и Шектыбай уходят. Алексей мнетя на месте, ему хочется сказать Алипу, теплое ласковое слово одобрения, но он не знает ни одного слова по-казахски. Алексей проводит рукой по лицу и тяжело вздыхает. Он замечает плачущего ребенка, поднимает его на руки, ласкает. Ребенок перестает плакать и цепляется ручонкой за грязную шею шахтера. Алексей опускает мальчишку на пол, направляется к выходу, но останавливается. Резко обернувшись, возвращается и крепко жмет руку Дамеш.

Так и не найдя нужного слова, он поспешно выходит из землянки.

Толеп неподвижно сидит возле брата. «Какое несчастье, какое несчастье!» — тоскливо думает он.

— Кулянда, сходи к костоправу. Почему он так долго не идет.

Кулянда поднимается с места, одевается и выбегает из землянки.

— Да возвращайся скорее, — кричит вдогонку Толеп.

— Я принесу кизяку и растоплю печку,—говорит Дамеш, надевая старый шопан.

Алип провожает взглядом жену и стонет. Он всеми силами сдерживал себя при ней, но боль становится невыносимой. Ему кажется, что сломанная нога охвачена пламенем, а во всем теле — отравленные иголки. Они приближаются к сердцу, и нет сил предотвратить их приближение.

Алип пронзительно вскрикивает. Чей-то железный кулак вгоняет иголки в сердце. Алип теряет сознание.

Над степью дует холодный ветер, швыряя мелкий колючий снег. Сгущаются сумерки, скрадывая застывшие ямы, отвалы пустой породы, грязные землянки, красные домики конторы и квартиру мистера Хогинса. Скоро взойдет луна, но ей не пробить мрачные бегущие тучи.

Кулянда почти бежит, осматриваясь кругом черными блестящими глазами, прикусив маленькие красивые губы. Ей страшно, а почему рождается страх, Кулянда не понимает. До квартиры врача остается несколько шагов, но ее нагоняет кошевка. Кулянда шарахается, уступая место заиндевелой гнедой лошади. Из кошевки выскакивает человек.

— Стой! Стой! — кричит он Кулянде.

Кулянда в страхе пятится от неизвестного и начинает кричать. Незнакомец зажимает ей рот рукой, на помощь ему спешит еще один. Они поднимают Кулянду и бросают в кошевку. Лошадь мчится во весь дух к домику мистера Хогинса.

Парни вносят ее в комнату: один из них — белокурый, усатый, другой — смуглый и безбородый. Это — переводчик Хогинса — Отеген.

Посредине комнаты стоит Джим и улыбается.

— Мы приехали, господин, — произносит Отеген и отпускает перепуганную Кулянду. Она смотрит на Отегена, переводчик кажется ей сородичем.

— Что вам от меня надо? Отпустите меня! — Кулянда умоляюще хватается Отегена за полу пиджака. Отеген весело скалит зубы и отворачивается. Джим вынимает из кармана часы и подает Отегену.

— Молодец! Спасибо! Возьми на память!

Переводчик перебрасывает часы с ладони на ладонь, потом бережно прячет в карман пиджака и обращается к Кулянде:

— Господин ничего плохого не сделает. Он и тебе приготовил подарок. Ты хорошая девушка, не надо его бояться...

— Оллрайт! Вери гут! — кивает головою Джим. — Отведи, Отеген, девушку в спальню.

Переводчик берет Кулянду за руку. В это время открывается дверь, в комнату входит горничная Таня. Уви-

дев Кулянду, Джима и Отегена, она бледнеет и исчезает.

Отеген ведет Кулянду в спальню.

— Ну, чего ты дрожишь? Я ведь казах, чего ты боишься меня?

В спальне Джима уютно, чисто, красиво. На полу—зеленый, как малахит, ковер. На стене — картины обнаженных женщин, вдоль стен расставлены мягкие кресла и большой диван. Портьеры из темно-зеленого бархата закрывают окна. На низкой, красного дерева, кровати лежит роскошное шелковое платье.

Отеген подает платье Кулянде.

— Снимай свой шопан. Надевай это платье. Я отвернусь.

Кулянда плачет, платье вздрагивает и шуршит в ее руках.

— Быстрее надевай,— ласково говорит переводчик.— Чем скорее наденешь, тем скорее уйдешь отсюда. У богатого не стыдно взять подарок. Надевай, надевай быстрее. У этих господ — привычка не отпускать гостей без подарка.

Лицо Отегена добродушно, слова ласковы, улыбка вкрадчива. Кулянда с трепетом встряхивает платье.

— Ну, быстрее же, я отвернусь.

Отеген отворачивается от Кулянды. Та все еще смотрит на платье. Несмотря на страх и тревогу, ей нравится платье. Белое, шуршащее, необыкновенно красивое платье.

— Надевай же,— ласково шепчет переводчик.— Как наденешь, так и пойдем домой.

Кулянда снимает свой шопан. Отеген искоса поглядывает на нее. Его взгляд останавливается на маленьких, похожих на чашечки, грудях. Отеген облизывается, глотая слюну, и снова смотрит. Он видит тонкую, нежную обнаженную талию Кулянды, которая медленно одевает шелковое платье.

Отеген бросается к ней и начинает обнимать. Кулянда вырывается из его объятий и отскакивает в сторону.

Кто-то нетерпеливо стучит в дверь. Отеген устремляется к двери, открывает ее. На пороге стоит Джим... Отеген униженно кланяется.

— Она уже оделась, господин. Прошу вас, господин, заходите.

Переводчик выходит из комнаты. Джим запирает

дверь на ключ и кладет его в карман. Испуганная Кулянда пятится к стене, поднимает правую руку над головой, словно хочет защищаться от невидимой, но неизбежной опасности.

Джим молча приближается к Кулянде. Его взгляд напряжен, губы шепчут непонятные английские слова.

— Бери гуд, вери гуд, вери гуд!

Кулянда прижимается к стене и начинает плакать. Джим поднимает ее на руки и несет на кровать. У кровати происходит короткая борьба, Кулянда вырывается из рук Джима. Он размахивает руками, приглашая присесть.

— Плииз, мисс, плииз!

Толчком руки валит ее на кровать и садится рядом. Глаза его наливаются кровью, нижняя губа отвисла. Всем своим длинным тяжелым телом он наваливается на маленькую Кулянду, прижимается к ее тонким упругим губам своими толстыми мокрыми губами и рвет на девушке платье.

А в соседней комнате стоят Отеген и Таня. Отеген напряженно прислушивается, Таня нервно кусает губы.

Из спальни доносится пронзительный отчаянный вопль. Таня начинает стучать кулаками в запертую дверь спальни.

— Оставьте, оставьте ее, — кричит она срывающимся голосом.

Отеген отшвыривает Таню от двери.

— Не твое дело, не лезь!—в глазах его злая усмешка.

Сорвав с вешалки пальто, Таня выбегает из квартиры Хогинса. Она бежит, не оглядываясь, снег резко скрипит под ее ногами. Промелькнула контора, дальше дорога на шахту. Не переводя дыханья, девушка спускается в темную сырую шахту и бежит по штреку.

Впереди мигают маленькие лампочки, слышится перестук кирок, позванивание лопат. Косматые тени шахтеров колеблются на стенах и потолке забоя.

* * *

Илья удивленно смотрит на запыхавшуюся Таню. Она остановилась перед ним, хочет что-то сказать и не может.

— Что случилось? — спрашивает Илья.

— Где Алип? Скажите, где Алип?

— Алип болен. Зачем вам нужен Алип, девушка?

Его племянницу затащил к себе сын мистера Хогинса Помогите, прошу вас, помогите!

Илья вспоминает, как Кулянда отправилась за врачом Перед глазами встает хрупкая черноглазая девочка. Илья громко кричит:

— Ребята, бросайте работу!

Шахтеры окружают Илью и Таню. Откуда-то из-под нависшей глыбы выползает Алексей.

— Что тут происходит? — спрашивает он Илью утомленным голосом.

— Джим Хогинс насилует племянницу Алипа. Вот что случилось, — отвечает Илья, вытирая пот с лица тыловой стороной ладони.

— Что ты говоришь? — раздается из темноты чей-то голос.

— Я говорю то, что говорю. Надо положить этому конец, — тихо произносит Илья, но тут же поднимает голос до крика: — Надо положить этому конец!

— Правильно! Пошли, ребята, — подхватывает Алексей.

— Пошли, пошли!

Раздаются угрожающие крики, ругательства. Илья и Алексей идут во главе шахтеров. Только один казах Саду, урюмый пожилой человек, говорит Шектыбаю.

— И зачем нам идти к хозяину? Зачем вмешиваться не в свое дело? Эти русские только мутят воду.

— А что если ты замолчишь? Может, будет лучше, если ты замолчишь! — гневно отзывается Шектыбай. — Только и болтаешь — казах, казах! Если ты настоящий казах, ты должен спасти маленькую казашку, которая, как жеребенок, бьется в грязных руках. Я знаю тебя, Саду! Ты давно выслуживаешься перед десятником, общая обо всем, что говорят.

Шектыбай присоединяется к толпе шахтеров. Шахтеры молча, тяжело дыша, бегут к квартире мистера Хогинса. Около большого красивого подъезда они останавливаются. Никто не решается первым подняться на каменные ступени. Из толпы, размахивая киркой, выступает Илья.

— Чего стали, ребята? Айда, пошли! — Илья решительно поднимается на первую ступень.

Тишину ночи нарушает выстрел. Из-за угла дома появляются трое полицейских.

— Стой! Куда! Назад!—слышатся короткие слова команды.

Полицейские не успевают остановить Илью и Шектыбая. Шахтеры скрываются за дверью дома Хогинса. Илья киркой разбивает дверь в спальню Джима. Джим бросает Кулянду, отбегает в угол и безумевшими глазами следит за шахтерами. Илья подходит к Кулянде; глаза ее закрыты, волосы спутаны, она без памяти.

Раскачивая кирку в правой руке, Шектыбай наступает на Джима. Тот сжался в комок, словно хочет раствориться в стене. Шектыбай замахивается киркой над головой Джима, потом опускает ее и прислоняет к стене. На лице Шектыбая злое, жестокое выражение. Он угрюмо хватает Джима за шиворот и бьет кулаком по лицу. Раз, второй! Джим кричит по-заячьи. Шектыбай снова молча наносит удар по его лицу, затем брезгливо отворачивается.

В комнату врывается полицейский и наводит наган на Шектыбая. Но кто-то из шахтеров выбивает оружие из рук полицейского. Наган отлетает в сторону, Илья поднимает его, кладет в карман. Полицейский исчезает из комнаты.

Шектыбай бережно берет Кулянду на руки и выносит из спальни.

— Жива ли она?

— Что с Куляндой?

— Она жива,— отвечает Шектыбай.

Рассекая толпу шахтеров, к Кулянде прорывается Толеп. За ним, спотыкаясь, идет Дамеш. В черных глазах Толепа — слезы. Дамеш с плачем склоняется над Куляндой.

— Спаси тебя аллах! Во имя аллаха, что с тобой, Кулянда?

— Мы не пойдем на работу,— обращается к шахтерам Илья.— Мы должны потребовать от мистера Хогинса ответа за преступление его сына.

— Хватит недобрых слов. Мы уже устали от ваших выдумок,— слышатся в толпе шахтеров вкрадчивые, но настойчивые голоса.

Пять-шесть шахтеров отделяются от толпы и медленно отходят.

— Надо куда-то отнести девочку,—говорит Шекты-

бай.—Алип болен. Нельзя же ее нести к нему в землянку.

Из толпы выдвигается Алексей.

— Несите ко мне, нам с Ильей спать сегодня все равно не придется. Нас посадят.

Землянка Алексея и Ильи похожа на звериную нору — узкую и длинную. В ней с трудом помещаются два топчана, покрытые рваными одеялами. Спертый воздух пропитан табачным дымом. Илья кладет Кулянду на топчан, под голову подсовывает старый пиджак. Толпа шахтеров начинает расходиться. Раздаются робкие тоскливые возгласы.

— Выгонят с работы и Илью, и Алексея, и Шектыбая.

— Не сдобровать им!

— Вот так и расправляются с нами поодиночке.

Мария, жена Ильи, садится у изголовья Кулянды. Толеп стоит рядом и тоскующими глазами смотрит на дочь. Кулянда широко открывает глаза, хочет приподняться, но падает на постель.

— Ой, ата, ата! Где ты, ата? Держи его, держи! — Кулянда жалобно морщит лицо и закусывает губы.

— Я здесь, дочка,—Толеп берет хрупкую руку дочери и осторожно пожимает своей тяжелой темной рукой.

Кулянда успокоилась и заснула. Рядом с нею лежит Мария. В непроглядной темноте вспыхивают огоньки папирос. Илья, Шектыбай, Алексей и Толеп сидят рядом на полу и курят, курят. Каждый погружен в невеселые мысли.

Кто-то стучит в дверь, потом сильно рвет ее на себя. Крючок срывается, в землянку проникает полоса лунного света. Показываются полицейские. Илья вскакивает с пола.

— Руки вверх!

Илья поднимает руки.

— Где наган? — рывкает полицейский, наступая на Илью.

— Не знаю, у меня его нет.

— Сейчас же верни наган или я всажу тебе пулю в лоб.

— Не кричи, разбудишь больную.

Полицейский выводит Илью и Шектыбая на улицу, другой начинает обыскивать землянку. Он раскидывает тряпье, лезет под изголовье Кулянды.

— Не трогайте больную. Ей очень плохо, — просит Мария.

— Ой, ой, ой! — вскрикивает Кулянда. Пронзительный крик останавливает полицейского. Скверно ругаясь, он выходит из землянки. Со двора доносится его хриплый голос.

— Марш вперед, негодяи!

* * *

Медленно приближается рассвет. Лучами кровавого солнца озарены снег, черные вершины угольных отвалов, серые холодные облака. По степи ползут красные полосы света.

Толеп и Дамеш строят землянку. По ночам они дежурят у постели своих больных, а днем настойчиво работают. Работа уже подходит к концу. Возведена крыша, пол покрыт плетенками из чия и камыша. Остается только сложить печку.

— Скоро мы перенесем Кулянду и Алипа в теплую землянку, — облегченно вздыхает Толеп.

Дамеш кивает головой, берет новую охапку чия, и в этот момент замечает спешащую к ним Марию. Ее сразу охватывает неясная тревога. Эта тревога передается и Толепу. Он идет навстречу Марии.

— Толеп, Толеп, — с плачем произносит Мария. — Твоя дочка, твоя маленькая Кулянда...

— Ойбой, — вскрикивает Дамеш, — что с Куляндой опять?

— Умерла, — закрывает Мария лицо руками.

Толеп долго, молчаливо, без слез, смотрит на бледное, неподвижное лицо дочери, но крепко закрыты глаза ее, которые никогда больше не раскроются и не улыбнутся ему. Потом опускается на пол и плачет, по-детски вздрагивая всем телом.

В открытой заснеженной степи, вдалеке от угольной шахты и землянок похоронили маленькую Кулянду. На сером камне Алексей высек киркой надгробную надпись: «Здесь похоронена Кулянда Толепова.

Погибла от руки злодея. Февраль, 1916 год».

Шахтеры стояли у могилы, мрачно посматривая вокруг. Алексей снял шапку:

— Хотя у казахов не в обычае произносить надгроб-

ное слово, я все же скажу его. Отчего умерла Кулянда, вы знаете! Отчего Алип лежит с переломленной ногой, вы знаете! Почему сидят в тюрьме Илья и Шектыбай, вы также знаете! Что еще можно добавить к моим словам? А вот что, шахтеры: мы не должны выходить на работу до тех пор, пока не освободят из тюрьмы Илью и Шектыбая, пока хозяин не обеспечит больного Алипа и не увеличит нам жалованье. Поклянемся на этой могиле бороться за наши права.

— Что он сказал? Что он сказал?

— Переведите его слова на наш язык, — зашумели казахи.

Седобородый Нурлыбай не спеша переводит речь Алексея. Казахи слушают внимательно, опустив головы, прижимая руки к груди.

— Алексей говорит о том, что нельзя больше терпеть преступлений хозяина Хогинса и его сына. Нельзя терпеть, когда насилуют дочерей и жен, а самих гонят на смерть. Можно ли оставить в покое хищника, убившего твою дочь? До каких пор оставаться покорными рабами?

В толпе постепенно нарастает гневный ропот.

* * *

В шахте — тишина. Шахта, словно узкая и бесконечно длинная землянка, оставленная жильцами. Множество щелей, разветвлений, переходов напоминает мышьи норы. Сегодня никто не вышел на работу.

В шахтерских землянках тоже стоит тишина. Кажется, что жизнь в них умерла: ни человеческого голоса, ни скрипа, ни дыма.

У землянок прохаживается толстый полицейский. У него — важный вид, насупленные брови, заиндевелые толстые усы. В голове — назойливая, злая мысль: «Если кто выглянет па улицу, завяжу ссору, а потом арестую за нарушение порядка». Но, как на грех, никто не появляется. Полицейский злится, медленно прохаживаясь из стороны в сторону.

— Вот проклятье!

Полицейскому холодно, он ускоряет шаги. Никто не появляется.

— Вот проклятье!

Мимо полицейского пробегает косматая грязная собака. Блюстителю порядка не выдерживает и стреляет в

собаку. Промах! Собака с визгом скрывается за землянкой. Полицейский угрюмо направляется к конторе мистера Хогинса.

Хогинс с волнением ходит по кабинету. У него тревожный и растерянный вид. Он останавливается перед столом, опирается на него и снова читает небольшой листок бумаги. Это—требование шахтеров. В нем три коротких, как выстрел, фразы:

- Повысить заработок.
- Освободить из тюрьмы Илью и Шектыбая.
- Не увольнять с работы Алипа.

Мистер Хогинс покачивает тяжелой головой, квадратный подбородок его покрыт мелкими росинками пота.

— Повысить заработок, — повторяет он вслух первый пункт шахтерского требования. — Чего захотели — повысить заработок?

Снова быстрыми шагами мистер Хогинс пересекает кабинет.

В кабинет входит главный инженер концессии, верный помощник Хогинса мистер Стивенс.

— Что вы решили, мистер Хогинс? — спрашивает он своего патрона.

— Я не могу согласиться на требования забастовщиков. Не могу! Это слишком дорого обойдется концессии.

Мистер Стивенс опускается в кресло, вытягивает длинные ноги и снова говорит твердым голосом.

— А согласиться придется. Не работает главная шахта. От этого убытки будут еще больше. В сущности забастовщики требуют не так много.

— Вся эта дурацкая забастовка произошла из-за Джима. Он только и делает, что огорчает меня.

— Его придется отправить в Англию, — советует мистер Стивенс. — А с забастовкой надо кончить мирно и поскорее.

Мистер Хогинс закладывает за спину руки и нервно хрустит толстыми волосатыми пальцами.

— Позовите их представителей, — медленно, с неохотой говорит он.

Через несколько минут в кабинет входят Алексей и Нурлыбай. Мистер Хогинс брезгливо смотрит на шахтеров, Они спокойны, не снимают шапок.

— Я удовлетворяю ваши требования. Только пусть шахтеры немедленно приступают к работе.

— Давно бы так, — говорит Нурлыбай.

... В то же самое время, когда Алексей и Нурлыбай разговаривают с Хогинсом, в землянке Саду собрались казахи. Саду, маленький вертлявый, с красными глазами человек, сидит в кругу своих сородичей. У него визгливый, неприятный голос. Когда Саду говорит, желваки на скулах перекатываются, а тонкая верхняя губа обнажает красные дёсны.

— Уважаемые аксакалы! Русские шахтеры затеяли что-то недоброе. Разве нам можно бастовать? На какие силы надеяться? Если нас уволят, мы передохнем с голоду. Стоит ли погибать всем из-за какой-то девчонки. Лучше помолимся аллаху, попросим прощенья у хозяина и приступим к работе. Так и скажем ему, что произошла ошибка, мы не знали, что делали. Арестованные пусть себе сидят в тюрьме. Какое нам до них дело! Что скажут уважаемые аксакалы?

Аксакалы некоторое время молчат, потом раздаются отдельные восклицания:

— Надо прекратить забастовку!

— К чему бунтовать, казахи!

— Только дождемся недоброго от хозяина.

— Саду! Ты нехорошо поступаешь. Тебе следует отрезать язык, — раздается из угла молодой голос.

— Что говорит этот негодяй, — взвизгивает Саду. — Он, видно, хочет стать крещеным?

— Илья и Шектыбай пострадали из-за нас! Стыдно предавать товарищей, — упрямо повторяет молодой голос.

— Мы не можем их защищать! Мы не хотим умирать с голоду!

Присутствующие начинают громко спорить, перебивая друг друга.

— Стойте! — останавливает спорщиков Саду. — Зачем галдеть попусту. Алексей и Нурлыбай пошли к хозяину. Они решили сказать, что шахтеры не выйдут на работу. И тогда хозяин уволит нас. Лучше пойти всем и заявить: — Мы перестали бастовать, мы будем работать. Тогда хозяин пожалеет нас и простит.

Кто-то крикнул:

— Иди сначала ты, Саду! Иди от имени всех. Мы сокучились без работы.

Саду быстро натянул на себя бешмет, надел на голову малахай.

— Расходитесь, аксакалы. Я договорюсь с хозяином. Шахтеры нехотя расходятся по землянкам. Некоторые приободрились, словно избавились от непонятной тяжести, и говорят друг другу.

— Забегай ко мне, пойдём вместе на работу.

— В шахте плохо, и без шахты не лучше.

— Подальше от греха, и аллах простит.

У дверей конторы Саду, увидев Алексея и Нурлыбая, спрятался за угол и ждал, пока они не ушли в поселок. Потом осторожно постучал в дверь.

— Нельзя! — раздался злой голос мистера Хогинса.

Саду приоткрыл дверь, остановился на пороге.

— Господин, господин, мы перестали...

— Вон, собака! — зарычал на него мистер Хогинс.— Вон отсюда!

— Ойпырмой, господин! — кланяясь, прижимая к груди руки и пятясь задом, бормотал Саду.— Ах, почему хозяин не знает по-казахски, он бы понял меня. И куда девался Отеген, переводчик?

Мистер Хогинс пинком выбрасывает Саду за дверь. Тот падает в снег, долго отряхивается и уныло бредет домой. У землянки его встречают Алексей и Нурлыбай. Алексей насмешливо спрашивает.

— К хозяину бегал, Саду? Опоздал, голубчик!

— Саду, пока жив, опомнись, — предупреждающе поднимает кулак над его головой Нурлыбай.

* * *

И снова холодное, пасмурное утро. Солнце тяжело прорывается сквозь плотные, как серый войлок, тучи. Степь угрюма и одинока.

У постели больного брата сидит Толеп. Он вытирает глаза малахаем, обнимает Алипа и шепчет на ухо:

— Я возвращаюсь в аул, брат. Один возвращаюсь, без Кулянды. Что я скажу сыну своему Рахмету и дочке Сагадат. Что им скажу, если они спросят, где Кулянда?

Алип гладит дрожащую руку брата, пытаясь успокоить его, но слов успокоения нет.

— Молись аллаху, Толеп. На все воля аллаха, — произносит он смущенно и робко, чувствуя неправду своих слов.

Толеп еще раз обнимает Алипа.

— Прощай, брат!

У новой землянки Дамеш запрягла в повозку старого верблюда, наложила в нее камыша, чтобы было теплее Толепу. Толеп прощается с Дамеш. Присев на край повозки, натянув на уши малахай, он задает своей снохе все тот же, полный безысходного отчаянья, вопрос.

— Что я скажу в ауле, если спросят, где Кулянда? Что я скажу?

Дамеш с плачем провожает Толепа в глубину заиндевелой, огнисто-сверкающей степи.

Это случилось в те дни, когда Рахмет, сын Толепа, избитый отцом за потерю ягненка, покинул долину Долбы и ушел в город. Так старый Толеп потерял и маленькую дочь Кулянду и сына Рахмета. А потом ушла из аула и последняя дочь его—Сагадат.

Здесь кончается вторая дорога к роману и начинается роман.

ТАК НАЧАЛСЯ РОМАН

Прославленный академик, почетный член многих ученых обществ мира Аркадий Евгеньевич Вознесенский сидит за столом в своей лаборатории. Этот высокий, тучный, белоголовый и белобородый старик слывет за чудака. Сотрудники и студенты его побаиваются.

За окном лаборатории высокие здания Ленинграда, просторные проспекты, шум трамваев и автомобилей. Аркадий Евгеньевич не обращает внимания на шум и суетлоку, он погружен в работу.

Дверь приоткрывается, в лабораторию проникает дочь академика Лиза.

— Звонит товарищ Макаров. Он хочет поговорить с тобою, папа.

— Мне некогда заниматься болтовней. Я не хочу ни с кем разговаривать, — отвечает Аркадий Евгеньевич, не поднимая головы.

— Папа, зачем так говорить. Ведь товарищ Макаров один из руководителей партийной организации.

— Вот пусть он и руководит ею, а не наукой, — резко отвечает академик, поднимаясь из-за стола. — А мне надо заниматься исследованиями.

Лиза недоуменно пожимает плечами. Она похожа на отца: то же одухотворенное лицо, те же пронизательные черные глаза. Лиза возвращается в квартиру, которая находится при институте, и отвечает по телефону.

— Извините, пожалуйста, товарищ Макаров, но папа не может подойти к телефону.

— Если так, не буду беспокоить, — слышится в трубке веселый голос.

После работы академик Вознесенский любит прогуливаться по городским улицам. У него строго выработанный маршрут: от института, мимо Смольного, по набережной Невы и назад. Академик гуляет в прорезиненном макинтоше, в черной помятой шляпе, с толстой палкой в руках.

И на этот раз с необыкновенной аккуратностью он идет мимо Смольного. Погода переменилась: сеет мелкий неприятный дождь. Академик неуклюже обходит лужи, стараясь не замочить ботинок. Его высокая сутулая фигура хорошо видна из окна Макарова. Макаров следит за академиком, чему-то улыбается и вызывает секретаря.

На следующий день заместитель по хозяйственной части института говорит Вознесенскому:

— По распоряжению секретаря обкома партии товарища Макарова вам выделена персональная машина, Аркадий Евгеньевич.

Академик пристально посмотрел на заместителя и, ничего не ответив, склонился над бумагами.

Шел тысяча девятьсот двадцать седьмой год.

Стоял июнь, в летнем саду цвели липы и вязы, в Неве, отражаясь, сияло бездонное синее небо с легкими белыми облаками.

В актовом зале института академик читал лекцию о металлургии. В старом пиджаке, с протертыми локтями, он стоял на кафедре и развивал перед студентами свои новые взгляды на металлургию.

— И вот я утверждаю, — проговорил он и замолчал.

В зал, стараясь не привлекать к себе внимания, тихо вошел Макаров и сел на свободный стул.

— И вот я утверждаю, — повторил академик, бросив взгляд на Макарова, и, нахмутив брови, продолжал лекцию. Его стесняло, что в зале присутствует секретарь обкома, с которым он не захотел разговаривать по телефону. Макаров внимательно слушал лекцию, подперев кулаком подбородок.

А через день Лиза вкрадчиво сказала отцу:

— Папа, тут тебе прислали из обкома партии подарок. Ты не сердись, а посмотри.

— Я не понимаю. Это черт знает что такое! — перебил ее Аркадий Евгеньевич.

— Ты не хочешь, папа, обращать внимание на боль-

шевиков, зато они обращают на тебя внимание, — мягко сказала Лиза.

— Замолчи, — прикрикнул академик на дочь.

Через неделю академик Вознесенский уехал на металлургические заводы Донбасса для пробной установки своей сталелитейной электрической печи. Когда об его отъезде сообщили секретарю обкома, Макаров удовлетворенно ответил:

— Я об этом уже знаю. Очень хорошо! Академик Вознесенский делает очень важное, нужное для всей страны дело. Если академику потребуется какая-либо помощь, надо немедленно ее оказать. Немедленно, — подчеркнул Макаров.

До революции Аркадий Евгеньевич Вознесенский все свои научные работы по металлургии проводил в маленькой тесной лаборатории. Теперь эта лаборатория превратилась в институт всесоюзного значения. В институте учились студенты со всех концов страны. Под руководством Вознесенского работали лучшие и крупнейшие специалисты металлургического дела. Лаборатории института были оборудованы новейшими приборами, точнейшей аппаратурой. Советская власть не жалеет денег для научных работ и исследований.

Аркадий Евгеньевич вернулся из Донбасса. Опыты первой в мире сталелитейной электрической печи удались. Но есть еще много неясного, требующего исканий и настойчивых обобщений. Аркадий Евгеньевич дни и ночи проводит в институтских лабораториях. У него нет времени даже для прогулок по вечерам, он забыл про день своего рождения. А сегодня академику исполняется семьдесят лет.

В лабораторию входят сотрудники, делегации от студентов. Среди студентов юноша, черноволосый и черноглазый. Зовут его Рахмет Дауров, он — казах, из далекого степного города и заканчивает институт.

Аркадий Евгеньевич удивленно смотрит на толпу вошедших сотрудников и студентов. Секретарь партийной ячейки института поздравляет академика с днем рождения.

Академик хмурится, но все видят, что он растроган.

— Спасибо, спасибо, что не забыли старика, — благодарит Аркадий Евгеньевич, перебирая бумаги на столе.

— От имени партийной организации, коллектива научных сотрудников и студентов нашего института,—торжественно продолжает секретарь,— мы поздравляем вас, дорогой Аркадий Евгеньевич, с правительственной наградой. Нашему институту присвоено имя академика Вознесенского...

Академик откидывается в кресле, теребит белую бороду.

— А вот это зря! Совершенно зря! Я не заслужил таких почестей.

Вечером, во время ужина, Лиза сказала отцу:

— Папа, звонил товарищ Макаров, поздравлял тебя с правительственной наградой...

— Почему ты не позвала меня к телефону?

— Побоялась, что ты не станешь с ним разговаривать.

— А ты не своевольничай, дорогая. Я попрошу—впредь не ставить в неудобное положение отца.

Лиза засмеялась серебристым смехом.

— Я пошутила, папа, товарищ Макаров не звонил.

Академик сердито повел бровями, поднял палец и указал на дверь.

— Выйди вон! Как ты смеешь смеяться надо мною.

* * *

Нева похожа на поток нержавеющей стали и расплавленного золота. В ней плывут облака, отражаются тени весенних берез, решетки парка культуры и отдыха. Западную сторону парка обрезают Финский залив—безграничное голубое сверкающее зеркало. В залив погружается огромное веселое солнце. Сквозь зеленую листву парка доносятся звон трамваев, гудки автомобилей, шарканье бесчисленных ног.

В уединенной аллее, на садовой скамеечке сидят юноша и девушка. Юноша смотрит на солнце, погружающееся в море, девушка—на него. Большие черные глаза девушки непрерывно меняют свое выражение, как блики на воде залива. Они то блестят, отражая вечерний свет, то тускнеют от зеленой листвы. Длинные пушистые ресницы в непрерывном движении; когда они прикрывают глаза, кажется, что закатились две маленькие черные луны. Девушка встряхивает кудрявой головкой, откиды-

вается назад, ее лицо улыбается: она влюблена, она счастлива.

— Рахмет, а Рахмет?

— Я слушаю тебя, Лиза. — Рахмет берет руку девушки бережно, ласково, осторожно. Он тоже счастлив и влюблен.

— Рахмет, ты помнишь, что сказала Джульетта, когда ее поцеловал Ромео?

— «Твои губы забрали с моих губ мои грехи», — вот что сказал Ромео. А что говорила Джульетта, ты, конечно, не помнишь, Лиза?

— «Может быть, твои грехи остались на моих губах»...

— «Сладкое кокетство! Верни мои грехи, Джульетта». И Ромео поцеловал ее снова.

— «Какой вы искусный мастер находить предлог для поцелуя», — Лиза с хитрой улыбкой взглянула на Рахмета.

— Я хочу тебе что-то сказать, Лиза. Нам придется скоро расстаться. После окончания института я уеду в Караганду. Ты же со мной не поедешь?

— Почему? — дрогнувшим голосом спросила Лиза.

— Отец не пустит. Да и сама ты вряд ли поменяешь Ленинград на Караганду.

— Ты плохо думаешь обо мне. Ты мало любишь меня, — обиделась Лиза. — Я с радостью поеду в твои родные края, увижу твоего отца. Я буду иметь двух отцов, — улыбнулась она и повторила: — Двух отцов. Почему ты молчишь?

Рахмет достал из кармана папиросу, повертел ее, смял и бросил.

— Почему ты не отвечаешь, Рахмет?

— Лиза, прости меня, но я тебя обманул.

— Как? Чем?

— У меня нет ни отца, ни матери. Вернее, отец-то есть, но я не знаю, где он. А потом, мой отец пастух, а твой академик.

— И это все, в чем ты меня обманул?

— Я сын пастуха, а ты дочь академика, — снова сказал Рахмет.

— Дочь академика любит сына пастуха. Кто может запретить это?

Обрадованный Рахмет наклонился к Лизе и присталь-

но заглянул ей в глаза. Лиза отвернулась, конец голубой ленты коснулся щеки Рахмета. Он прижал пахнущую ду-
хами ленту к щеке и сказал:

— Повтори, Лиза, слова Ромео.

— «Твои губы забрали с моих губ мои грехи». Только я не хочу забирать твоих грехов, — Лиза вскочила со скамейки и побежала по аллее. Она обернулась к Рахмету смеющимся призывным лицом и кивнула головой.

Рахмет быстро догнал девушку, обнял за плечи, и они углубились в зеленые заросли парка.

От девушки исходил праздничный свет, передаваясь Рахмету и опьяняя его. Лиза положила руки на его плечи.

— Слушай, Рахмет. Я тебе спою песню.—И она запела не сильным, но ясным голосом:

В дальнем небе,
В небе синем
Облаков сегодня нет,
Только солнце льет на землю
Бесконечно добрый свет.

В парке,
В зелени веселой
Притаилась тишина.
Ходит девушка с улыбкой,
Ждет любимого она.

Стынет лента голубая
У девчонки на груди,
Шепчут розовые губы:—
Мой любимый, приходи...

А над ней сияет небо,
Плещет море перед ней.
И поет, поет над нею
Неустанно соловей.

У любви ни дна, ни края
И, как видно, нет конца.
Этой лентой,
Этой лентой
Наши связаны сердца.

Рахмет любовался ее руками, лежавшими на его плечах, тонким нежным лицом, короной белокурых волос, пронизанных солнцем, и радостный трепет пробегал у него по телу. Лиза сняла руки с его плеч, отступила назад и вызывающе заговорила.

— Рахмет, тебя берет зависть! Рахмет, Рахмет, я вижу по горящим глазам, тебя берет зависть. Ты не можешь ответить мне песней на песню.

— Могу! И отвечу! — Рахмет склонил набок голову, глаза его сузились.

Что отвечу я любимой,
Что сегодня ей скажу?
Я ее улыбкой доброй
Больше жизни дорожу!

Ты, как солнце, я скажу,
Как волна морская, ты,
Как весенние цветы,—
Вот что милой я скажу!

Ты стройней степной газели,
Ты, как майская лоза,
Я люблю глаза газели,
Но сильнее — твои глаза!

Дай же мне тебя обнять,
Дай тебя я поцелую...
Эту ленту голубую,
Эту ленту,
Эту ленту
Никому не разорвать!

— Ну, что, ответил?

— Ответил, Рахмет. Молодец! А досказать тебе остальное?

— Доскажи...

Не напрасно я мечтала
И настойчивой была,—
Долго сокола искала,—
А нашла себе орла!

У любви свои истоки,
Свой особый ореол.
Как ни смел могучий сокол,
Но смелей его орел!

Лиза стоит среди зеленых трав, под шумящей березой, ярко освещенная солнцем, в сетке круглых теней от листы. Зубы ее сверкают, как морская пена. Потом осторожно приближается к Рахмету и целует его в глаза.

Просторный актовый зал горно-металлургического института переполнен студентами. За экзаменационным

столом сидят профессора, представители партийных и общественных организаций. Председательствует академик Вознесенский. Сурово приподняв седые брови, он читает постановление ученого совета:

— Рахмета Даурова, отлично окончившего Ленинградский горно-металлургический институт, наградить Почетной грамотой и премировать двухтомником избранных произведений Владимира Ильича Ленина...

Взволнованный Рахмет проходит в президиум. Академик Вознесенский крепко жмет ему руку, вручает Почетную грамоту и два драгоценных томика в красном переплете. Рахмет возвращается на свое место, садится рядом с Лизой. Он переполнен счастьем, ожиданием какого-то необыкновенного будущего, любовью к Лизе. Рахмет наклонился и шепчет ей на ухо:

— Как бы я хотел сейчас обнять и поцеловать тебя. Прямо при всех.

— Что болтаешь, сумасшедший. Нельзя! Отодвинься от меня, прошу тебя.

Ее глаза сверкают черным пронзительным светом. «А что бы я сделала, если бы он поцеловал меня сейчас, при всех? Что бы я сделала? Я бы поцеловала его тоже при всех». При этой мысли ей становится весело и немного стыдно. Лиза отодвигается и сидит независимо и отчужденно.

Это удивляет Рахмета. Он переключает свое внимание на президиум, на притихших студентов, на ярко освещенный актовый зал. Лиза вынимает из кармана записную книжку и торопливо пишет:

«У нас сегодня великий день. День счастья. После собрания жди меня у дверей института. Милый, целую».

Лиза незаметно вытаскивает из кармана Рахмета портсигар, вкладывает записку и также незаметно кладет его обратно. — «Будет закуривать папироску, найдет записку и прочитает».

Собрание закончилось. Студенты шумной толпой повалили в коридор. Обиженный невниманием Лизы, Рахмет слоняется по коридору. И в то же время его глаза нетерпеливо разыскивают девушку. Где она? Куда исчезла? И видит — Лиза разговаривает с каким-то незнакомым студентом. Больше того, она улыбается ему!

Ревность обжигает сердце Рахмета. Он останавливается у окна, вынимает портсигар, обнаруживает записку, читает и рвет на мелкие части.

Небрежно выпуская сизые клубки табачного дыма, Рахмет проходит мимо Лизы и незнакомого студента. Лиза смотрит на него: «Он прочитал записку, и ждет меня у подъезда института». Она прощается со студентом и выбегает. — Где же Рахмет? — Лиза оглядывается по сторонам, опустив голову, идет домой. Начинается дождь—мелкий, холодный, пронизывающий ленинградский дождь. Лиза не замечает дождя. Ей все равно. Совершенно все равно. Необъяснимая тоска давит сердце, и сердце стучит напряженно, тревожно.

Перед глазами Лизы бесчисленные дождевые капли. С глухим шумом падают они на асфальт. Лиза идет и шепчет про себя какие-то строчки, неожиданно возникшие в памяти:

Голубых очищенных миндалин
Падает несметное число...

«Откуда эти строки? Чьи они? Кто это сказал так о дожде? — Лиза пытается вспомнить, но не может, ее грусть становится сильнее. — Теперь я знаю цену его любви. Знаю!»

А дождь все сильнее и сильнее, его голубые косяки заштриховывают небо, улицы, высокие холодные здания. И снова в памяти Лизы назойливо возникают прекрасные слова поэта:

Голубых очищенных миндалин
Падает несметное число.
Я пока еще сантиментален
Оптимистам липовым назло.

* * *

Рахмет стоит перед директором горно-металлургического института. Директор слушает его, держа в руках роговые очки. У него странная привычка: выслушав посетителей, он обязательно снимает очки, крутит их между пальцами и непрерывно улыбается.

— Иван Александрович, я твердо решил ехать в Караганду, — говорит Рахмет, не спуская взгляда с близоруких моргающих глаз директора.

— Молодой человек, ваше решение похвально, но...
Директор протер очки носовым платком, еще раз покрутил их в пальцах и продолжал свою мысль:

— ... но мы решили иначе, чем вы. Мы решили оставить вас в институте ассистентом у академика Вознесенского. Он сейчас работает над проблемой освоения Карагандинского угольного бассейна, и вы могли бы оказать ему кое-какую помощь. Вы же—уроженец тех, пока еще не исследованных, мест. А потом, через определенное время, вы можете поехать на работу в вашу прекрасную Караганду...

Рахмет принял предложение директора. Когда же сообщили академику Вознесенскому о новом ассистенте, Аркадий Евгеньевич ворчливо заметил:

— Ну, вот еще! Дали в помощники какого-то азиата...

— Да вы же сами говорили: Рахмет Дауров—талантливый парень.

— Говорил, говорил! Мало ли, что я говорил...

Рахмет с благоговением работал в лаборатории академика. Запоминал каждое слово, брошенное Аркадием Евгеньевичем, внимательно следил за его опытами, точно выполнял все его задания. Ученому нравился энергичный и способный юноша, но он скрывал свою симпатию. Рахмету очень хотелось спросить его о дочери: где она, что делает, но он не решался.

А Лиза не показывалась вторую неделю. Напрасно Рахмет ходил около института или засиживался допоздна в лаборатории, Лиза не появлялась. Рахмет вытаскивал из кармана старую записочку Лизы, перечитывал ее, и тоска еще сильнее разъедала сердце.

Однажды под вечер Рахмет сидел в своей лаборатории над вычислениями.

Стояла сумеречная тишина, шум вечернего города не проникал сквозь плотно закрытые окна.

В лабораторию вошла Лиза, на цыпочках подкралась к Рахмету и закрыла руками его глаза. По прикосновению нежных тонких пальцев Рахмет понял, что это Лиза, но все же сердито сказал:

— Кто? Что за нелепые шутки!

Лиза ласково рассмеялась и отвела руки.

— Я пришла к тебе. Разве ты недоволен, Рахмет?

— Лиза! — Рахмет радостно соскочил со стула. — Я

очень доволен, я просто счастлив, что ты пришла, наконец-то!

— Я думала, что ты меня разлюбил.

— У меня было больше оснований думать так о тебе.

— Рахмет, Рахмет!

— Лиза, Лиза, — передразнил он ее, привлекая к себе, и стал целовать упругие губы, глаза. Ее ресницы, как легкие бабочки, трепетали под его поцелуями.

В это самое время в лабораторию вошел Аркадий Евгеньевич. Он оторопело посмотрел на целующихся, потом хриплым прерывающимся голосом крикнул:

— Что такое? Что это такое? Я спрашиваю вас, что это такое?

Академик подошел к ним и ударил кулаком по столу.

— Еще этого здесь не хватало!

Лиза растерянно смотрела на отца. Рахмет в страхе попятился к двери, но остановился.

— Вон! — крикнул академик.

— Папа, послушай, папа...

— А ты не показывайся мне на глаза. Вон оба!

Влюбленные выбежали из лаборатории.

— Что за времена пришли? Черт знает что такое! — бормотал Аркадий Евгеньевич, чувствуя бессмысленность своих вопросов и еще более распаляясь. — Сперва бы занимались наукой, а потом. А что потом? Эти слова как бы оправдывали дочь и Рахмета. Аркадий Евгеньевич презрительно махнул рукой, словно утешая себя. — Хотя бы меня спросили. Почему они скрыли свою дурацкую любовь от меня?

Он стал нервно ходить по лаборатории и задел рукавом какую-то пробирку. Она разбилась, и стеклянные брызги звонко разбежались по полу.

— Я вам покажу! — опять рывкнул Аркадий Евгеньевич и стал собирать с пола осколки.

* * *

Рахмет лежал в постели, держал книгу, но не понимал прочитанного. Лицо Лизы, ее сверкающие глаза стояли перед ним, в ушах раздавался ее голос. Тревожно и радостно стучало сердце. Причина радости—возвращенная любовь, причина тревоги—завтрашняя встреча с

академиком Вознесенским. Что он скажет Аркадию Евгеньевичу? Как посмотрит ему в глаза?

Рахмет бросил книгу, сел на постели. От электрического фонаря, стоявшего за окном, в комнате — белое холодное сияние. Разве можно уснуть в такую ночь? По окну пробежали яркие зеленые искры, раздался скрежет проходящего трамвая. Даже вспышки трамвайных проводов казались веселыми и манящими. Нет, спать совершенно невозможно!

В дверь кто-то постучал. Рахмет босиком пробежал по прохладному полу, включил свет.

— Кто там? — спросил он, не открывая двери.

— Почтальон. Телеграмма.

Рахмет распечатал пахнущий клеем телеграфный бланк.

Ленинград
директору горного института
копия Рахмету Даурову

Просим откомандировать Рахмета Даурова распоряжение Совета Народных Комиссаров Казахстана тчк. Сообщите ваше решение тчк Совнарком Казахстана.

— Меня, Рахмета, в Казахстан? Меня вызывает Казахстан? Обо мне думают в Казахстане!— Рахмет закружился по комнате, прижимая к груди телеграмму. Неожиданно в комнате погас свет. Только фонарь за окном по-прежнему отбрасывал на стену свое радужное сияние. Оно переливалось, вспыхивало, струилось по всей комнате. «Что это?—подумал Рахмет, но поняв причину, расхохотался.— Это сияет счастье. Счастье моей жизни! А Лиза? Я еду, а Лиза останется здесь? — при этой мысли в Рахмете погасла радость. — Какая мне жизнь без Лизы? Надо добиться, чтобы Аркадий Евгеньевич согласился на наш брак. А что если он не согласится? Ну так что ж? Мы регистрируемся и уедем».— Это решение успокоило Рахмета. Он снова лег в постель и еще раз прочитав телеграмму, положил ее под подушку.

Он лежал с открытыми глазами, мысленно повторяя слова телеграммы. Снова достал ее, повертел в пальцах и сунул под подушку. Его веки сомкнулись.

Рахмет увидел сон. Он входит в кабинет председате-

ля Совнаркома. Председатель жмет ему руку, добродушно хлопает по спине и говорит:

— Вот посмотрите-ка, сын пастуха стал инженером. Вот какими становятся дети кочевников-степняков...

Утром Рахмет спешил в институт, чтобы как можно скорее рассказать Лизе о вызове в Казахстан, откровенно побеседовать с ее отцом. У дверей института он столкнулся с Лизой.

— Что я тебе скажу, Лиза...

Но Лиза круто повернулась и, не сказав ничего, перешла на другую сторону улицы.

«Что-то опять случилось», — тоскливо подумал Рахмет и направился в лабораторию. Академик Вознесенский встретил его молча, с насупленными бровями. Рахмет робко сказал:

— Я уезжаю... Меня вызывают в Казахстан.

— Знаю, читал телеграмму. Счастливого пути, — сухо ответил академик и повернулся к нему спиной.

Рахмет поклонился его спине и вышел из института.

Вечером академик Вознесенский увидел дочь, одиноко сидящую на диване. Причина печали ему была известна. Он же сам запретил ей встречаться с Рахметом. Но сейчас Аркадию Евгеньевичу стало мучительно жаль Лизу.

— Что это такое? Почему не убрано в квартире? Почему все раскидано? — закричал Аркадий Евгеньевич, скрывая свою жалость.

Лиза стала покорно поправлять диванные подушки. Аркадий Евгеньевич следил за ее расслабленными движениями, и жалость снова овладела им.

— Уезжает твой азиат. Сегодня в восемь тридцать. Если хочешь провожать, — проводи!

И, гордо подняв седую голову, прошел в кабинет.

Лиза спешит на вокзал, по Невскому проспекту, мимо памятника Александра третьего. Раньше Лиза обязательно останавливалась около памятника и читала на нем надпись:

«Твой дед и твой отец при жизни казнены,

А ты пожал удел посмертного бесславья.
Стоишь здесь пугалом чугуном для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья».

Но сейчас Лиза не замечает чугунного, непомерно тяжелого царя, ни его чудовищной лошади. Она спешит на вокзал.

Рахмет беспокойно ходит по перрону. Осталось пять минут до отхода поезда. Он дважды звонил на квартиру академика Вознесенского, хотел попрощаться с Лизой, последний раз услышать любимый голос, но телефон не отвечал.

А через пять минут уйдет поезд. Пять минут пролетают с молниеносной быстротой. Раздается сочный гудок паровоза, вздрагивают и сдвигаются с места вагоны. Рахмет вскакивает на подножку. Проплывает здание вокзала, поезд врывается в красные и зеленые аллеи вагонов.

— Прощай, Лиза!

Лиза стоит на вокзале, провожая взглядом последний вагон уходящего поезда.

— Опоздала! Не успела! Не простилась с ним. Что он теперь подумает обо мне?

* * *

Казахстан приветливо встретил Рахмета Даурова. С ним беседовал председатель Совнаркома, пожилой, с морщинистым лицом и узкой седой бородой казах. Он поздравил Рахмета с окончанием института и подробно рассказал о перспективах огромного строительства Карагандинского угольного бассейна.

— Мы предлагаем вам работу в Караганде. Караганда становится центром нашего рабочего класса, кузницей национальных кадров. Вы—один из первых казахов-специалистов — будете очень полезны там.

— Я родился в карагандинских степях, — сказал Рахмет.

— Тем лучше! — воскликнул председатель. — Преобразовывать родные места еще приятнее. Только прежде, чем ехать в Караганду, вы командируетесь на угольные шахты Донбасса для изучения передового опыта работы углекопов.

Рахмет не стал задерживаться в Алма-Ате, уже через три дня поезд мчал его по бесконечным казахским степям.

Рахмет приехал в Москву поздней ночью. Он пересек Комсомольскую площадь, дошел до Ленинградского вок-

зала и остановился в поисках попутной машины. У самого вокзала стояла одна-единственная машина, в ней сидел грузный сутулый старик. Черная помятая шляпа, прорезиненный плащ показались Рахмету очень знакомыми.. Старик обернулся.

— Академик Вознесенский, — обрадовался и испугался Рахмет.

Академик скользнул глазами по вокзальной площади и увидел Рахмета.

— Рахмет! — он замахал рукой, подзывая его к себе.

— Здравствуйте, Аркадий Евгеньевич, — почтительно произнес тот, приближаясь к машине.

Академик протянул руку.

— Здравствуй, здравствуй, Рахмет. Какими судьбами очутился в Москве?

— Еду в Донбасс для ознакомления с шахтами.

— Вот как! Это хорошо, очень хорошо! — Аркадий Евгеньевич широко и благосклонно улыбнулся. Рахмет впервые увидел, как улыбается академик Вознесенский.

— А я в Москву, по делам института. Тебе на Курский вокзал? Садись, подвезу...

Рахмет смотрел на академика, а мысленно видел Лизу. «Как она живет, как ее здоровье?» Но спросить казалось страшно, и Рахмет воздержался.

У Курского вокзала Аркадий Евгеньевич крепко пожал ему руку.

— Желаю всяческих успехов. Изучай в Донбассе свое дело не теряя времени.

— Спасибо, Аркадий Евгеньевич, — Рахмет покачал, маленьким чемоданчиком и пошел к вокзалу.

— Рахмет, — остановил академик. — А Лиза жива и здорова. Передать от тебя привет?

— Да, да! Обязательно передайте Лизе привет, — почти закричал Рахмет. «Какая досада! Почему я сам не спросил о ее здоровье? Что подумает Лиза? И что подумает он», — подразумевая под «он» академика Вознесенского, говорил про себя Рахмет.

РОМАН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Было то незабываемое время, когда в голых казахстанских степях советские люди начали создавать Караганду.

Новый город переполнился рабочими. Копали землю, перетаскивали кирпичи, обтесывали лес, месили глину. Со всех концов великой страны в Караганду прибывали строители. На маленькой железнодорожной станции день и ночь была непролазная теснота и сутолока. Немолчный грохот вагонов и свистки паровозов не могли заглушить человеческого говора, восклицаний, вопросов.

— Эй, борода, откуда?

— Здравствуйте, землячки-тамбовцы!

— Из каких мест, товарищи?

И со всех сторон сыпались ответы:

— Из Каркаралов!

— Из Новосибирска!

— Из Алма-Аты!

— Из Донбасса!

— Из Москвы!

Со станции толпы людей направляются к Управлению строительства. Особняком, испуганно озираясь на большие дома и невиданные машины, пробирается группа степняков. Впереди шагает рослый, с пухлым смуглым лицом, молодой казах Елемес. За ним идет худощавый, с жидкой бороденкой Ермек. Рядом Жамакуль, с ребенком за спиной, за нею молодые безусые парни Желкибай и Мирзаш. Шествие замыкает старый Толеп.

— Будем строить угольный гигант. Так, что ли, Толеп? — спрашивает старика Мирзаш.

— Не до гиганта мне. Мне бы на старости лет разыскать сына Рахмета. Может быть, встречу его. Не здесь, так в другом месте.

— Трудновато отыскивать сына в таком большом городе,— сочувствует Толепу Мирзаш.— А я вот буду строить гигант. Мы все должны его строить. Ты это скоро поймешь, Толеп.

— Поздновато мне уже понимать. Поздновато.

В Управлении строительства степняков встретили с особой приветливостью, отвели отдельное помещение в бараке, знакомили с новыми, не совсем понятными вещами и событиями.

Вечером старый Толеп пошел побродить по стройке. Отцовское сердце гонит его с одного места на другое. Он все еще надеется на встречу с потерянным сыном.

В душевной степной ночи ярко блестит луна, в темноте вспыхивают огни электросварки; гроздя электрических лампочек сверкают, как звезды.

Толеп подходит к баракам. В освещенных окнах мелькают тени, доносится разноголосый шум. Толеп входит в барак. Перед глазами мелькают молодые русские, казахские, украинские лица.

— Вам кого? — спрашивает Толепа молодой казах.

Толеп в растерянности молчит.

— Кого надо, аксакал? — снова спрашивает казах.

— Я ищу сына.

— Какого сына?

— Своего.

— Тогда смотри, может быть, он здесь.

Нет, среди загорелых, краснощеких, усатых, безбородых молодых людей нет его мальчика, его Рахмета.

В бараке грязно, всюду разбросаны тряпки, клочки бумаги, папиросные окурки.

«Нехорошо, что у ребят грязно. Нехорошо! Крепкий светлый барак, не то, что старые землянки в поселке Хогинса, а вот грязь — нехорошо»,—думает Толеп, выходя из барака.

Под лунным сиянием пробирается Толеп на окраину города. Позади остались котлованы, недостроенные дома и шахты, бесчисленные машины. Сразу за городом начинается степь. Она пахнет созревшими травами, дышит свежестью, полна тишины. Толеп идет по пояс в мокрой зелени и вдруг останавливается.

— Какое знакомое место! Почему так памятливы эти холмики, этот одинокий надгробный камень. Толеп внимательно осматривает камень и сметает с него пыль. Выступают высеченные на памятнике буквы:

*Здесь похоронена Кулянда Толепова.
Погибла от руки злодея. Февраль, 1916 г.*

Могила его маленькой Кулянды! Толеп опускается на колени перед надгробным камнем, закрывает лицо руками. По узкой седой бороде текут крупные слезы.

— Дочь моя! Моя Кулянда!

Помолившись аллаху, Толеп встает, целует камень и медленно бредет в город.

* * *

Инженер Кулевакин сидит в своей комнате, пьет в одиночестве водку, закусывая черным хлебом. Он расстроен и обозлен.

— Черт-те что творится на свете, — повторяет он пьяным голосом, косясь на бутылку с водкой. — Главным инженером новой шахты-гиганта назначают какого-то казаха Рахмета Даурова. Что понимает он в строительстве шахт? У него, говорят, еще молоко на губах не обсохло. А вот назначают! Дескать, свои национальные кадры, учились у академика Вознесенского. А какой толк, если этот казах ничего не умеет делать.

Кулевакину обидно. Он думал, что его назначат главным инженером новой шахты. А его обошли. О нем забыли. Кулевакин, пошатываясь, подходит к зеркалу и долго рассматривает себя. На него смотрит испитое, серое, помятое лицо. Рыжие волосы торчат во все стороны. Галстук сдвинут набок, измятый воротничок рубашки грязен, на пиджаке жирные маслянистые пятна.

«Надо подтянуться. Надо поменьше пить, — уныло думает Кулевакин. — А то начнут прорабатывать, это они умеют делать».

Кулевакин долго рассматривает в зеркале красные распухшие веки и повторяет длинное противное слово: «Про-ра-ба-ты-вать! Да, надо меньше пить!»

Он отворачивается от зеркала, дрожащей рукой наливает стакан водки и говорит самому себе:

— Надо меньше пить!

А за окном слышны перестуки вагонных колес, надсадный свисток паровоза.

— Из Москвы. Скорый поезд,— решает Кулевакин, тяжело опуская на стол захмелевшую голову.

... Из вагона скорого поезда выходит Рахмет в светлом сером костюме, с коричневым чемоданчиком в руке.

На привокзальной площади — верблюды, лошади, ишаки. Среди них зеленым пятном выделяется легковая машина. Рахмет бросает на нее мимолетный взгляд: «За каким-то начальником управление послало машину. Хорошо, что я еще не начальник». — От этой мысли Рахмету становится веселее. Он проходит мимо машины на дорогу, ведущую в город.

— Товарищ, одну минуточку.

Рахмета догоняет пожилой казах в брезентовой куртке, в кирзовых сапогах.

— Вы ко мне обращаетесь? — вежливо приподнимает кепи Рахмет.

— Скажите, пожалуйста, не вы инженер Дауров, из Донбасса?

— Да, это я!

— Ойбой! — восклицает казах.— Чуть-чуть не упустил вас. Я — начальник шахты Шектыбай. Решил вас встретить на вокзале. Вот даже на машине приехал. Садись,— сразу же переходя на ты, приглашает Шектыбай Рахмета.

Рахмет дружески трясет руку своему новому начальнику.

— Рад познакомиться. Очень рад! Только не стоило из-за меня гонять машину.

— Ничего. Пешком еще много походишь, — обнажает в усмешке желтые выщербленные зубы Шектыбай.

Шектыбай не любит вспоминать прошлое. Но сейчас, посматривая на молодого горного инженера-казаха, он невольно переносится в далекие прошлые дни. Он видит себя забойщиком на английской концессии, видит глухие опасные забои, грязные землянки, презрительное лицо мистера Хогинса, его сына Джима. Страшное время, мрачные дни. Гроза Октябрьской революции смела с карагандинской земли хогинсов и их помощников. Советская власть распрямила плечи шахтеров: и казахов и русских. «Я теперь — начальник большой шахты, а сын какого-нибудь чабана—горный инженер»,—думает Шек-

тыбай, присматриваясь к молодому спокойному лицу Рахмета.

Машина останавливается у двухэтажного, еще не достроенного дома. Шектыбай приглашает Рахмета в дом.

— Здесь ты будешь жить. На втором этаже, рядом со мною. А в первом — наш кабинет. Будем работать в одном кабинете, не подеремся, а?

— А зачем нам драться. В одном кабинете вдвоем веселее работать.

Проводив инженера в его комнату, Шектыбай возвращается к себе и садится за работу. Новый инженер — хороший жигит. Если он еще хорошо разбирается в горном деле, работа у нас закипит, — Шектыбай удовлетворенно вздыхает и развертывает чертежи шахты. Но поработать не удается.

В кабинет без стука входит шахтер Бейсен — давний приятель Шектыбая. В руках у него шахтерская лампочка, лицо в угольной пыли. Шектыбай поднимается навстречу.

— Сиди, не шевелись! Дай сперва полюбоваться на тебя. Эге, да ты сидишь за столом, как сердитый начальник. Ты еще в бюрократа превратишься. А теперь давай руку.

— Тебе нравится, что я сижу за столом, Бейсеке?

— Ойпырмай! Если ты с толком сидишь — хорошо!

— Много работы, Бейсеке. Но теперь станет легче. Приехал помощник. Помнишь, я говорил тебе об инженере Даурове?

— Помню.

— Ну, так вот он приехал. И мы все вместе будем строить шахту.

* * *

Утром Шектыбай и Рахмет осматривают участки шахты. Широко расставляя ноги в кирзовых сапогах, Шектыбай водит инженера по огромной территории будущей шахты и коротко рассказывает:

— Проект, составленный на основе наших расчетов, Московской утвержден. В строительство шахты будет вложено тридцать миллионов рублей. В территорию шахтного двора входит старое казахское кладбище. Его придется сносить.

— Кладбище? — удивляется Рахмет. — А как оказалось здесь кладбище?

— Здесь же была концессия англичанина Хогинса. Был и шахтерский поселок. Ясно, было и кладбище.

— Пойдемте, посмотрим..

Рахмет и Шектыбай выходят на заросшее травой кладбище. Среди невысоких холмиков Шектыбай замечает надгробный камень. И память снова возвращает его к далекому прошлому. Пятнадцать лет назад шахтеры схоронили здесь маленькую Кулянду, дочь Толепа. Шектыбай видит себя, высекающим киркой надгробную надпись на сером камне.

— Вот здесь когда-то шахтеры похоронили... — обращается он к Рахмету.

Но Рахмет не слушает Шектыбая. Он смотрит на степь, на город и задумчиво говорит:

— Под этими степными травами лежат миллионы тонн черного золота...

— Здесь когда-то шахтеры...—повторяет Шектыбай.

— Меня интересует не прошлое, а настоящее, — говорит Рахмет.— Мы создадим здесь шахту, которая будет выдавать шесть тысяч тонн угля в сутки. Вот это меня интересует больше всего.

— Пятнадцать лет назад...— все еще пытается досказать начатое Шектыбай, но Рахмет начинает обшаривать карманы.

— Чего ты ищешь?

— Я вспомнил одну техническую формулу. Она записана в моем блокноте, не выронил ли я его?

Рахмет пошел по тропинке, наклоняясь и разглядывая траву.

Шектыбай положил руку на надгробный камень и прочитал знакомую надпись:

«... Кулянда Толепова...»

— Бедная Кулянда! Бедная маленькая Кулянда!— Шектыбай погладил шершавой ладонью теплый камень и догнал Рахмета.

— Нашел блокнот?

— Вспомнил! Я забыл его в кабинете, на столе,

В городском комитете партии идет техническое совещание строителей. Совещанием руководит молодой секретарь горкома.

— Товарищ Дауров, вам предоставляется слово...

Рахмет отодвигает от себя планы и рабочие чертежи шахты, проводит ладонью по лицу.

— Новая шахта, которую мы сейчас строим, будет давать шесть тысяч тонн угля в сутки. Это будет одна из крупнейших шахт в мире. Шахту необходимо полностью механизировать. Уголь будет добываться не вручную, а машинами. Забойщики с кирками, откатчики с лошадьми заменяются отбойными молотками и электровозами...

Склонив рыжую вихрастую голову, что-то записывает в блокнот инженер Кулевакин, время от времени снисходительно улыбаясь.

— Срок строительства гигантской шахты установлен в три года,— продолжает Рахмет.— Но мы должны сократить этот срок. Нам надо закончить строительство в полтора года.

— Правильно! — бросает реплику секретарь горкома.

— Я думаю, этот срок реален. Надо только работать творчески и вдохновенно, — заканчивает свое выступление Рахмет.

— Кто еще желает говорить? — спрашивает секретарь.

— Разрешите мне? — поднимается с места Кулевакин.

— Прошу вас.

Кулевакин одергивает короткий пиджачок, стряхивает с него соринку:

— Я не могу согласиться с уважаемым инженером Дауровым. Его предложение — сократить сроки строительства шахты в два раза — мне кажется детским и просто смешным! Для строительства такой гигантской шахты нужен опыт. У нас его пока нет. Крупные шахты Донбасса строили иностранные инженеры. Об этом товарищ Дауров, только что вернувшийся из Донбасса, почему-то забыл. У нас в Караганде иностранных инженеров, которые могли бы научить шахтному строительству, нет. Об этом товарищ Дауров тоже почему-то забыл.

— Зато у нас уже есть опыт Донбасса,—откликается с места Рахмет.

— Вы что овладели этим опытом? — ехидно спрашивает Кулевакин.— Сокращение срока строительства вдвое, на мой взгляд,— чистая авантюра. Нельзя доверять молодому, неопытному инженеру строительство шахты-гиганта,— заканчивает свою речь Кулевакин и садится.

— Что за странные разговоры? Раньше мы приглашали за золото иностранных инженеров и доверяли им. А теперь мы доверяем молодому советскому инженеру Даурову, и все окажем ему помощь. Его предложение—сократить срок строительства шахты на полтора года—правильное предложение. Социалистическое соревнование строителей—вот та сила, которая поможет нам пустить шахту до срока,— говорит секретарь горкома.

— Правильно! — весело поддерживает секретаря Шектыбай.

— Совершенно верно,— соглашается начальник Управления строительства.

— Правильно! Верно! — слышатся со всех сторон голоса.

* * *

Старый Толеп так и не нашел своего сына. Да и где его искать в этом огромном человеческом муравейнике. Вместе с молодыми степняками Елемесом и Мирзашем он поступил на работу в действующую шахту. Шахта находилась в стороне от кладбища, от могилы его Кулянды. Посещать могилу дочери нет времени у Толепа.

Старика поставили сторожем на шахтном дворе. Каждый вечер Толеп сидел в своей будочке или обходил двор. Каждый вечер, возвращаясь с работы, к Толепу заглядывали Елемес и Мирзаш. Они приносили ему махорку, делились впечатлениями о работе, вспоминали родной аул.

Сегодня, как и всегда, Елемес и Мирзаш зашли к Толепу. Елемес был чем-то расстроен.

— Ты что такой скучный? — спросил Мирзаш. Он работал в другом забое и видел друга только утром и вечером.

— А потому что скучно. Я думал, буду строить шахты, дома, а тут знай руби уголек. Не об этом я мечтал, уходя из аула. Уж лучше вернуться в степь, чем всю жизнь торчать под землей.

— Вон ты как говоришь,— присвистнул Мирзаш.— А я тебе дам совет: иди на строительство шахты-гиганта. Там веселая работа. Там даже старые могилы разрушают по приказанию нового инженера. Вот тебе и казах-инженер—разрушает могилы своих предков.

— Ойбой! Какую чепуху говоришь, Мирзаш! Как это казахи разрушает могилы своих предков?

— Вот так и разрушает. А надгробные камни продает иностранцам за золото.

— Ой, какой ты дурак, Мирзаш! Есть ли люди, что покупают надгробные камни?

— Эти надгробные камни иностранцам нужны для музеев,— авторитетно отрезал Мирзаш.

Сердце Толепа похолодело. Он покашлял и Тихо спросил:

— О каких могилах ты говоришь, Мирзаш?

— О тех самых, что в степи, у будущей шахты.

Толеп чуть не привскочил с места. «Какой-то инженер разрушит могилу его Кулянды! А ее останки продаст иностранцам за золото. Каким иностранцам? Наверно, мистеру Хогинсу и его сыну? Нет, нет, этого не должно произойти. Он не позволит надругаться над останками его дочери. Хоть бы скорее ушли эти парни». Впервые за последнее время Толеп хочет избавиться от своих молодых друзей.

Мирзаш и Елемес, наконец, уходят.

Как только рабочие ночной смены спустились в шахту, а на дворе установилась тишина, Толеп покинул свою сторожку. Озираясь, сдерживая кашель, он вышел с шахтного двора и направился в степь.

Идти далеко. Выпала роса, и травы блестят, словно облитые ртутью. Над головой промелькнула летучая мышь и скрылась в кустах баялыча.

Редкие звезды переливались в небе, вой одинокого шакала резанул сердце.

— Что творится в нашей степи? Казахи разрывают могилы своих отцов. Казахи продают останки своих сородичей Хогинсу. Всемилостивейший аллах, где твоя справедливость? Накажи святотатца. Накажи этого трижды проклятого инженера, который позабыл обычай и законы своего народа и продался неверным.— Толеп молится испуганно и страстно, пробираясь к дорогой могиле.

— А может быть, это неправда? Может быть, этот глупый Мирзаш, этот молодой ишак, наврал? Ойбой, как стали врать молодые казахи! Они потеряли веру в аллаха и отдались шайтану, а тот путает их скверные языки. Видно, скоро конец света, раз шайтан стал сильнее аллаха.

В сумеречном обманчивом сиянии ночи Толеп приближается к кладбищу. Нет, не соврал Мирзаш! Кладбище огорожено пожелтевшими досками, далее видна какая-то тяжелая безмолвная машина. — Это трактор, — решил Толеп. — А почему он тут? Трактор привез материалы для строительства. Рабочие ушли домой и оставили его до утра. Мучительная боль сжала старое сердце. Мирзаш прав. Инженер решил уничтожить кладбище, могилу Кулянды.

Толеп стал на колени, прополз под оградой и вышел на кладбище.

Перед ним могила Кулянды. Около надгробного камня навалены бревна, доски, кирпич, но ничего пока не тронут. Толеп упал на нее, обнял камень дрожащими руками и заплакал.

— Дочь моя! Моя Кулянда! Подлые люди не дают твоему праху покоя. Тебе не дали ходить по земле. А теперь не дают спокойно лежать в земле. Что мне делать, моя золотая? У кого мне просить помощи?

— Не плачь, Толеп, не плачь, — сказал кто-то за спиной.

Толеп испуганно приподнял голову. Перед ним стоял Елемес.

— Какой шайтан принес тебя сюда? — дрожащим голосом спросил Толеп.

— Я увидел, как ты пошел на кладбище и решил пойти за тобою.

— О Елемес, Елемес! Я плачу на могиле своей дочери! Здесь похоронена моя девочка, моя Кулянда. Что мне делать, Елемес?

— Поднимись с колен, Толеп, не плачь.

Елемес поднял за плечи Толепа. Старик напрасно ждал от него совета. Он молчал, рассматривая старый надгробный камень.

А перед глазами Толепа стояла Кулянда. Юное лицо улыбалось, словно хотело сказать отцу: «Не бойся, ничего страшного не произошло». — Словно хотело сказать, и — не могло.

* * *

— Я не понимаю, зачем нужно разрушать могилы? Мертвые не виновны, что похоронены здесь, потом надо соблюдать обычаи казахского народа! Казахи будут счи-

тать нас осквернителями могил. Мы даем в руки муллам и баям большой козырь. Они поведут против советской власти агитацию. Нельзя давать повода для такой агитации. Решение инженера Даурова, выражаясь очень мягко, приносит большой вред...— Инженер Кулевакин вытирает лицо платком, отряхивает соринки с куцего пиджака, победоносно оглядывает собрание.

Весть о разрушении могил проникла во все бараки. Казахское население Караганды взволновано. Кое-кто из казахов бросил работу.

Городской комитет комсомола созвал специальное совещание по этому вопросу. На совещание приглашены начальник строительства шахты Шектыбай, главный инженер Рахмет Дауров, инженер Кулевакин, специалисты, шахтеры, строители. Секретарь горкома комсомола Володя Красный волнуется. По такому необычному, странному вопросу ему еще не приходилось созывать совещание. Неокрепшим, но солидным баском он требует тишины и спокойствия.

— Товарищи, товарищи! Инженер Кулевакин высказал свое мнение. Кто еще желает взять слово? Никто? Так пусть инженер Дауров ответит на выступление.

Встает Рахмет. Посмотрев на Кулевакина, он говорит:

— Мы не оскорбляем народных обычаев и не оскверняем могилы предков. Нам дороги наши предки, мы свято храним их память. Но, — Рахмет особенно подчеркивает слово «но», — но ради будущего нашей страны, ради счастья потомков своих наши предки не обидятся, если мы перенесем их прах в другое место.

— Но разве мертвецы виновны в том, что они помещали потомкам? — нарушая тишину зала, вскрикивает Шектыбай.

— Я ни в чем не обвиняю мертвецов!

— Но эту, эту единственную могилу с надгробным камнем разрушать нельзя, — снова кричит Шектыбай.

— Какую могилу? — спрашивает Рахмет.

— С надгробным памятником!

— Я не думал, что начальник шахты Шектыбай находится в плену народных обычаев.

Шектыбай растерян. Пытаясь перебить Рахмета, он невнятно бормочет:

— Рахмет, ты не понял меня, не понял. Ты совершенно прав. Кладбище необходимо снести.

Секретарь горкома комсомола и Рахмет выходят вместе. Совещание не удовлетворило их.

— Кладбище! Могилы! Народные обычаи! Как бы нам в этом вопросе не запутаться, — волнуется Красный.

На кладбище разгар строительных работ. Закладываются стволы новых шахтных участков, режут тракторы, мелькают люди. Раздается чей-то крик:

— Дай пройти инженеру! Не видишь, что ли, идет комсомольский секретарь!

— Дорогу, дорогу!

— Ничего, мы подождем.

Рахмет и Красный подошли к могиле. На ней уже покосился надгробный камень.

— Эта могила особенно волнует шахтеров-казахов, — устало произносит Красный. — Обыкновенная могила.

— Никаких могил! Все распахать, все убрать, — говорит Рахмет.

С высокого столба на могилу падает яркий электрический свет. Рахмет садится на бревно против памятника, и вдруг его взгляд останавливается на надгробной надписи. Он читает почерневшие неуклюжие буквы:

*«... Кулянда Толепова. Погибла от руки злодея:
Февраль, 1916 г.»*

Рахмет, не доверяя себе, наклоняется еще ниже и читает: «...Кулянда Толепова...»

Рахмет отпрянул назад, его лицо бледнеет. «Кулянда Толепова. Кулянда Толепова! Что делать, это могила моей сестры Кулянды?»

Красные, зеленые, синие круги плывут в глазах Рахмета. Моя сестра похоронена здесь. Что же мне теперь делать?

Бледный, чувствуя, что ему нехорошо, он опускается на землю.

— Рахмет, Рахмет, что с тобою?

— Ничего! Я очень устал.

— Да что с тобою, Рахмет? — тормозит его Красный.

— Аллах наказал этого нечестивца. О всемогущий-

аллах, хвала тебе! Он хотел разрушить могилы предков, но ты покарал его! В этой могиле покоится девочка. Я сам едва не погиб, пытаюсь спасти ее. Слава аллаху, он видит и карает своих отступников,—шепчет чей-то тихий злобный голос.

На кладбище, укрытый высокими травами, сидит Саду—старый провокатор Саду, о котором уже давно позабыли шахтеры концессии мистера Хогинса.

— Так можно сносить могилы? — спрашивает бригадир.

Рахмет невидящими глазами смотрит на него и на Володю Красного.

— Рахмет, я не понимаю,— нарушает молчанье Красный.—Тебя спрашивает бригадир, а ты молчишь. Надо же принять какое-то решение.

— Что, а? Что ты сказал, Володя?—окончательно приходя в себя, спрашивает Рахмет.

— Я говорю, надо сносить могилы?

Рахмет поднимается с земли. В электрическом свете отчужденно белеет надгробный памятник.

«... Кулянда Толепова...»

Как все-таки трудно принять решение. Но принять его необходимо!

— Могилы снести,— тихо произносит Рахмет.

Бригадир уходит. За ним торопливо уходит с кладбища Рахмет. Его догоняет Володя Красный.

— Я не понимаю твоей растерянности, Рахмет. Ты же сам говооил на совещании...

— Дело не в моей растерянности. Дело в том, что под этим памятником похоронена моя сестпа Кулянда. Я не знал, что она умерла. Вот в чем дело, Володя.

Красный, удивленный, молчит.

— А теперь забудем об этом.

Красный жмет руку Рахмету, и они расходятся. Рахмет возвращается в свою комнату, садится на постель, тяжело опустив голову. «Я тоже нахожусь в плену предрасудков. В моей душе притаились устаревшие обычаи. Я—советский инженер, комсомолец, а что происходит в моей душе? Казахи назовут меня осквернителем могил. Но как я должен был поступить в таком случае?»—не найдя ответа на мучительные вопросы, Рахмет падает на кровать.

— Люди, люди! Что вы делаете? Опомнитесь, не разрушайте могил. Иначе с вами случится недоброе!

Неожиданно и неизвестно откуда появившийся Саду встает между рабочими и могилой Кулянды. Глаза его сверкают, кулаки сжаты, голос визглив.

Рабочие приостанавливают работу.

— Вы позабыли про гнев аллаха. Иначе вы бы не стали осквернять могилы,—надсадно выкрикивает Саду.

— Да сохранит вас аллах,—произносит один из рабочих-казахов.— Мы не хотим надругаться над нашими предками.

— Тот, кто еще боится аллаха, чтит коран, кто еще мусульманин, тот не прикоснется к кладбищу,—закрывает лицо руками Саду.

Из толпы рабочих раздаются тревожные возгласы:

— Разве мы перестали быть мусульманами?

— Мы не хотим, чтобы на нас обрушился гнев всемогущего.

— Говорят, на этой могиле горел священный огонь.

Из темноты ночи появляется бригадир.

— Что тут за шум? Почему прекратили работу?

— Мы не будем работать. Мы — правоверные,— отвечает высокий с черными усами казах.— Мы — рабы аллаха...

— Бросайте работу, правоверные, — снова кричит Саду.

Мирзаш с суровым видом приближается к Саду.

— Откуда появился этот мерзавец? Разве здесь никто не знает, что он проворовался в Кокчетаве и сбежал. Не знаете? А я хорошо знаю этого прохвоста. Ты что сеешь смуту? — Мирзаш хватая Саду за шиворот.

— Ой, ой, ой!—взвизгивает Саду.—Этот бандит хочет убить меня! Не верьте ему, мусульмане!

Казахи обступают Саду и Мирзаша.

— Оставь в покое правоверного.

— Гнев аллаха да упадет на твою голову!

— Бейте этого мальчишку, он—комсомолец!

Кто-то ударил Мирзаша кулаком по лицу. Пользуясь суматохой, Саду исчезает в толпе.

— Не смейте бить,—раздается властный голос. Рах-

мет, расталкивая рабочих, проходит к могиле Кулянды.— Почему прекратили работу?

— Мы не хотим разрушать могил.

— Нас никто не заставит уничтожить кладбище!

— Пусть гнев аллаха обрушится на вероотступников.

— Товарищи! Казахи!—Рахмет поднимает руку.

В толпе воцаряется молчанье.

— Послушайте меня, казахи. Я не меньше вашего страдаю, снося эти могилы. Здесь, под этим камнем, похоронена моя сестра Кулянда. Она погибла от руки злодея. Но вы же знаете, что на месте кладбища будет шахта, наша народная шахта. Мы строим счастливую жизнь, и во имя этого я приказал разрушить кладбище. Если аллах существует, пусть он сейчас же обрушит свой гнев на меня. Но за наше счастье, за нашу новую жизнь, казахи, мы должны жертвовать не только могилами предков, но и своей головой. Да, дорогие друзья мои, своей головой...—на глазах Рахмета выступили слезы,—сестра моя Кулянда сказала бы: «Ты правильно поступаешь, Рахмет».

— Он сказал правду. Он даже плакал. Нельзя не верить таким словам,— произнес Мирзаш.— Люди, давайте продолжать работу.

* * *

Рахмет возвращается в свой кабинет. За столом сидит Шектыбай, рядом с ним какой-то русский.

— А мы тебя давно поджидаем. Познакомься, Рахмет, новый секретарь партийной ячейки нашей шахты, Алексей Петров.

Рахмет крепко жмет руку пожилому человеку с добрыми, немного выцветшими синими глазами. У Петрова суровое обожженное степными ветрами лицо, огрубевшая, в мозолях и трещинах, крепкая рука.

— Очень приятно. Значит, будем работать вместе. Мы с Шектыбаем — старые друзья. Работали еще на англичанина Хогинса,— улыбается Алексей.

Рахмет садится на стул.

— Почему у тебя такой мрачный вид? — спрашивает Шектыбай.

— Рабочие не хотели сносить могил. Кто-то сагитировал их. С трудом уговорил людей продолжать работу.

— Суеверное отношение к памяти предков еще сильно в нашем народе. С этим надо считаться. Тут нужна настойчивая и умная пропаганда, — говорит Шектыбай.

— А главное — нужно разоблачить врага, сеющего лживые слухи, — добавляет Алексей. — Не так ли, Рахмет?

— Я с вами согласен. Но кто враг — вот вопрос.

Дверь кабинета тихо приоткрывается.

— Можно?

— Можно, можно! Чего стал у порога, заходи, — зовет Шектыбай.

В кабинет входит Мирзаш.

— Здравствуй, — протягивает руку Шектыбай. — Проходи. Садись. Рассказывай новости.

Мирзаш смущенно снимает малахай.

— Я вот по какому делу. Некий Саду работал в Кокчетавском кооперативе, растратил казенные деньги и скрылся. А теперь он оказывается на стройке нашей шахты. Когда начали сносить могилы, он выступил перед казахами. Грозил гневом аллаха. Я хотел его задержать, но Саду убежал.

— Какой же это Саду? Что за Саду? — спрашивает Алексей Петров, переводя взгляд с Мирзаша на Шектыбая.

Шектыбай трет ладонью лоб и напряженно думает: «Какое знакомое имя! А не тот ли это Саду, что работал вместе с ним на концессии Хогинса? Не тот ли Саду, что пытался сорвать забастовку шахтеров? Все может быть».

— Шектыбай? Ты помнишь, на концессии Хогинса был один казах. Его звали тоже Саду? — спрашивает Алексей.

— А я как раз думал о нем. По-твоему, это он?

— Я просто предполагаю.

— Спасибо, Мирзаш. Мы займемся этим Саду. Выясним, что за птица, — благодарит Шектыбай.

* * *

В маленькой сторожке Толепа сидит Саду. Воровато оглядываясь на окно, он шепчет:

— Ты помнишь, Толеп, Джима Хогинса, по чьей вине умерла твоя дочь? Так это он требует разрушить могилу

ее, а надгробный памятник послать ему. Зачем нужен Хогинсу памятник, не знаю. Но я знаю—молодого инженера и Шектыбая Хогинс подкупил. Это они разрушили могилу Кулянды.

Толеп хватает Саду за локоть и напряженно молчит.

— Ты должен отомстить молодому инженеру и Шектыбаю. Иначе аллах накажет тебя.

Мимо сторожки, по-хозяйски оглядывая дверь, проходит начальник первой шахты Илья Афанасьевич. Илья Афанасьевич и Толеп хорошо знают друг друга, хотя и редко встречаются. Разве забудет Толеп, как Илья заступался за его Кулянду, как сидел в тюрьме за организацию забастовки на концессии Хогинса. Вот к Илье Афанасьевичу и надо сейчас обратиться. Он посоветует, как быть.

Толеп открывает дверь и зовет начальника шахты. Саду дергает за рукав Толепа, но уже поздно. Афанасьев заходит в сторожку. Он здоровается с Толепом, пристально смотрит на Саду.

— Кажется, старый знакомый? Да это же Саду! Каким ветром тебя занесло к нам?—спрашивает Илья.

— Да вот приехал на стройку. Хочу поработать, товарищ начальник. Может, по старой памяти найдешь мне работу?—торопливо говорит Саду.

— Почему нет! Работа всегда найдется. Ты что-то хотел сказать мне, Толеп?

— Илья, ты больше всех жалел мою маленькую Кулянду. Помоги мне, не дай отправить ее останки англичанину, — заплакал Толеп.

— Да ты в своем уме, Толеп? Никто никуда не отправит останки твоей дочери. Ее прах просто перенесут на новое место. Кто распускает такие подлые слухи, хотел бы я знать?

— Мне сказал об этом вот он, Саду.

— Саду? Вот оно что! А ну-ка пойдем в мой кабинет.

Саду попятился к двери, но делать нечего. Приходится идти.

Афанасьев приводит к себе Толепа и Саду и снимает телефонную трубку.

— Шектыбай, здравствуй, дорогой! Это я — Афанасьев. Ты не установил еще, кто агитировал вчера на кладбище? Что, какой-то Саду? Ты думаешь, тот самый Саду, который работал на английской концессии? Не уверен, а

только предполагаешь? Ну так я тебе скажу — это тот самый. Он сейчас у меня. Хорошо, жду. Приходи!

Илья Афанасьевич вешает трубку и тяжелым взглядом смотрит на Саду.

Саду съезился и дрожит.

— Т-а-а-к!—протяжно произносит Илья. — Ты все еще не оставил свои провокаторские дела, Саду? Ты вредил рабочим у Хогинса, вредишь им при советской власти? А ты, Толеп, как ты мог поверить словам этого провокатора? Поверить Саду, который желал смерти твоей дочери и пытался сорвать нашу забастовку? На месте кладбища будут строиться новые шахты, новые дома. Для кого эти дома? Для рабочих. Для тебя же, Толеп.

Толеп смущенно молчит.

Илья продолжает спрашивать Толепа:

— Разве я не старался спасти Кулянду?

— Да, спасибо тебе!

— Так могу ли я или Шектыбай плохо относиться к праху Кулянды?

— Нет, нет! Но вот молодой инженер, которого я не знаю. Говорят все это дело его рук.

Ты говоришь о молодом инженере Даурове?

— Я не знаю, как его звать.

— Это неважно. Он—хороший человек, настоящий комсомолец. А потом это дело не только его рук. Это дело всех нас. Нельзя винить одного Даурова.

В кабинет входят Шектыбай и Алип с палкой в руках.

— Толеп, мой Толеп!—вскрикивает Алип, увидев брата. — Откуда ты появился?

— Я работаю здесь на шахте. А ты откуда взялся?

— Понемножку тружусь у Шектыбая, на строительстве. Как жалко, что мы так долго не знали друг друга.

— Как хорошо, когда встречаются братья, — улыбается Шектыбай, но тут же резко поворачивается к Саду.

— Ты не только провокатор, но ты еще и вор, Саду. Сколько ты украл денег в Кокчетаве?

— Это неправда! Это клевета! Я не воровал казенные деньги, — дрожащим голосом бормочет Саду.

— Я сейчас позвоню в милицию. Надо забрать этого негодяя, — поднимает телефонную трубку Илья.

— Пощадите меня, пощадите! Я ведь честный рабочий. И отец мой был рабочим.

— Какой ты бесстыжий, Саду,—презрительно усмеялся Шектыбай. — Кому ты втираешь очки? Кто-кто, а я ведь знаю, кем был твой отец. Бай Шорман — вот кто твой отец. И ты идешь по его дорожке. Но мы прекратим твою грязную работу.

* * *

Инженер Кулевакин снова в полном одиночестве пьет водку. На грязной тарелке, засыпанной табачным пеплом,—селедка, и кусочек черного хлеба, Кулевакин наливает третью рюмку, морщится и залпом опрокидывает ее.

— На сегодня хватит! Пора перестать пить. А то совсем нехорошо получается. Брошу пить, — решает инженер и отодвигает бутылку в сторону.

В захмелевшей голове бродят тяжелые мысли. Кулевакину чудятся подозрительные шорохи, кажется, что кто-то стоит за дверью и подглядывает за ним. Становится страшно. Кулевакин распахивает дверь. Никого! Нетвердой походкой он выходит на улицу, проскальзывает между бараками, обходит кучи строительного мусора и приближается к дому, в котором живет Рахмет.

Кулевакин немного колеблется, потом стучит в дверь. На стук не отвечают. Кулевакин со злостью дергает ручку, дверь не заперта. Рахмета в комнате нет.

Кулевакин входит в комнату, осматривает полки с книгами, аккуратно убранныю постель, стол. На столе — фотография девушки. Кулевакин перевортывает фотографию, читает надпись: «Дорогому Рахмету от Лизы Вознесенской».

— Какая красавица! — вздыхает Кулевакин, кладет фотографию в карман и, осторожно прикрыв дверь, бредет дальше.

Свежий ветер обдувает его. Хмель проходит. Кулевакин подтягивается и уже твердо, не качаясь, направляется в Управление строительства.

В управлении — обеденный перерыв, секретарь ушла, оставив на столе свежую почту. Кулевакин просматривает письма, пакеты, бандероли и идет в свой кабинет. В коридоре его останавливает почтальон.

— Мне надо инженера Даурова. Ему телеграмма.

— Его сейчас нет. Давайте я передам.

Почтальон вручает телеграмму Кулевакину. В кабине Кулевакин ее распечатывает.

«Выехала двадцатого Москва направили Караганду работу. Целую встречай Лиза Вознесенская».

— Интересно, — вздыхает Кулевакин и прячет телеграмму в письменный стол.

* * *

На территории новой шахты широким фронтом развернулись строительные работы.

Закладываются фундаменты подсобных предприятий, всюду снуют землекопы, каменщики, плотники, штукатуры. Пахнет свежим лесом, цементом, известью. Слышится лязг экскаваторов, скрип телег, разноголосый гомон рабочих.

Над гигантским колодцем—ствол зарезаемой шахты—возвышается бетонная башня. Рядом строится силовая подстанция.

Рахмет и прораб Анна Ковалева очень долго и внимательно осматривают стену воздвигаемой подстанции.

— По-моему, стена имеет перекос,—говорит Анна, поворачивая к Рахмету свою крупную золотистую голову. У нее—полные губы, решительный подбородок, белое лицо. Глаза, словно два голубых осколка, вырезанных из неба.

— Ты права, Анна. Стена возведена с перекосом. Где десятник? Позовите его!

Появляется десятник Гаврилов с озабоченным, сильно изрытым оспой лицом.

Он суетливо начинает объяснять причину брака, стараясь не встречаться взглядом с Рахметом.

— Я не виноват. Видно есть какая-то ошибка в расчетах.

— Я проверю рабочий чертеж и найду виновника,—резко бросает Рахмет.

— Это надо сделать немедленно,—соглашается Анна. Они продолжают обход территории. Анна идет впереди. Рахмет невольно любит ее складной фигурой.

«Интересная девушка и знающий свое дело специа-

лист, — думает Рахмет. — Если бы я не любил Лизу, я влюбился бы в Анну».

* * *

Поезд пришел поздно ночью. Небо было затянуто тучами, слабый свет электрических фонарей не в силах разогнать графитовую темноту, обложившую станцию.

Лиза с чемоданами в руках вышла из вагона. На ней непромокаемый плащ, красный берет кокетливо сдвинут на правое ухо. На перроне среди встречающих она не видит Рахмета. Лиза поставила чемоданы и нетерпеливо огляделась.

«Где же Рахмет? Неужели он не вышел встречать меня?» Встречающие и приезжие быстро разошлись. На дальнем конце перрона появилась мужская фигура. — Рахмет или не Рахмет, в темноте трудно определить. Лиза все же громко кричит:

— Рахмет, идите сюда!

«Нет, это не Рахмет.—Лиза закусывает губы, в досаде опускает руки. — Почему он меня не встретил? А может быть, не получил телеграмму? Все может быть! Но куда же теперь деваться? До города далеко. Придется ждать до утра на вокзале». Лиза сдает чемоданы в камеру хранения и идет в зал ожидания. Вокзал переполнен. Люди спят на полу, в проходах, под скамьями. Духота, спертый воздух. В маленьком буфете ничего нет, кроме бутербродов с селедочной икрой и жидкого чая. Лиза с трудом находит местечко на краю скамейки. Возбуждение прошло, настроение упало, хочется спать.

Лиза смежает веки и засыпает. Ей снится сияющий Рахмет. Он спешит к ней через переполненный зал, с протянутыми руками.

Кто-то тихонько трогает Лизу за рукав. Лиза просыпается.

Перед ней стоит незнакомый мужчина с рыжими волосами, с помятым лицом.

— Извините, не вы Лиза Вознесенская, дочь нашего почтенного академика Аркадия Евгеньевича?

— Да, я!

— Простите, пожалуйста, что мы вас не встретили. Я—инженер Управления строительства Кулевакин. Был

на дежурстве, не мог встретить. Как освободился, сразу помчался на поиски вас.

— Большое спасибо. А как вы узнали о моем приезде? Я не давала телеграмму управлению.

— Совершенно случайно. Произошло маленькое недоразумение. Почтальон по ошибке вручил мне вашу телеграмму на имя инженера Даурова. А я не мог разыскать его. Значит, я виновник, что вас не встретил товарищ Дауров. Решил искупить вину и примчаться сам. Где ваши вещи, пойдёмте в гостиницу, я забронировал номер.

Кулевакин с чемоданами в руках ведёт Лизу через весь город в гостиницу. Обрадованная Лиза расспрашивает его о Рахмете.

— Как он, жив-здоров?

— Совершенно здоров.

— А где он живет?

— На другом конце города. От гостиницы далековато.

— Я слышала, он работает на строительстве шахты-гиганта?

— Совершенно верно.

— Как только устроюсь в гостинице, пойду к нему.

— А кем вам приходится Рахмет Дауров? — задаёт вопрос Кулевакин.

— Товарищ по институту. Вместе учились, дружили.

— Ах, вот как! Только в разлуке дружба скоро забывается.

— Я вас не понимаю.

— Как подруга юности, вы можете поздравить Даурова.

— С чем?

— Он женится...

Лиза, пораженная, останавливается и подозрительно смотрит на Кулевакина.

— Вы правду говорите? — спрашивает она дрогнувшим голосом.

— А зачем мне лгать? Я могу назвать имя невесты.

— Спасибо. Не стоит.

— Ее зовут Анна Ковалева. А вот и гостиница.

В маленьком номере чисто, уютно. Лиза снимает берет и тяжело опускается на стул.

— Большое вам спасибо за беспокойство. Будьте любезны, скажите мне адрес Даурова.

— Я бы не рекомендовал вам идти к человеку, который мог променять такую чудесную девушку, как вы, на другую. Он даже выбросил вашу фотографию. А я случайно ее подобрал...

Кулевакин вынимает из кармана бумажник, достает фотографию Лизы.

— Может быть, вы оставите мне ее на память?

— Берите, — равнодушно соглашается Лиза.

— Не буду задерживать вас, после дороги вы, вероятно, утомлены. Прошу захаживать ко мне в гости. Я буду счастлив. Вот мой адрес.

— Хорошо, зайду, — с тем же холодным равнодушием говорит Лиза.

Лиза идет по коридору двухэтажного дома. Вот комната Рахмета. Сильно и тревожно бьется сердце. Может быть, войти без стука? Лиза не решается и проходит в конец коридора. Неожиданно в коридор входит девушка с золотистыми волосами, с сияющей улыбкой и направляется к двери Рахмета. Не замечая Лизы, она стучит в дверь.

«Наверно, это и есть его невеста, Анна. Она недурна, — тоскливо думает Лиза. — Рушатся все мои мечты и надежды. Рахмет разлюбил меня... Женится на другой». От обиды и ненависти к Рахмету глаза Лизы темнеют. Девушка, не достучавшись, пишет записку, прикалывает ее булавкой на дверь и уходит. Лиза быстро срывает и читает записку:

«Рахмет! Я была у тебя. Не застала. Надо срочно переговорить. Приходи на шахту, в известное тебе место. Анна».

Лиза рвет записку в мелкие клочья и выбрасывает через лестницу. Подобно хлопьям снега они разлетаются в стороны.

По дороге в гостиницу Лиза сталкивается с Кулевакиным. Инженер радостно восклицает:

— Какое счастье, что я вас встретил. Я живу вот в этом доме. Зайдемте ко мне. Угощу чаем и печеньем.

На Кулевакине тщательно выутюженные брюки, вы-

чищенный пиджак. Инженер подстрижен, побрит, лицо свежее, порозовевшее.

— Если напоите чаем, зайду, — с трудом улыбается Лиза

Комната Кулевакина неузнаваема. Стол покрыт чистой скатертью, этажерка с книгами приведена в полный порядок, на видном месте двухтомник произведений академика Вознесенского по горному делу. На ковре висит фотография Лизы.

— Присаживайтесь на диван. Вот видите, ваше фото у меня на самом почетном месте. А с трудами вашего отца, нашего великого учителя академика Вознесенского, я вообще не расстаюсь. Сейчас приготовлю чаек.

Кулевакин разжигает примус, ставит на него ярко начищенный медный чайник.

— У меня ведь по-холостячки, прошу извинить, Елизавета Аркадьевна...

Лиза присела на диван, вытянув утомленные ноги. Кулевакин покосился на ее стройную фигуру, на высокую грудь, на тонкое лицо. «Интересно посмотреть ее раздетую. Красотка, ничего не попишешь»,—думает он, облизывая пересохшие губы.

За чаем, угощая Лизу бисквитами, Кулевакин говорит:

— Вот так и живу. Днем на работе, вечером дома. Сижу, учусь, читаю. Без постоянного повышения своих знаний советскому инженеру невозможно работать. А вы куда думаете устраиваться? В аппарат управления, конечно?

— Я пойду в шахту.

— На строительство гиганта? Там как раз инженер Дауров работает.

— Я пойду на действующую шахту.

— Тогда идите на первую шахту. Ею руководит очень опытный горняк Илья Афанасьевич. Чрезвычайно симпатичный старик.

* * *

Рахмет поздно возвратился с работы. Уставший, перепачканный, он на скорую руку приготовил ужин и присел к столу. Безразлично оглядев стол, он встрепенулся.

— А где же фотография Лизы? Куда я ее задевал?

Неужели кто-то из товарищей пошутил и спрятал. Скверная привычка — не закрывать на ключ комнату.

Рахмет досадливо поморщился, и мысли о Лизе нахлынули сразу:—Я дважды писал ей, почему она мне не ответила?

Вспомнился парк культуры и отдыха, голубое зеркало зализа, белая береза, поцелуи Лизы. Стало спокойной и радостно, усталости как не бывало.

— Ах, Лиза! Моя любимая, моя чудесная Лиза. А все-таки, кто же взял ее фотографию?

Легкий стук в дверь прервал воспоминания. Рахмет открыл дверь.

— А я думала, ты уже спишь, — сказала Анна, входя в комнату. — Но все же решила заглянуть. Почему ты не пришел в условленное время? Ведь я оставила тебе записку.

— Какую записку? Я не видел никакой записки. Садись, будешь гостьей.

— Нет, надо торопиться домой. Я просила тебя прийти на шахту, чтобы на месте разобраться в работе десятника Гаврилова. Мне он кажется подозрительным человеком. Я обнаружила брак в строительстве жилого дома. Его возводит тот же Гаврилов.

— Хорошо, займемся этим делом завтра же.

Анна поправила золотистые волосы, кокетливо улыбнулась, синие глаза ее обдали жаром Рахмета.

— А ты слышал новость, Рахмет?

— Скажешь—узнаю,

— На работу в Караганду приехала девушка.

— Подумаешь, новость. К нам приезжает много девушек.

— Но это особенная девушка. Это дочь знаменитого академика Вознесенского.

— Что ты сказала? — воскликнул Рахмет. — Быть не может! Я бы первым узнал об этом. Кто тебе говорил о приезде Лизы?

— Ты, кажется, сомневаешься в моих словах? Мне сказал об этом инженер Кулевакин. Он встречал ее на вокзале и устроил в гостиницу. Почему я не должна верить Кулевакину?

— Ничего не понимаю, — развел руками Рахмет. — Я сейчас же побегу в гостиницу.

— А разве ты знаешь эту Вознесенскую?—недовольным тоном спросила Анна.

— А как же! Мы с ней учились в одном институте. Ты извини, Анна, я пойду в гостиницу. Мне надо немедленно увидеть Лизу.

Анна тряхнула волосами и, не попрощавшись, ушла. Через пятнадцать минут Рахмет уже стучался в номер Лизы.

— Жилицы нет. Она ушла куда-то, — сказала горничная.

— А когда же она вернется?

— Я не знаю.

Расстроенный Рахмет побрел по улицам города, с надеждой вглядываясь в каждое женское лицо.

Лизу он не встретил.

— У вас очень утомленный вид, Елизавета Аркадьевна. Мне не хотелось бы бередить вашу рану, я понимаю, как вам тяжело, но все-таки как подло поступил с вами Дауров.

— Я прошу не вспоминать о нем.

— Не буду, не буду.

— У вас душно. Откройте окно!

Кулевакин распахнул окно. В комнату ворвался свежий воздух. Черное беззвездное небо изредка освещалось зеленой молнией, далеко за городом, тревожно и глухо, ворчал гром.

— Будет гроза, — сказал инженер. — Вы еще не видели степных гроз?

— Нет, не приходилось.

— Феерическое зрелище! Ой, какой же у вас утомленный вид! Хотите немного коньяку?

И, не дожидаясь согласия Лизы, Кулевакин достал из тумбочки коньяк.

— Прошу, Елизавета Аркадьевна. Одна рюмочка успокоит ваши нервы. Сам я почти не пью, но за компанию с вами выпью.

Лиза молча выпила коньяк и закусила бисквитом. Кулевакин восхищенно глядел на нее.

Над городом разразилась гроза. После каждой ослепительной молнии гремел гром. Стекла жалобно звенели, стены вздрагивали, косяки ливня захлестывали землю.

При вспышках молнии ливень переливался разноцветными искрами. Вершины деревьев сгибались под потоками дождя.

Лиза со страхом смотрела в окно. От выпитого коньяка кружилась голова, тянуло в сон.

— Гроза кончится не скоро. Поверьте мне, я знаю. А вы совсем раскисли, вам надо отдохнуть,—ласково заговорил Кулевакин.— Идите в мою спальню и спите. Вот вам ключ. А я пересплю на диване. Не бойтесь ничего, спите спокойно, Елизавета Аркадьевна.

Лиза с трудом приоткрыла веки.

— Спасибо вам, товарищ Кулевакин. Вы очень хороший человек. — Она взяла ключ и прошла в спальню.

Кулевакин услышал, как повернулся ключ в замочной скважине.

— Все складывается к лучшему. Главное сделано — она спит у меня, — удовлетворенно сказал Кулевакин.

Он долго стоял у раскрытого окна, любуясь бушующей грозой. Потом выпил остатки коньяка и лег на диван.

* * *

— Она все еще не приходила?

— Нет, не приходила.

— Куда же она могла деться?

— А я почему знаю, — сонно зевнула горничная гостиницы и отвернулась от Рахмета, давая понять, что им говорить больше не о чем.

После бесплодных поисков Лизы, мокрый и уставший, Рахмет вернулся домой на рассвете. «Куда она могла деться? Одна, в незнакомом городе,—тревожные мысли не давали покоя. Он решил искать Лизу в Управлении строительства.— Не пойду на шахту, пока не найду ее». Он прилег на постель и задремал.

Было одиннадцать часов утра, когда Рахмета разбудил его новый приятель — инженер Борисов. Он совсем недавно пришел работать на строительство и как-то сразу подружился с Рахметом. Это был очень общительный, веселый человек.

— Все еще спишь? — крикнул он, скидывая ноги Рахмета с кровати. — Спишь, нахал, да еще в сапогах. Почему не вышел на работу? Шектыбай о тебе спрашивал.

Рахмет сел на постели, что-то мучительно вспоминая,

и вспомнил: «Лиза! Надо бежать в управление на ее поиски».

— Я сейчас не пойду на работу. Приехала одна моя знакомая. Я должен разыскать ее. Шектыбай, думаю, не рассердится.

— И к тебе приехала знакомая? Какое совпадение. Ну, и везет же вам с Кулевакиным. У него тоже приехала гостья. Захожу утром к нему, вижу — он сияющий, готовит завтрак, ходит на цыпочках. Я не успел рта раскрыть, как он на меня зашипел:

— Тише, тише, человека разбудишь...

— Гляжу, — на диване красный берет, сумочка, а на стене висит дамский плащ. Ага, думаю, у Кулевакина — женщина.

— Откуда, — спрашиваю, — гостья приехала?

— Из Ленинграда, — отвечает он.

— Расспрашивать дальше неудобно, и я замолчал. А Кулевакин с какой-то особенной гордостью и хвастовством сообщает:

— Знаете, кто у меня? Дочь знаменитого академика Вознесенского, Елизавета Аркадьевна. Вот кто!

И Борисов весело расхохотался.

— Ну и жук, этот Кулевакин! Отхватил дочку академика. Везет же людям!

Рахмет стоял бледный, оторопело слушая болтовню Борисова.

— Ты что, Рахмет? На тебе лица нет? — испугался Борисов. — Не заболел ли ты? Так я сейчас слетаю за доктором.

— Нет, ничего. Не надо доктора. Я здоров. Сейчас иду на шахту. Извини, Борисов, но я ухожу.

Рахмет шел на работу, не видя ни улицы, ни солнца, ни людей. «Как же это так? Лиза и Кулевакин? Где, когда они могли познакомиться? И она ночевала у Кулевакина. Невероятно! Нет, этого не может быть! Тут какое-то недоразумение. Я должен выяснить. Должен! Обязан».

Рахмет поднял глаза. По другой стороне улицы, не замечая его, шли Лиза и Кулевакин. Кулевакин что-то говорил ей, должно быть, смешное, Лиза улыбалась его словам. Они скрылись за углом дома, вероятно, направились в Управление строительства.

— Теперь все понятно и все кончено, — пробормотал Рахмет и медленно пошел на шахту.

На пороге своего кабинета он встретил десятника Гаврилова. «Надо разобраться, в чем кроется причина брака на стройке подстанции и жилого дома», — вспомнил Рахмет и сказал Гаврилову:

— Зайдите ко мне.

Гаврилов, осторожно ступая подкованными сапогами, вошел в кабинет. Не приглашая сесть десятника и не садясь сам, Рахмет сурово спросил:

— Объясните, Гаврилов, почему вы допустили брак в работе? Перекос стен силовой подстанции и жилого дома, что это такое?

— Я не знаю, как это произошло. Это какая-то случайность, — ответил десятник, снимая шапку.

— Случайность или умышленность?

Десятник промолчал.

— Что же вы молчите?

— Что же отвечать? Я вижу — меня подозревают во вредительстве. Мне трудно доказать вам, что это ошибка.

Рахмет в упор посмотрел на десятника и подумал: «Он прав! Я начал не с того конца. Надо узнавать о таких вещах не у виновников».

— Можете идти.

Десятник вышел из кабинета. Рахмет придвинул к себе рабочие чертежи и начал рассматривать их. Но в голову ничего не шло, кроме одной назойливой мысли: «Лиза, Лиза, как ты поступила со мной». Перед ним стоял образ любимой девушки с ясными, честными глазами. Освещенная солнцем, с сияющей улыбкой, она смотрела на Рахмета и все кивала головой, и все манила к себе, в зеленую глубину парка, к бесконечному простору морского залива.

— Где мне найти инженера Даурова? — раздался в коридоре чей-то голос.

Рахмет очнулся.

— Я здесь! Заходите! — Он распахнул дверь.

В коридоре топтался молодой казах.

— Чего же вы? Заходите!

Пригнув голову, словно боясь задеть притолоку двери, казах вошел в кабинет.

— Чем могу быть полезен?

Казах неловко сел на стул и наклонил голову.

— Меня зовут Мирзаш. Я работаю на первой шахте, где начальником Илья Афанасьевич. Знаешь?

- Знаю.
- Рубаю уголь. Но, по правде сказать, мне хочется на строительство вашей шахты. Знаешь?
- Не знаю.
- Очень хочется, знаешь? Так вот прошу, примите меня к себе на работу.
- А Афанасьев отпустит? Ты спрашивал его согласия?
- Не спрашивал, нет!
- Я не могу взять тебя на работу без согласия Афанасьева. Он подумает, что я переманиваю его людей.
- Мирзаш еще ниже наклонил голову. Рахмет обратил внимание, что на затылке у Мирзаша голое пятнышко, размером с двугривенный. Ему вспомнилось детство, интернат и маленький мальчик, которого звали Мирзаш. Мирзаш—друг его детства. Теперь, присматриваясь внимательно к сидящему перед ним казаху, Рахмет уловил знакомые черты.
- Ты не жил, случайно, в интернате? — Рахмет назвал степной город.
- А как же, жил.
- Ты не помнил мальчика, которого звали Рахметом?
- А как же, помню!
- Мирзаш! — Рахмет бросился к молодому казаху и обнял его. — Так ведь это я. Рахмет Дауров — это я!
- Вот так встреча! Вот так встреча! — взволнованно повторял Мирзаш, обнимая друга своего детства.
- Ну, теперь я сам перетащу тебя на нашу шахту. Сам договорюсь с Афанасьевым,—говорил взволнованный Рахмет.

* * *

Рахмет решил выбросить из сердца и памяти Лизу. Случайно он узнал, что Лиза поступила на первую шахту, к Илье Афанасьевичу, начальником смены. Он также узнал, что инженер Кулевакин ежедневно провожает ее на работу и встречает с работы. Рахмет больше не заходил в гостиницу, твердо решив, что Лиза живет на квартире Кулевакина. И все же уязвленное самолюбие, горечь обиды, ревность не давали ему покоя. Он отводил свою душу в беседах с Мирзашем и Анной.

Как-то Рахмет сказал Ковалевой:

— Анна! Я хочу посвятить тебя в свою личную тайну. Ты помнишь девушку, дочь академика Вознесенского?

— Конечно! Я несколько раз видела ее. Очень красивая девушка. Когда я сказала тебе, что она приехала, ты умчался ее искать. Это я хорошо помню, — сказала Анна.

— Я любил ее, Анна. Очень, очень любил. Но она обманула мою любовь.

— А теперь ты ее больше не любишь?

— Не знаю! Я с ней не встречался и не хочу встречаться. Она живет в квартире инженера Кулевакина.

— Жить в одной квартире — это еще ничего не значит, — резко и, как показалось Рахмету, грубовато бросила Анна. — Я бы на твоём месте выяснила ваши отношения. Я бы сходила к ней...

— Что ты! Не пойду! Наши отношения ясны и так, — категорически запротестовал Рахмет.

Этот решительный отказ обрадовал Анну.

Чтобы развеять тоску, Рахмет решил устроить у себя на квартире вечеринку. В гости были приглашены комсомольцы строящейся шахты. Из девушек выделялись бригадир Улболсын, ее подружки Ксения и Марияш. На вечеринку явились Мирзаш, бригадир каменщиков Аркадий Иванов, Жанбол и другие ребята.

Марияш была в темно-синем платье, которое при вечернем освещении очень шло к ее черным волосам и смуглому лицу. Сверкнув глазами, она остановилась посреди комнаты.

— А вот и наша лучшая ударница, — громко сказал Рахмет, знакомя девушку с Мирзашем.

Марияш вспыхнула, но оправилась от смущения и пожала руку Мирзаша.

— Друзья, — произнес Рахмет. — Давайте будем петь, танцевать, веселиться.

— А Жанбол говорит — комсомольцам нельзя веселиться, — лукаво сказала Улболсын, взглянув на сидящего в углу паренька. Все обернулись в сторону Жанбола. Тот выпятил губу и сердито ответил:

— Комсомольцам нельзя веселиться. Комсомольцы должны работать.

Девушки и юноши засмеялись. Громче всех захохотала Улболсын.

— Мы не ученики мечети, Жанбол.

Жанбол встал и направился к двери.

— Ты куда? — обнял его за плечи Рахмет.

— Мне нечего здесь делать, — угрюмо ответил Жанбол.

— Никуда я тебя не пушу. Будем веселиться. Садись. Маленький, белокурый бригадир каменщиков Аркадий Иванов снял с плеча гармонь и поставил ее на стул.

— Что же ты, Аркадий, сыграй какой-нибудь вальс? — попросила Ксения.

— К сожалению, не умею. Частушки еще кое-как, а вальс не могу.

— Я очень люблю музыку, а играть тоже не умею, — вздохнул Рахмет.

— Что это за вечеринка? Гармонь есть, танцевать охота, а поиграть некому, — возмутилась Улболсын.

— Дайте-ка мне, — протянула руки к гармонии Ксения.

Гибкими умелыми пальцами Ксения развернула гармонь и заиграла русскую плясовую.

— А ну, кто за мной, выходи! — прихлопнул в ладоши Рахмет и пустился в пляс. Он плясал лихо, подчеркивая музыкальные такты взмахом рук.

В этот момент в комнату вошли Шектыбай и Алексей Петров. Рахмет остановился.

— Что за праздник, — спросил парторг. — Кто сегодня женится?

— Просто веселимся, — сказала Ксения.

— Ты что же перестал плясать? Хочешь получить передышку, пользуясь нашим приходом? — сказал Рахмету Шектыбай. — Пляши!

— Хватит! Устал. Пусть попляшут другие.

— Попросим Шектыбая! — крикнула Ксения.

— Шектыбая, Шектыбая! Пляшите, товарищ начальник, — подхватили предложение Ксении Мирзаш и Марияш.

— Я не умею плясать.

— А вы попробуйте!

— Ни разу в жизни не плясал...

— Стыдно, что ты не умеешь плясать, — весело сказал парторг, отстраняя в сторону Шектыбая. — Учись! Ксения, давай! — И он захватил молодежь своей зажигающей пляской. Начались общие танцы. Танцевали вальс,

русские и казахские народные танцы. После украинского гопака сели ужинать. Рахмет не поскупился: девушки приготовили жирный бесбармак. Перед каждым гостем стояла тарелка с дымящимся кушаньем, а рядом ложка и вилка.

Жанбол, утверждавший, что комсомольцам надо веселиться, а работать, отодвинул в сторону вилку и полез в свою тарелку пятью пальцами.

— Постой-ка, дружок, — сказал Алексей. — Вот как надо есть бесбармак. — Захватив ложкой лапшу и баранину, он поднес ее ко рту юноши.

— Ешь, Жанбол.

Парторг постучал вилкой по тарелке. За столом прекратились разговоры.

— Дорогие товарищи! Вы очень дружные ребята, настоящие комсомольцы. Вы умеете хорошо трудиться и весело отдыхать. Я рад за вас. Но у меня есть одно предложение. Разрешите его высказать.

— Просим! Просим!

— Говорите!

— А что, если вам вызвать друг друга на соревнование? Соревнуясь, будете еще лучше работать и скорее построите шахту. Почему бы бригаде каменщиков Аркадия не вызвать на соревнование бригаду каменщиков Улболсын?

Предложение парторга было встречено общим одобрением.

— Я вызываю Аркадия, — громко сказала Улболсын.

— Принимаю вызов. Только девушкам за нами не угнаться!

— А мы посмотрим!

— Тут и смотреть нечего.

— Давай руку, — вскочила с места Улболсын. — Руку, Аркаша! Мы вас обязательно победим.

— Это мы еще посмотрим, — весело сказал Аркадий.

* * *

Лиза стоит в главном штреке первой шахты. Она в брезентовой куртке, в руках карбидная лампа. Впервые в жизни Лиза спустилась в угольную шахту, и ей все здесь кажется необычным и немного страшным. Шахта переполнена всевозможными звуками. До Лизы доносит-

ся стук кирок, скрежет вагонеток, ржанье лошадей, пронзительный свист погонщиков.

Лиза поднимает над головой лампу, чтобы лучше осмотреться. В десяти шагах от нее ползут вагонетки с углем. Их тянут не лошади, а стальной трос при помощи электролебедки. Лебедкой управляет молодая казашка Айша.

Айша снисходительно посматривает на незнакомую девушку: «Кто это такая? И что делает в нашей шахте?»

Лиза ждет бригадира забойщиков, полного невысокого юношу, который куда-то ушел и не возвращается. Лиза начинает нервничать: «Хороша я в роли начальника смены. Меня никто из рабочих не знает, и я никого не знаю».

В боковом штреке мелькнул свет, к Лизе подошел бригадир забойщиков Миша Воронцов.

— Пойдемте, товарищ Вознесенская. Я покажу вам шахту, познакомлю с людьми.

— Вы можете звать меня просто Лизой.

— Хорошо. Пойдемте, товарищ Лиза.

«Какое у него открытое, симпатичное лицо», — подумала Лиза, пробираясь за Воронцовым по узкому штреку.

Идти в темноте трудно, Лиза скоро устала. Она едва поспевала за Мишей, то и дело натываясь на черные стены штрека. Штрек становился все ниже, и Лизе пришлось стать на колени и ползти за Мишей. Она задыхалась от усталости.

— Скоро придем, — крикнул, не оглядываясь, Миша и исчез за поворотом. Его исчезновение было так неожиданно, что Лиза растерялась.

— Миша, да где же вы?

— Я здесь! Спускайтесь ко мне, — донесся откуда-то из глубины голос бригадира.

Штрек обрывался. Под ногами Лизы виднелась площадка, на которой работали шахтеры. Были слышны звуки кирок, приглушенные голоса. Темноту лавы прорезывали огни шахтерских ламп.

— Спускайтесь ко мне, — повторил Миша, — перед вами лесенка.

Лиза увидела деревянную лестницу и, осторожно ступая на скользкие ступени, спустилась в лаву. «Мне надо еще привыкать к трудному путешествию под землей.

Рабочие чувствуют себя в шахте, как дома, а я боюсь», — мелькнула неприятная мысль. Лиза увидела бригадира, стоявшего около двух шахтеров. Один из них, высокий казах Шемырбек, взглянул на девушку и, ничего не сказав, стал подрубить киркой угольный пласт. Его сосед Елемес подмигнул Мише.

— Ничего, девочка. Можно приударить.

— Замолчи, — зашипел на Елемеса Миша и тайком показал тяжелый кулак.

— Почему не работаешь? — сурово спросил Елемеса сосед. — Опять нормы не выполнишь?

— Устал, папаша. Да и какая польза работать? Нормы все равно не выполнишь.

— Лодырь так и останется лодырем, — донеслись до Елемеса презрительные слова Миши.

Елемес нахмурился. Это его, Елемеса, считают лодырем? Да если он захочет, за ним на работе никто не утонит! Елемес взял кирку и с криканьем стал подрубить угольный пласт.

Свою первую смену Лиза провела в обществе Миши Воронцова. Бригадир забойщиков показал ей все штреки, забои, лавы, все сложное подземное хозяйство шахты. Он познакомил Лизу с забойщиками, откатчиками, лебедчиками, называя по фамилии лучших ударников, мастеров своего дела.

Каждый раз, когда Лиза спрашивала о чем-нибудь Мишу, он, отвечая, смотрел на нее таким ясным и восхищенным взглядом, что она невольно опускала глаза. «А все-таки, какое у него открытое симпатичное лицо», — снова подумала Лиза, поднимаясь после смены из шахты.

* * *

Рахмета вызвал к себе начальник Управления строительства.

— Вам придется срочно выехать в Алма-Ату, товарищ Дауров. Совет Народных Комиссаров интересуется ходом строительства шахты-гиганта. Нужно сделать подробный отчет, а также провести новый набор рабочих в Караганду. Нам не хватает людей. Поезжайте немедленно. Я думаю, вы сумеете отстоять интересы нашего строительства.

На другой день после этой беседы Рахмет выехал в

Алма-Ату. Перед отъездом, не выдержав, он позвонил в гостиницу и справился, живет ли еще Вознесенская Лиза.

Скучный голос администратора ответил:

— Вознесенская в гостинице не проживает, переехала на квартиру.

Рахмет подержал в ладони телефонную трубку и резко кинул на рычажок.

В Алма-Ату Рахмет приехал вечером. Занятия в Совнаркоме уже кончились, надо было устраиваться с гостиницей. В гостинице свободных мест не оказалось. Расстроенный Рахмет стал слоняться по улицам.

В свой первый приезд он не успел познакомиться с Алма-Атой. Сейчас Рахмет с интересом осматривал широкие прямые улицы, очерченные аллеями пирамидальных тополей и столетних дубов, цветущие клумбы, тенистую глубину парков. Город находился в строительных лесах, строились учреждения, жилые дома, появилось много грузовых и легковых машин. А над сутолокой улиц, над новыми красивыми домами, над зелеными тучами деревьев, как всегда, величественно и безмолвно висели вершины Тянь-Шаня. Они восхищали взгляд неповторимой строгостью своих очертаний, сиянием вечных снегов, невесомой голубизной воздуха. Сколько все-таки здесь красоты, неповторимой, радостной красоты. Она бодрит и вдохновляет человека.

Продолжая прогулку по городу, Рахмет оказался у здания республиканской газеты. В окнах горели огни.

«Шектыбай просил передать письмо своему другу, сотруднику редакции, — неожиданно вспомнил Рахмет. — Надо зайти и передать...»

— Ихлас Кулыбеков придет через полчаса. Пройдите в отдел промышленности и подождите его, — сказала секретарь Рахмету.

Рахмет шел по длинному коридору, читая надписи на дверях: «отдел информации», «отдел культуры», «отдел промышленности». Рахмет приоткрыл дверь в нужный ему отдел. В просторной комнате стоял большой письменный стол с креслами, обтянутыми белыми чехлами. Возле книжного шкафа висела стенгазета.

Когда человеку скучно, в голову неожиданно приходят разные мысли. Это случилось с Рахметом, когда он прочитал в стенгазете какую-то заметку под заглавием «Бах».

«Бах, знаменитый немецкий композитор. Как же его имя?»—сился вспомнить Рахмет и не мог. Он опять повторил вслух:

— Композитор Бах! А как его имя?

— Иоган Себастьян Бах, — раздался сзади чей-то тонкий насмешливый голосок.

В отдел вошла молодая казашка с искрящимися глазами, с черными косами, уложенными вокруг головы.

— Вы кого-то ждете? — спросила она у Рахмета.

— Ихласа Кулыбекова.

— Он скоро придет. — Она подошла к столу, взяла какие-то бумаги и, уже не глядя на Рахмета, вышла из комнаты.

Рахмет проводил взглядом стройную фигуру незнакомки, и опять мысли его возвратились к музыке, к Себастьяну Баху. Ему вспомнилась здоровая, немного грубоватая музыка Вагнера, прозрачные, как родниковая вода, мелодии Чайковского.

Вечерняя тишина комнаты словно наполнилась музыкой. Рахмет не заметил, как раскрылась дверь, и на пороге появился молодой человек. На нем был светло-серый костюм, белая шелковая рубашка, галстук струился на груди зеленоватым ручейком. Под копной черных волос лицо казалось особенно бледным.

— Здравствуйте! Вы ко мне?

— Товарищ Кулыбеков?

— Совершенно верно.

— Я привез вам письмо. От Шектыбая, из Караганды.

Рахмет подал письмо. Кулыбеков быстро вскрыл конверт, прочитал письмо, добродушно улыбнулся.

— Как поживает старик? По-прежнему весел и бодр?

Рахмет подробно рассказал Ихласу о Шектыбае, о Караганде, о строительстве шахты, Ихлас слушал внимательно, не перебивая собеседника. Было видно: он любил и умел слушать людей.

— А где вы остановились? — спросил Кулыбеков, когда Рахмет кончил рассказывать.

— Пока нигде. В гостинице нет номеров.

— Вот что, переночуйте у меня, если вас это устраивает.

Рахмет с радостью согласился.

— Тогда пойдете.

Они вышли из редакции, пересекли парк. Освещенная фонарями вывеска «Ресторан» привлекла внимание Рахмета. Рахмет почувствовал голод и предложил своему новому товарищу поужинать.

— Что? — спросил Ихлас — Я не прочь поужинать в ресторане.

Они заняли столик около окна. В ресторане было мало посетителей, официантки тихо разговаривали между собою. Буфетчица подсчитывала выручку.

На стенах ресторана висели картины, изображающие горы Тянь-Шаня. На маленькой эстраде оркестр настраивал свои инструменты. Рахмет заказал ужин и бутылку вина. Выпили по рюмке, еще по одной, и Рахмета охватило веселое настроение. Он достал платок, тщательно вытер губы, закурил папиросу. Оркестр заиграл увертюру к опере «Борис Годунов».

Увертюра еще больше взволновала Рахмета. Выпив третью рюмку вина, он спросил:

— Вы любите музыку?

— Да! Только хорошую. Мусоргского люблю.

— Из русских композиторов самым горячим был Балакирев, самым красивым Глинка, самым ученым Римский-Корсаков, самым глубоким Бородин, а Мусоргский самым талантливым...

— Что? — опять не поняв, переспросил Ихлас.

— Мусоргский, самый талантливый, — повторил Рахмет не для Ихласа, а для самого себя.

— У меня есть знакомая арфистка, — некстати сказал Ихлас.

— Я не люблю арфы. В ней нет ни мелодии, ни ритма. Ее звуки взлетают по какой-то кривой то вверх, то вниз. Вы не подумайте, что я плохо отзываюсь о вашей знакомой арфистке. Ведь я ее не знаю...

У Рахмета закружилась голова, он не понимал, что говорил, но чувствовал неумолимую потребность высказаться. Ихлас тянул из рюмки вино и загадочно улыбался.

— Вы не подумайте, что я хвастаюсь своими познаниями в музыке. Я любил девушку, которая привила мне любовь к музыке, — продолжал Рахмет, стесняясь своей откровенности и в то же время не в силах остановиться.

Ихлас распахнул окно. Горный ночной воздух хлы-

нул в ресторан и немного освежил разгоряченную голову Рахмета. «Какие глупости я горожу. Он, наверно, думает, что я хвастаюсь перед ним познаниями... что я болтун. Какая досада! Черт возьми, и зачем мне, инженеру, надо болтать об искусстве? Да еще с человеком, которого я совершенно не знаю. И о Лизе сказал»,—думает Рахмет, напряженно вглядываясь в бледное лицо Ихласа.

— Давай-ка еще выпьем,— сказал Ихлас, наливая в рюмки вино.

Они выпили, Рахмет откинулся на спинку стула.

Когда на сердце падает тень какого-нибудь горя, человек становится грустным и ярче видит свои даже маленькие недостатки. Почему грусть одолевает жизнерадостного человека и долго не дает ему покоя? В сердце Рахмета также прокралась грусть и завладела им. Стараясь не выдать ее перед Ихласом, он прикидывается веселым и бодрым. Но Ихлас понял удрученное состояние Рахмета и, поднявшись со стула, взял его под руку.

— Вставай! Пойдем ко мне.

Квартира Ихласа была уютно обставлена, в кабинете — большой кожаный диван, книжный шкаф, письменный стол, удобные стулья. Из приоткрытой двери в спальню виднелось трюмо и бордовая бархатная портьера. На окнах висели красивые шторы.

— Дамели,— крикнул Ихлас— Иди сюда, я познакомлю тебя с гостем.

Из спальни вышла та самая женщина, которую Рахмет видел в редакции.

— Познакомьтесь, это моя жена.

— А мы уже знакомы,— весело ответила Дамели.— Баха зовут Иоган Себастьян. Не так ли?

От ее искрящейся улыбки и лукавых глаз Рахмет повеселел.

* * *

Дела задержали в Алма-Ате Рахмета. С утра и до вечера он ходил в Совнарком, по многочисленным организациям, от которых зависело строительство шахты. По вечерам он возвращался на квартиру к Ихласу.

— У нас места хватит. Живи сколько хочешь,— зачем тебе гостиница,— говорил новому другу Ихлас.

Рахмету не хотелось стеснять гостеприимных хозяев, и он перебрался в гостиницу. Но каждый вечер его тянуло к ним. Ему было приятно сидеть и слушать разговоры Дамели о музыке, живописи, литературе. В вопросах искусства Дамели имела глубокие познания. А Рахмет никогда не относился к нему равнодушно. Кроме того, Дамели нравилась Рахмету. Нравились ее искрящиеся смехом глаза, не сходящая с губ улыбка, косы вороненого цвета, как корона, лежащие на голове.

Сидеть и молча слушать Дамели доставляло Рахмету большое удовольствие. Рахмет сразу же заметил, что Дамели любит Ихласа. Дома, когда Ихлас был занят работой, она ходила на цыпочках, подавала ему чай на письменный стол и ласково обнимала за шею. Рахмету было грустно от сознания, что у него нет жены, подобно Дамели, уделяющей мужу все свое внимание. В эти минуты обида на Лизу еще сильнее терзала его.

Дамели не так красива, как Лиза. Но в ней есть особое очарование и женственная мягкость. Когда смотришь на Дамели, словно слушаешь отдаленную нежную музыку. Ее глаза постоянно меняют свой цвет, как волны на солнце. Они то вспыхивают черными искрами, то становятся темно-зелеными, то горят ровным огнем. Настроение также меняется, подобно морским волнам, мгновенно и неуловимо. И это особенно нравится Рахмету.

На седьмой день своего пребывания в Алма-Ате Рахмет, как обычно, вечером явился к Ихласу. Его встретила Дамели.

— Ихласа нет. Уехал в командировку. Я скучаю одна,— усмехнулась Дамели, открывая дверь и пропуская Рахмета в комнату.

— Будем скучать вдвоем,— в тон Дамели сказал Рахмет.

— Я не ожидала, что вы придете и собралась в парк. Хотите составить компанию?

— И вы еще спрашиваете, Дамели? Конечно, хочу.

Огромный парк, с его тенистыми аллеями, с блистающим, как серебро, озером, с огненными каннами, с яблонями, закутанными в бело-розовую дымку цветов, настраивали на мечтательное настроение.

Рахмет и Дамели долго смотрели, как коричневые

мальчики, ловили на удочку зеркальных карпов. Маленькие трепещущие рыбки, подсеченные ловкими рыбаками, высоко взлетали и падали в густую траву. Подобно осколкам разбитого зеркала, они трепетали в траве, вызывая радостные крики мальчишек. Детские голоса, ленивые мелкие круги на глади озера, тени тополей, спящие в густой воде, развеселили Рахмета. Он переносился мечтою в далекое детство, но громкий смех Дамели возвращал его к действительности.

Дамели взяла его под руку, и они удалились от озера под бронзовый сумрак сосен. На танцевальной площадке, грустно вздыхал оркестр, кружились в вальсе пестрые пары, о чем-то своем, вечно радостном и непостижимом, шептались листья сирени.

Рахмет и Дамели опустили на скамейку под белым кустом.

— Хорошо, правда? — спросила Дамели.

— У меня сегодня радостно на душе, — ответил Рахмет, вглядываясь в черные от сумерок глаза Дамели.

— А что такое радость? — спросила Дамели. — Я не могу найти слов для определения этого чувства. — Она поправила зеленое платье и повторила: — Не могу определить, что такое радость.

— Радость, это... — начал Рахмет и не мог объяснить, что такое радость. Он был переполнен счастьем. Откуда пришло это счастье, что оно значило, Рахмет не понимал.

Руки Дамели прикасались к его рукам, ее глаза доверчиво смотрели в его глаза, и от этого доверчивого взгляда радость Рахмета усиливалась.

Вечером следующего дня Рахмета вызвали к телефону. Он вздрогнул при звуке знакомого голоса. Дамели приглашала его в парк.

— А я сам только хотел позвонить вам, — обрадованно крикнул он в телефонную трубку.

— Если так, я не пойду.

— Что же мне тогда делать?

— Мы пойдем в парк по моей просьбе. Хорошо?

Рахмет шел на свиданье с Дамели с тревожным ожиданьем чего-то особого. Они пришли к той скамейке, где сидели вчера. Дамели ласково взглянула на Рахмета и села на усыпанную сосновыми иголочками скамейку. В парке было безлюдно, тихо, только с озера доносились

крики ребятишек. Дамели молчала, Рахмет не знал, как начать разговор, о чем говорить.

Дамели напряженно смотрела на замшелый ствол огромной сосны. Длинная зеленая лапа почти касалась ее лица. Дамели сорвала клейкую сосновую хвою, растерла ее между пальцами и поднесла к губам Рахмета. Терпкий запах ударил ему в ноздри, он стряхнул хвою и осторожно поцеловал ладонь Дамели. Быстро и молча отдернув руку, она не сказала ни слова, и это прибавило Рахмету смелости.

Рахмет приблизился и обнял ее плечи. Она продолжала молчать, только грудь ее высоко поднималась и опускалась.

— Вы похожи на чудесный цветок, Дамели,— сказал он, чувствуя высокопарность своих слов и все же продолжая так говорить.— На чудесный сияющий цветок.

Дамели засмеялась. Ее беззаботный тихий смех покорила Рахмета.

— Ты хорошо смеешься,— сказал он, сразу переходя на «ты».— Мне хочется поцеловать губы, смеющиеся так весело.

— У этих губ имеется хозяин. Нельзя разрешать каждому целовать себя.— Она опять звонко и беззаботно засмеялась.

Слова эти обидели Рахмета, и он отодвинулся от Дамели.

С озера по-прежнему доносились крики ребятишек, сквозь ветви сосен падали лучи и желтыми пятнами переливались на траве. Солнечный зайчик скользнул по губам Дамели и затрепетал. Рахмет решительно наклонился и поцеловал освещенные губы.

Дамели резко оттолкнула его маленькими сильными руками и ударила по лицу.

— Какая наглость! — Еле сдерживая себя от возмущения, она встала и направилась к выходу из парка.

— Дамели, Дамели!

Она шла, не оборачиваясь, гордо неся красивую голову.

— Дамели! — Рахмет догнал ее у клумбы с индийскими каннами.— Прости меня, я раскаиваюсь, что позволил себе лишнее. Я больше не буду.

Это «я больше не буду» прозвучало смешно и жалко,

как у ребенка. Он уговаривал ее до тех пор, пока Дамели не улыбнулась. «Я ей нравлюсь, она не сердится»,— удовлетворенно подумал Рахмет.

На прежнюю скамейку они не вернулись, а обойдя стадион добрались до укромного, затянутого кустарниками уголка. Рахмет скинул пиджак и расстелил его на траве.

— Садись, Дамели. Здесь так хорошо. Трава, кустарники, небо, ты и я.

Дамели покорно села и так же покорно подняла на Рахмета сияющие глаза. В них не было и следа недавнего гнева, и это опять вернуло Рахмету утраченную смелость. Он опустился возле нее, заложил руки за голову и радостно, растягивая слова, произнес:

— И жизнь хороша, и жить хорошо!

— Вы любите Маяковского?

— Люблю! Настоящий поэт! Я вообще люблю поэзию. В Караганде у меня есть друг—поэт Сейтен.

— Сейтен? Его фамилия Тураров? — спросила Дамели.

— Да, Сейтен Тураров!

— Я встречала его стихи в нашей газете. Постойте-ка, дайте вспомнить,— Дамели сморщила лоб и сдвинула брови.—Ага, вспомнила. Вот!

Милый друг мой,
Подойди же
К солнцу счастья своего.
Солнце выше,
Тени ниже,—
Тот судьбой своей обижен,
Кто не знает ничего.
Милый друг мой,
Посмелее
Ты к любимой подойди.
Ведь любовь твоя сегодня
У тебя же на пути!

Рахмет вспомнил, как Сейтен импровизировал эти стихи у него в комнате. Тогда эти стихи не звучали для него так, как прозвучали сейчас. Сейчас они имели особый конкретный смысл, словно незримыми нитями связывали его с Дамели: «Милый друг мой, посмелее ты к любимой подойди!»

— Мне очень нравятся эти стихи,— сказала Дамели, прерывая мысли Рахмета.—А вам?

— Я их тоже знаю. Мне их читал Сейтен.

Они оживленно заговорили о поэзии. Этот разговор сближал их. Слова «любовь», «страсть», «взволнованность», повторяемые ими ежеминутно, имели свое скрытое значение, тревожили сердце.

Они не заметили, как наступил вечер, и закатилось солнце. Теплые сумерки быстро сгустились, и темнота обступила их, закутав в черные чехлы вершины деревьев.

— Нам пора домой,— поднялась Дамели.— Уже поздно.

Ее лицо, неясное в темноте, показалось Рахмету необыкновенно красивым.

— Ты мне очень нравишься, Дамели. Не сердись на мои слова, но ты мне очень нравишься.

— И вы мне...

Она произнесла три этих слова шепотом, чтобы он не слышал их. Но он услышал и обнял ее. От его поцелуя Дамели задрожала.

— Пойдемте домой, Рахмет.

— Да, да, пойдемте домой.

В комнате, сидя на диване, отвечая на поцелуи Рахмета, Дамели со слезами на глазах сказала:

— Что же нам теперь делать? Что скажет Ихлас?

Рахмет понимал, что поступает подло по отношению к своему товарищу, но голос страсти уже был сильнее голоса рассудка. Он все крепче и крепче сжимал в своих объятиях Дамели, прислушиваясь к испуганному биению ее сердца и гулкому стуку своего.

— Может быть, ты закроешь дверь на крючок,—словно сквозь сон услышал он ее робкую просьбу.

Лиза получила комнату в новом доме.

Она обставила ее скромно, по-девичьи. Узенькая кровать с белым покрывалом, над ней маленький коврик с вышитым голубоглазым котенком, тумбочка, за которой Лиза обедала и писала. На подоконнике, за тюлевой занавеской, Лиза поставила вазу с полевыми цветами, над тумбочкой прибила портрет отца в шапочке академика. В ней академик Вознесенский казался трогательным и добродушным.

На другой день вечером к Лизе явился инженер Кулевакин.

— Поздравляю вас с новосельем, Елизавета Аркадьевна. Желаю счастья на новом месте. Примите мои скромные подарки.

Кулевакин развернул большой сверток, вынул из него великолепную скатерть и гобелен. На гобелене была выткана гора, поросшая столетними кленами, маленькое озеро; на его берегу, опустив голову с тяжелыми ветвистыми рогами, стоял лось.

— Зачем это, товарищ Кулевакин? Я не стою таких подарков,—сказала Лиза.

— «Ты стоишь всех сокровищ мира»,—торжественно пропел Кулевакин. Извините за «ты», но из песни слов не выкинешь. А теперь мы устроим маленький той, как говорят казахи.

Из карманов Кулевакин извлек две бутылки.

— Токайское для вас, белая—для меня. А закуска, вот она! — Кулевакин подал Лизе коробки с конфетами и печеньем.

— Ну, хозяйюшка, не будем терять времени!

Кулевакин пил мало, сдерживая себя. Его глаза беспокойно перебежали с окна на дверь, с двери на Лизу. Он мысленно разделял девушку, думая, что наступила его пора, что надо смело идти в «атаку». «В конце концов она уже скомпрометировала себя, ночевав в моей комнате. Кто поверит в наши идиллические отношения и платоническую любовь." Шалишь, таких дураков нет! «И всюду страсти роковые и от судеб защиты нет», — почему-то взбрели ему на ум пушкинские строки, приобретая в сознании Кулевакина совершенно иной, грязный смысл.

Лиза уловила в его взглядах нехорошее выражение и, подобрав ноги, прикрыла их платьем. Кулевакин опустил глаза.

— Елизавета Аркадьевна, вы, наверно, сами не знаете, как вы хороши, как красивы! Разве может какой-то казах, сын пастуха, азиат, понять и оценить вас, дочь академика Вознесенского,— Кулевакин подчеркнул слово «академика».

Лиза промолчала.

Кулевакин подвинулся к ней. и медленно, подбирая слова, сказал:

— С тех пор, как увидел тебя, Лиза, я сам не свой. Я влюбился и без тебя мне жизнь не в жизнь,— инженер положил руку на ее плечо, потом обнял за талию.

Лиза освободилась из его объятий, покачала головой, не отвечая на вопрос Кулевакина. Он снова, уже стремительно, обнял девушку и стал жадно целовать в губы. Лиза ударила по лицу Кулевакина.

— Уходите немедленно из комнаты.

— Лиза! Лиза! Я пошутил, Лиза. Прости меня!

— Сейчас же уходите из моей комнаты. Иначе я позову соседей.

Кулевакин тяжелыми шагами направился к двери.

* * *

Елемес Жайлыбеков забежал в сторожку старого Толепа, присел на пороге и долго непослушными пальцами свертывал сигарку. Толеп заметил, что молодой шахтер расстроен.

— Что с тобой, Елемес?

— Худо. И не спрашивай, ата. Обидели меня.

— Как? Почему?

— Захожу я сейчас в магазин. Получку получил, решил что-нибудь купить. Ну и вот, прихожу в магазин и вижу продают красный бархат. Красивый бархат, словно огонь. Сестренке, думаю, подарю на шопан. Милый, спрашиваю продавца, сколько бархат стоит?

— Двадцать целковых метр.

Обрадовался я, вытаскиваю деньги. Отрежьте, говорю, четыре метра, милый.

— Давайте книжку.

— Какую книжку?

— А книжка ударника. Бархат отпускается только ударникам.

— У меня чуть деньги не выпали. Я не ударник, но я же шахтер. В шахте работаю, уголь рубаю. А тут бархат и только ударникам. Упрашиваю продавца:

— У меня есть сестренка, милый. Отпусти мне бархат без книжки. А он на меня не смотрит.

— Не могу. Бархат только ударникам.

Толеп выслушал рассказ Елемеса и сочувственно прищелкнул языком.

— А ты стань ударником,— спокойно посоветовал

сн другу.—И в почете будешь и бархат будешь получать. Ты же вон какой здоровый жигит, а тебя лодырем считают. Шемырбек говорит, что ему рядом с тобой и работать стыдно.

— Что? — подскочил Елемес.— Этот дохлый верблюд стыдится со мною работать? Да он сам-то еле-еле киркой машет.

— Машет не машет, а норму перевыполняет. Его сам начальник шахты Илья Афанасьевич хвалит,— невозмутимо продолжал Толеп.— А тебя кто похвалил?

— Да если я захочу, я всех обгоню!

— Вот, вот, только захотеть и осталось.

— И ты против меня, Толеп? А я думал, ты мне хороший друг.— Елемес махнул рукой и пошел на работу.

Он опоздал на полчаса. Шемырбек уже расчищал свой забой от угля и молча посмотрел на Елемеса.

— Здравствуй,— глухо сказал Елемес.

— Ну, здравствуй,— таким же глухим голосом ответил Шемырбек.

— Стараешься, чтобы начальство опять похвалило,— ехидно усмехнулся Елемес, разыскивая свою кирку.

Шемырбек широко и беззлобно обнажил в улыбке крупные желтые зубы, приблизился к Елемесу и положил руку на его плечо.

— Елемес, зачем мы будем ругаться. Нехорошо ругаться шахтерам да еще соседям. Давай будем соревноваться. Кто сегодня больше выдаст угля. Попробуем, а?

— Соревноваться, соревноваться,— презрительно ответил Елемес.— Мне неинтересно с тобой соревноваться. Ты посмотри на себя, ты же тощий верблюд.

— Ну и что? Меня считают ударником, а тебя лодырем.

Елемес отступил от Шемырбека.

— Постой! Какой ты ударник? Почему скрыл от меня, что ударник?

— А ты меня не спрашивал.

— Значит, у тебя, наверно, и бархат есть?

— Какой бархат?

— В магазине бархат продают, но только ударникам. Я хотел сестренке купить — не дали.

— Мне бархат не нужен. Хочешь, купи на мою книж-

ку, но помни — не из-за бархата люди ударниками становятся.

Елемес покачал в тяжелой ладони кирку и резко ударил по угольному пласту. Мелкие черные куски брызнули в стороны.

* * *

На окраине города, в маленьком домике за колченогим столом сидят двое. Окна плотно занавешаны паласами, дверь закрыта на железный засов, и хотя в комнате, кроме своих, никого нет, они разговаривают шепотом.

На столе большая миска с бесбармаком, соленые огурцы, только что раскрытая бутылка водки.

Крупный с обрюзглым лицом казах наливает в железную зеленую кружку водку.

— Пей, Саду, закусывай и рассказывай о себе.

Саду вытирает грязные пальцы о полу бешмета.

— О плохом и рассказывать неохота,—вздыхает он и, подняв лысую желтую голову, с тревогой прислушивается.

За окном—тишина. Успокоившись, Саду продолжает.

— Тяжелые времена пришли, Отеген. На концессии Хогинса мы жили лучше. Ты работал у англичанина переводчиком, да и меня не обижали. А теперь я с трудом вырвался из НКВД. Чуть-чуть не попал в лагерь. Потаскали, погрозили, но отпустили. Решил было убраться из Караганды, да встретил тебя. Со старым другом как-то веселее. Хочу посоветоваться с тобой, что делать, как жить?

— Ты прав, Саду. Со старым другом жить легче. Можешь рассчитывать на меня.

— А ты давно приехал в Караганду? Откуда, что делать будешь?

Отеген запустил пальцы в бесбармак, захватил кусок баранины и стал медленно пережевывать.

— Хочу работать на строительстве Караганды. А приехал я издалека. Ты, я вижу, на шахту поступить не сможешь. Но из Караганды уезжать не стоит. Я найду для тебя работу. Пока живи у меня, не стеснишь, не объешь. Только по городу не шляйся. Согласен на такое условие?

— Да на черта мне город! Мне у тебя будет совсем

хорошо,— радостно вскрикнул Саду, но тут же, оглянувшись, перешел на шепот.

— Если тебе что потребуется, Отеген, ты только скажи. Мигом исполню.

— Мне пока ничего не надо,— Отеген выплюнул на пол белую баранью косточку.— Вот только скажи: кто из рабочих с концессии Хогинса живет сейчас в Караганде? Не знаешь, случайно?

— Как же, как же! Кое-кто есть. Илью Афанасьевича помнишь?

— Забастовщика? Помню.

— Он теперь начальник первой шахты. Алексея Петрова помнишь?

— Еще бы не помнить.

— Он — секретарь партийной ячейки на строительстве шахты. А Шектыбай — начальник строительства.

— В гору пошли, собаки,— нахмурился Отеген.

— У Афанасьева сторожем на шахтном дворе работает старик Толеп, отец Кулянды. Не забыл маленькую Кулянду?

Отеген угрюмо сдвинул брови.

— Мертвых следует забывать. Лучше поговорим о живых.

— А когда сносили памятник на могиле Кулянды, казахи шум подняли. Я в этом деле принял участие, и меня НКВД забрало.

— Не надо было шум поднимать. От шума толку мало. Нужно без шума работать,— наставительно сказал Отеген.

— А ты знаешь, кто разрушил могилу Кулянды? — спросил Саду.

— Ну, это мне неинтересно,— разгладил усы Отеген.

— Нет, интересно! Могилу Кулянды разрушил ее родной брат Рахмет.

— Разве у Толепа имеется сын? — удивленно спросил Отеген.

— Толеп не знает, что этот Рахмет — его сын. Сын носит другую фамилию.

— Какая же у него фамилия?

— Дауров. Рахмет Дауров...

Отеген положил ладони на стол и приблизил свое лицо к Саду. В глазах его появилось изумление.

— Как ты сказал?

- Рахмет Дауров.
- Ты это точно знаешь?
- Клянусь аллахом!

Отеген снова потянулся к бутылке. Он лил в кружку водку, и рука его вздрагивала.

— Так! Значит, Дауров. А инженера Кулевакина ты здесь не встречал?

— Я про него только слышал. Он работает в Управлении строительства.

Отеген вынул ярко-желтую пачку папирос и подал Саду.

— Закуривай! Это советские папиросы «Пушка». Хорошее название, а папиросы дрянные.

— Я лучше еще водочки выпью.

— Сегодня — пей! А с завтрашнего дня о водке надо забыть. Водка делу мешает. Лучше больше кушай да осторожнее ходи. Ты понял, Саду?

— Понял, господин Отеген.

— Забудь это слово, Саду. Я тебе дома — друг, а при посторонних — товарищ.

Потный, подернутый угольной пылью Елемес отбросил кирку. Огромная куча угля поблескивала в тусклом свете лампочки. Из-за нее он не видел Шемырбека, не слышал, как кончилась смена и шахтеры, переговариваясь между собою, уходили из забоев.

До Елемеса долетел утомленный голос Шемырбека.

— Кончай работу. Пошли домой.

Из своего забоя Шемырбек вышел с веселой улыбкой, но Елемес почувствовал, что он улыбается через силу.

— Я тебя обогнал, — горделиво сказал Елемес.

— Это еще вопрос. Вот когда придет замерщик и скажет, кто из нас дал больше угля, тогда узнаем победителя.

— И без замерщика ясно. Посмотри на мой уголь и на свой. Дурак поймет, что у меня больше. Бархат мой!

Шемырбек окинул глазами кучу каменного угля, добытую Елемесом, потом перевел взгляд на свою.

— Ты прав, Елемес. Нарубил угля больше, чем я. Бархат твой, покупай.

— Так я тебя обогнал? Я теперь тоже ударник?

— Обогнать — обогнал, но ты меня не победил. Хвалиться тебе рановато. Наш спор еще впереди. Настоящим ударником станет только тот, кто перевыполнит план. Я уже выполнил месячный план на сто десять процентов, а у тебя нет и пятидесяти. Вот и считай, какой ты победитель.

— У тебя, Шемырбек, есть совесть? Сам говорил, победишь, станешь ударником. Значит, по-твоему, я—не ударник?

— Я таких слов не говорил —станешь ударником. И ты не собирался им стать. Ты хотел получить бархат,— вот моя книжка, иди с ней в магазин.

— Плевать мне на твой бархат. Я буду иметь свою книжку.

— Будешь иметь — молодец! А не будешь, ты все равно—молодец!

Елемес усталой, раскачивающейся походкой поднялся из шахты.

Вечернее солнце рассветило желтыми пятнами шахтный двор. Темные тени падали от высоких отвалов. Над копром первой шахты горела красная звезда. Ее зажигали только тогда, когда шахта перевыполняла свой месячный план.

Елемес взглянул на звезду и подумал:

«Звезда не зажигалась семь дней».

При выходе Елемес столкнулся с Толепом. Он оставил старика и сказал:

— Я сегодня обогнал Шемырбека.

— Молодец, — похвалил Толеп Елемеса.

— И все-таки я еще не победил его, — грустно сказал Елемес. — Мне надо целый месяц обгонять его, тогда я буду победителем.

— Хорошо, сынок. Через месяц ты победишь Шемырбека.

* * *

Над степью чистое голубое небо. Воздух звенит от зноя, над пожелтевшими травами струится марево. С бетонного здания шахты видно, как на далеком горизонте сходятся степь и небо.

Серая громада, словно курган, возвышается над плоской равниной. На ее фоне люди кажутся беспомощными

карликами. Даже странно, что эти карлики воздвигли огромное здание. Около шахты стоят Рахмет, Шектыбай, Алексей Петров, инженер Кулевакин, техники-строители. Рахмет только что вернулся из Алма-Аты и еще не успел переодеться, как к нему прибежал Шектыбай и встревоженно сообщил:

— Неприятности у нас на шахте, во втором квершлага появился газ.

Тревога Шектыбая передалась Рахмету. Не задерживаясь дома, он поспешил на шахту. Еще издали Рахмет услышал возмущенный голос. Кулевакина:

— Работы нужно немедленно остановить. Я полагаю, кое-кто из руководителей шахты расплатится за свою халатность.

— Прежде чем останавливать работу, надо попытаться очистить шахту от газа, — сказал, подходя, Рахмет.

— Газ появился в нижнем горизонте квершлага и проникает в верхние горизонты. Добраться до источника газа невозможно. Это грозит смертельной опасностью рабочим, — возразил Кулевакин.

— Мы сделаем перемычку в нижнем горизонте и локализуем поступление газа в другие горизонты.

— Кто это «мы»?—с ядовитой усмешкой спросил Кулевакин. — Шахтеры уже покинули второй квершлаг и поднялись из шахты. — Кто это мы? — повторил Кулевакин снова.

— Я, например! — ответил Рахмет.

— И я! — поддержал его Шектыбай.

Алексей Петров обвел взглядом присутствующих. Все молчали. Слышались только чьи-то тяжелые вздохи.

— Коммунистов и комсомольцев прошу выйти вперед, — сказал Петров.

Из толпы выдвинулся техник-строитель Кайдар и встал рядом с Рахметом. Следом за ним к Рахмету подошли комсомолец Жанбол и бригадир каменщиков Аркадий Иванов.

— Нельзя лезть на рожон! Это же глупо, — крикнул Кулевакин.

— Мы должны ликвидировать газ, и мы сделаем это, — сказал Рахмет.

Коммунисты и комсомольцы вошли в здание шахты. Под их тяжелыми шагами загудел цементный пол. Они

поднялись по широкой металлической лестнице к лифту, спускающему шахтеров в шахту. Около лифта валялись еще не убранные обрезки досок, листовое железо, бочки из-под цемента.

Через незастекленное окно Рахмет глянул на панораму строительства. В степи садилось солнце, освещая косыми лучами копры старых и новых шахт, терриконы, железнодорожные пути, паровозы, составы с углем. Бесчисленными красными квадратами сверкали окна жилых домов. Золотистые столбы дыма поднимались в небо. По территории шахты передвигались тракторы, где-то гремело железо, вспыхивали огоньки электросварки, раздавались возгласы плотников, каменщиков, бетонщиков. Строительство шахты жило своей сложной и многогранной жизнью, и Рахмет невольно подумал: «Все, что делается на поверхности, делается для того, чтобы шахтеры могли спокойно и безопасно работать под землей. И люди, работающие сейчас наверху, не знают, что в эту минуту шестеро коммунистов и комсомольцев опускаются в глубину шахты, может быть, на смерть».

От этой мысли Рахмету стало холодно. Вдруг он заметил бегущего человека. Он бежал, размахивая руками, спотыкаясь о разбросанные доски. Да это же Мирзаш! — узнал Рахмет бегущего человека. — Куда это он торопится?

— Товарищи, — обратился к коммунистам и комсомольцам Петров. — Нам предстоит опасное дело. Нужна величайшая осторожность и решительность. Никто не имеет права рисковать своей жизнью без надобности. Каждый отвечает за всех и все за одного. Мы должны как можно быстрее соорудить перемычку и прекратить поступление газа в шахту. Противогазы в исправности Шектыбай?

— Они совершенно новые.

— Надо их еще раз проверить.

— Есть, проверить противогазы, — по-военному ответил Шектыбай.

— Каждому одеть прорезиненные костюмы, поверх их — брезентовые.

Петров отдавал распоряжения тихим голосом, но чувствовал, как громко и тревожно стучало его сердце. Все стали переодеваться. В это время в коридоре раздались торопливые шаги, и на лестнице появился Мирзаш.

- Товарищи, постойте! Я иду вместе с вами...
- Нас уже достаточно, Мирзаш. Тебе незачем спускаться, — сказал другу Рахмет.
- В таком деле нет лишних людей.
- Рахмет вопросительно взглянул на Петрова. Петров понимающе кивнул головой.
- Хорошо, одевайся, Мирзаш.
- Лифт заскользил в грозную черную бездну.

* * *

Лизе все больше и больше нравился Миша Воронцов. От этого скромного парня веяло чистотой и свежестью. Лизе нравился и твердый характер Воронцова, и умение разговаривать с рабочими, и чуткое отношение к ним, и то неподдельное восхищение, с которым Миша каждый раз любовался ею.

Лиза понимала, что Миша увлечен ею, любит ее. И если бы не было рядом Рахмета, которого она никак не может забыть, Лиза была бы счастлива с Мишей. Но Рахмет был здесь, и хотя она не видела его после приезда из Алма-Аты, но то, что он здесь, и стоит пройти несколько шагов, чтобы увидеть его, мучило и волновало Лизу. Она ревновала Рахмета к Анне Ковалевой, презирала себя за ревность и все-таки ревновала. В ее памяти не угасли ленинградские встречи, любовные признания Рахмета, ее собственная восторженная любовь к нему. Эти воспоминания становились даже ярче и дороже.

После смены в шахте Миша провожал Лизу домой. У двери он робко остановился и поднял на нее глаза; в них она прочитала безграничную любовь и поддалась очарованию этой безмолвной любви.

— Зайдемте ко мне. Я угощу вас чаем.

Миша благодарно улыбнулся. Сегодня Лиза была особенно хороша в своем синем комбинезоне, поверх которого выглядывал кремовый воротничок, а из кармана виднелся белоснежный носовой платок. На голове шапочка, из-под нее выбивались белокурые волосы.

— Садитесь, Миша, и будьте как дома. А я приготовлю чай.

Радость, всеобъемлющая радость, проникла в кровь Миши. Он впервые почувствовал, что такое счастье, и что

только любовь может принести это счастье. Миша неподвижно сидел на стуле, следя за каждым движением Лизы. Мысли, словно светлые, неуловимые тени, сменялись новыми, такими же светлыми и неуловимыми.

— О чем ты размышляешь? — спросила Лиза, разливая по чашкам душистый чай.

— Я? Да так, ни о чем.

Миша солгал и покраснел от того, что солгал. Лиза поняла, что он солгал, но поняла и причину его невинной лжи. Они сидели рядом, почти касаясь друг друга, и Мишу охватила отчаянная смелость. «Я должен сказать ей, что люблю ее. Я должен это сделать. Что бы она ни ответила, но я скажу»,—повторял он про себя, испуганно рассматривая лицо Лизы.

— Лиза, я хочу сказать тебе одно слово...

— Ты можешь не говорить, я уже догадалась, — ответила Лиза с неожиданным для себя волнением.

Миша поднялся со стула.

— Если ты поняла, то что скажешь на это?

Лиза протянула руку и нежно погладила его по светлым волосам. Но тотчас же она отдернула руку, словно ее ударило электрическим током. Лиза вспомнила, как точно так же гладила по волосам Рахмета. Улыбка исчезла с ее лица. Перед глазами встал Рахмет, влюбленный в нее и негодующий.

— Что ты скажешь мне, Лиза? — снова спросил Миша, не замечая, как она изменилась.

— Подожди немного...

— Я не могу ждать. Я хочу слышать ответ.

— Подожди, Миша. Я пока ничего не отвечу.

— Лиза, не надо хитрить. Я хочу знать правду. Ты же знаешь, я люблю тебя...— С отчаяньем влюбленного Миша подошел к Лизе и обнял за плечи.

— Отпусти, Миша. Не надо так.

Она выскользнула из его объятий, отбежала к окну. Звездная ночь смотрела в окно, фонари ярко освещали улицу. Лиза увидела медленно бредущего посередине улицы человека.

Неожиданно он поднял голову, и Лиза узнала Рахмета. Она попятилась и задернула занавеску, Миша стоял у стола и выжидающе смотрел на нее.

— Миша! Ты славный, ты очень хороший, но я люблю другого. Прости меня, Миша, но я люблю другого.

Рахмет увидел на своем столе письмо и распечатал его. Писала Дамели.

«Дорогой Рахмет!
*Сообщаю тебе новость.
Ты—отец моего будущего ребенка.
Я не знаю, опечалит или обрадует тебя
это известие, но мой долг сообщить тебе.
Ответа не надо.*

Дамели».

«Какая же я все-таки скотина!»—обругал себя Рахмет, вспоминая Алма-Ату, Дамели, случайную связь с нею. Удивительная же я скотина! Выходит, что у меня нет никаких моральных устоев. Любить одну, увлечься другой, как это называется». Но все же он не чувствовал себя особенно виноватым. Перед ним стоит Лиза. «Она ведь тоже изменила ему с этим Кулевакиным. И что нашла она в этом скользком типе?»

Чем больше Рахмет обвинял Лизу, тем лучше становился сам в своих глазах. Он легко простил себе свою связь с Дамели, но не мог найти оправдания для Лизы.

Странное дело: раздражение против нее дало ему возможность, представить Дамели в новом, привлекательном свете. Ему мучительно захотелось увидеть ее в своей комнате, но не как любовницу, а как жену. «В конце концов, — рассуждал он, — у меня будет ребенок, и мой долг—сделать Дамели своей женой».

Он еще раз перечитал письмо.

— Ответа не надо. Неправда! Это—женская хитрость. Дамели ждет от меня ответа.

Рахмет сел к столу и написал:

«Дорогая Дамели!
*Я радуюсь и горжусь, что
у нас будет ребенок. Приезжай
ко мне. Отныне ты моя жена.*

Рахмет»

Письмо это было продиктовано сознанием своего долга перед Дамели и горькой уверенностью в том, что Ли-

за навсегда для него потеряна. Придя к определенному решению, Рахмет сразу почувствовал облегчение, и мысли его переключились на трудную и опасную работу по ликвидации газа в шахте.

Это походило на какой-то кошмарный сон:

Алексей Петров, Шектыбай, Жанбол, Мирзаш, Аркаша Иванов и Рахмет в противогазах, с лопатами, кирками в руках строили перемышку, перекрывающую нижний горизонт второго квершлага. Им не хватало воздуха, под душной резиной противогазов лица были мокрыми, движениям мешали тяжелые костюмы. Всех мучила назойливая мысль: «А что, если испортится противогаз? Тогда—смерть!» Это мучительное ощущение не покидало их до конца работы...

Рахмет прошелся по комнате, закурил, посмотрел на телефон: ему должны звонить из шахты.

Он заглянул в буфет. Там не было даже хлебной корки. В магазин идти не хотелось.

— Потерплю до утра. Рахмет разделся, лег в постель и заснул тяжелым сном утомленного человека.

Он проснулся от чьего-то нежного прикосновения. На стуле, возле кровати, сидела Лиза и гладила ладонью его волосы.

— Лиза! — Рахмет стремительно приподнялся на кровати. — Лиза!

— Это я, — сказала она тихо и грустно. — Как видишь, я пришла к тебе.

— Какое счастье, что ты пришла! Как я рад увидеть тебя.

Он взял ее холодные, дрожащие руки и прижал к своей груди.

Ее глаза горели таким знакомым Рахмету и все же неузнаваемым огнем. В них было новое выражение, непонятное ему, тревожное и радостное одновременно.

Рой мыслей закружился в голове Рахмета. Ему хотелось сказать Лизе какие-то необыкновенные, полные любви и счастья, слова, но в это время неожиданно раздался резкий телефонный звонок — срочный вызов на шахту.

— Отвернись. Дай мне одеться.

Прозаичность этих слов смутила его, но Лиза приняла их спокойно и отвернулась.

Вместо взволнованных расспросов, радостных воскли-

цаний, решительных объяснений, Рахмет только сказал:
— Дорогая, прости меня! Посиди здесь. Я быстро сбегаю и вернусь.

Не дожидаясь ее ответа, он выскочил из комнаты.

— Милый, милый, — прошептала Лиза.—Довольно с нас глупых недоразумений. Я чувствую: он любит меня по-прежнему.

Лиза оглядела неприбранную комнату своего возлюбленного, и женская жалость охватила ее.

— Больше мы не расстанемся, — решила она, взглянула в маленькое настольное зеркало и улыбнулась своему отражению. — Я останусь сегодня у Рахмета как его жена.

Она поставила зеркало на стол и отодвинула в сторону бумажные листки.

«Дорогой Рахмет, — невольно прочитала Лиза начало письма. — Ты отец моего будущего ребенка...»

Ее глаза широко раскрылись. Еще не дочитав письма, она угадала его содержание.

Лиза положила письмо на стол, поставила на него зеркальце и поднялась со стула.

У нее не было ни тоски, ни злости, ни ревности. Только пересохло в горле да слабо стучало сердце. Звезды насмешливо перемигивались в ночной глубине неба, где-то глухо и назойливо лаяла собачонка. Раскиданные вещи в неуютной комнате казались грязными и противными...

— Лиза, да где же ты? — крикнул Рахмет, распахивая дверь.

В комнате никого не было.

* * *

— Елемес перевыполнил план. Он победил Шемырбека. Не странно ли, мы считали его лодырем, а он вышел в ряды ударников шахты. Вот как можно ошибиться в людях,—говорила Лиза Илье Афанасьеву.

Афанасьев добродушно ухмыльнулся.

— У каждого человека свой сложный характер. Задача руководителей—выявить этот характер. Елемес начал соревноваться с Шемырбеком из-за какого-то куса бархата и увлекся трудом. Многим это покажется смешным, неправдоподобным, но это так!

— Я согласна с вами, Илья Афанасьевич. У меня мысль — надо назначить Елемеса бригадиром забойщиков. Это вдохновит его, польстит его самолюбию, и он будет работать еще лучше. Когда человек отвечает не только за себя, а и за других, он старается работать как можно лучше, — сказала Лиза.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена!

Афанасьев побарабанил пальцами по столу.

— А вот я не уверен. Нельзя назначать бригадиром каждого, кто выполнил свой месячный план. А вдруг Елемес завтра будет работать так же плохо, как работал раньше. Это же будет конфуз!

— Он не будет работать хуже! Ему не позволит совесть.

— Какая совесть?

— Рабочая совесть.

— Не забывай, что Елемес—сын кочевника. Не забывай, что в нем еще живет тоска по степи, по зеленым кочевьям, любовь к этим кочевьям. А в шахте, под землей, не так уж много простора...

Афанасьев опять побарабанил пальцами по столу.

— Впрочем, я могу ошибиться. Я помню казахов по концессии мистера Хогинса. Бедняков-казахов, кстати, их называли кедеями, гнала на концессию невероятная нужда. Но они уходили из шахт сразу же, как только им становилось легче.

— Я не знала, что кедей по-русски—бедняк. Но это неважно. Русские шахтеры тоже работали на своих хозяев без особенной любви к ним. Они тоже ненавидели свой подневольный труд и также уходили от хозяев. Рабский труд унижает человека. И если казахи-кедеи уходили с концессии мистера Хогинса, это означало, что они протестовали против рабского труда, но не против труда творческого, — возразила Лиза.

— Лиза, ты просто философ.

— Нет, Илья Афанасьевич! Я просто человек, понимающий человека. Я верю кедеям-беднякам.

— Что же ты от меня хочешь? — спросил Афанасьев.

— Надо назначить Елемеса бригадиром забойщиков.

Афанасьев достал из ящика письменного стола лист бумаги и подал Лизе.

— Пиши.

— Приказ?

— Да, приказ.

Он стал диктовать содержание приказа, но глаза его внимательно следили за Лизой.

«П р и к а з № 15 6

Бригадиром четвертого забоя шахты номер один назначается рабочий Жайлыбеков Елемес. Я уверен, что Елемес...

Афанасьев почесал карандашом между бровями.

— Лиза, скажу по совести, я ни в чем не уверен. Тем более в Елемесе...

Я уверен, что Елемес Жайлыбеков оправдает доверие...»

Пронзительно и отчаянно зазвенел телефон. Афанасьев снял трубку.

— Слушаю! Кто говорит? Воронцов? Слушаю, Миша. Что, обвал? Где обвал? Какой обвал? Не может быть никакого обвала. Да ты с ума сошел! Кого завалило? Понятно! Немедленно приму все меры для спасения. Иду...

Афанасьев бросил телефонную трубку и встал.

— Лиза, пойдём! В забое обвал!

* * *

В молодежном бараке весело и шумно.

Комсомольцы Кали и Гриша, развернув на столе большой лист ватманской бумаги, готовят стенную газету. Гриша старательно выводит кистью заголовок «Ударник-комсомолец». Прикусив кончик языка, Кали мучается над карикатурой. Карикатура не получается, и он хмуро покрикивает на любопытствующих соседей.

— Не мешайте творить! В таком тонком деле надо что-нибудь понимать...

Комсомольцы отвечают взрывом насмешливого, но безобидного хохота.

В углу на койке лежит Егентай и, страшно фальшивя, поет по-русски:

Рр-е-вела бурря, гром грремел,
Во мрраке молния блистала...

У Егентай ни слуха, ни голоса, но он убежден, что умеет петь. И он поет, заглушая громкие голоса ребят.

— О, господи! — не выдерживает Гриша. — Да перестань же ты кричать, Егентай! Я не могу работать.

— Почему вы не можете работать? Кто мешает вам работать? — вежливо, но с ехидством спрашивает Егентай, поднимаясь с койки.

— Ты мешаешь. Воешь, как шакал. От твоего пения можно сойти с ума.

— Это вам просто кажется. Я пою знаменитую песню. Умный поймет, что я пою.—Егентай снова издает истошный крик:

И неп-рр-ерывно дождь шумел...

В окна барака барабанит дождь. В непроглядной мгле посвистывает холодный ветер, ночной воздух проникает в двери и плотными белыми клубочками расплзается по полу но жилыцы мало этим обеспокоены.

Шемырбек сушит промокшую куртку над железной печкой и сердито ворчит:

— Что за шумный народ у нас? Я буду жаловаться товарищу Афанасьеву. Даже в выходной день нельзя отдохнуть человеку.

На сердитые взгляды и вздохи Шемырбека никто не обращает внимания. Ему скучно. Его приятель Елемес на работе, а без него и отдых не в отдых. Шемырбек нетерпеливо ждет конца смены, чтобы встретить Елемеса, вместе с ним поужинать и поговорить по душам.

— Наконец-то готово!—весело вскрикивает Кали.—Карикатура—лучше не придумаешь.— Он осторожно наклеивает рисунок на стенгазету. Гриша рассматривает ее и довольный ухмыляется. Комсомольцы окружают стол. Со всех сторон слышатся голоса.

— Дай-ка взглянуть, Кали?

— Ловко нарисовано!

— А почему бархат голубой?

— В нашем магазине продают только красный.

— У меня нет красной краски, только одна голубая,— объясняет Кали.

— Шемырбек, посмотри, как тебя с Елемесом разрисовали,— зовет Шемырбека Егентай.— Здорово, ничего не скажешь! Ловко у тебя Елемес бархат отвоевал!

— Стану я смотреть на всякую ерунду, — отмахивается Шемырбек, вешая высохшую куртку на стену и доста-

вая из тумбочки котелок с кашей. — Скоро Елемес с работы вернется, он с этими художниками поговорит...

Сквозь барабаниющий дождь и гул ветра доносится вой сирены. Длинный, тревожный, хватающий за сердце. Это не обычный гудок, извещающий о конце рабочей смены. Он зовет людей на помощь, предупреждает об опасности.

Шемырбек испуганно кидается к выходу. Егентай торопливо ищет шапку и сапоги, Кали и Гриша отбрасывают стенгазету.

— Что такое?

— Что случилось?

— Почему воеет сирена?

Комсомолы мечутся по общежитию, натываясь друг на друга. Шемырбек распахивает дверь—дождь и ветер ударяют ему в лицо. Из темноты появляется фигура старого Толепа. Не переступая порога, Толеп кричит:

— Ойпырмой! В шахте несчастье! В шахте обвал! Завалило Елемеса. Скорее, ребята, надо спасать Елемеса!

По лужам, сквозь холодный осенний дождь мчится к шахте Шемырбек. Пронзительный вой сирены подхлестывает его. В голове не угасает мучительная, страшная мысль: «Елемеса завалило!»

Шемырбек не помнил, как спустился в шахту, как очутился в забое. Там уже с ожесточением работают Афанасьев, Миша Воронцов, Лиза, неизвестные Шемырбеку шахтеры. Куски угля и породы со свистом срываются с лопат, глухо гремят кирки.

Шемырбек руками отворачивает тяжелые глыбы: «Жив ли Елемес?»

— Потихе, потихе, — говорит Лиза. — Вот он. Да ради бога, тише!

Шахтеры осторожно вытаскивают из завала Елемеса. Он без сознания.

Шемырбек со слезами обнимает пострадавшего друга.

* * *

Серое осеннее утро. Медленно и лениво падает первый мокрый снег. Впитывая его, лужи становятся густыми и вязкими. В тучах еле угадывается желтое маслянистое солнце. Белые стены больницы в мокрых подтеках, окна запотели, голые деревья опустили озябшие ветви.

Афанасьев тщательно вытирает сапоги и поднимается на крыльцо.

В приемной его встречает высокая полная женщина, с коротко подстриженными волосами.

— Могу ли я видеть больного Елемеса?

— Можно. Надевайте халат, я проведу вас в палату.

Твердо ступая по коридору, она сообщает посетителю:

— Больной чувствует себя лучше.

Елемес лежит у окна в большой светлой палате. Голова его забинтована, глаза закрыты. Афанасьев садится у изголовья и тихонько кашляет. Елемес открывает глаза, выпрастывает из-под одеяла руку.

— Спасибо, Илья Афанасьевич, что пришли.

Афанасьев жмет протянутую руку Елемеса.

— Как ты себя чувствуешь? Выздоровливаешь?

Вместо ответа Елемес с трудом улыбается. По бледному лицу пробегает легкий свет радости.

— Как поправишься, поедешь отдыхать в санаторий,—говорит Афанасьев.

— Спасибо! Что нового в шахте?

— После обвала — новая беда. Шахту затопило водой. Шемырбек, Лиза, Воронцов третьи сутки не вылезают из шахты. Откачиваем воду. Думаю, скоро справимся. Шемырбек о тебе очень беспокоится. Просил передать привет.

— И ему передайте привет. Хороший он человек,—обрадованно отвечает Елемес. — Пусть навестит меня, я буду ждать...

Илья Афанасьевич спрашивает, не нужно ли чего Елемесу, потом заботливо поправляет одеяло и поднимается.

— Ты выздоравливай поскорее. Я побежал на работу. Ну, кош!

Елемес благодарным взглядом провожает начальника шахты.

* * *

В маленькой комнате с занавешенными окнами сидят Отеген и Саду. Отеген холодными глазами рассматривает Саду и в то же время прислушивается к одиноким шагам на улице. Саду сидит, поджав под себя ноги, и тихо покачивается. Ему хочется выпить, но он боится сказать об этом.

Словно угадывая его мысли, Отеген вынимает из-под стола бутылку водки.

— Сегодня можно немножко выпить, Саду. Предстоит серьезный разговор с Сулейменом. Перед ним можно выпить.

Саду обрадованно кивает головой.

— А почему запаздывает твой Сулеймен? Ты надеешься на него? Можно ли ему доверять?

— Сулеймен—сын моего погибшего брата. Я могу положиться на племянника...

Отеген кидает на стол кусок баранины, достает нож, режет мясо на мелкие части. Они выпивают по стакану водки, каждый думая о своем. «Если Сулеймен не сделает того, что мне надо, — сделает Саду», — думает Отеген. «Зря я связался с Отегеном. Как бы не кончилось плохо»,—размышляет Саду.

Кто-то осторожно стучит в окошко. Отеген мгновенно поднимается и бесшумными шагами направляется к двери.

«Он ходит, как волк,— думает Саду, прижимаясь к холодной стене. По телу бегают мурашки.—Сейчас предстоит решительный разговор. Что-то будет?»

В комнату входит высокий хмурый юноша. Он останавливается у порога, подозрительно оглядывает Саду.

— Проходи, Сулеймен. Это—Саду, мой друг. Он будет и твоим другом.

Сулеймен здоровается с Саду и присаживается у стола.

Отеген наливает Сулеймену водки, тот молча пьет, продолжая хмуро рассматривать Саду.

«Волчонок,—думает Саду.—Весь в своего дядю».

— Зачем вы меня пригласили, дядя? — спрашивает Сулеймен, с хрустом разгрызая баранью кость.

— Дорогой мой, Сулеймен. Сначала выпей, а разговор потом.

— Я не люблю много пить. Я хочу говорить с ясной головой.

— За это хвалю! Вот в чем дело, Сулеймен. В Караганде есть один молодой инженер-казах, Рахмет Дауров. Если он узнает о существовании моем и моего друга Саду, нам не сдобровать. Он не пощадит и тебя.

— Какое ему дело до меня?

— Об этом спроси у Даурова. Он тебе ответит исправительными лагерями. Поэтому ты должен расправиться с ним.

Сулеймен вздрагивает от неожиданности.

— Вы хотите сказать, что этого инженера надо убить?

Отеген наклоняется над столом и отвечает шепотом:

— Ты угадал, племянник...

Сулеймен бледнеет. На его лице — испуг и растерянность. Он кладет дрожащие руки на стол и смотрит на дверь.

— Ты понял меня, Сулеймен?

— Я не могу убить человека. Я не хочу никого убивать,— Сулеймен встает и направляется к выходу...

Отеген загоразивает ему дорогу.

— Постой! Тебе некуда торопиться. Мы еще не все сказали друг другу.

Сулеймен резко отталкивает Отегена и выбегает в темную ночь.

— Что я тебе говорил! Вот тебе и племянник! Он выдаст нас, чтобы спасти собственную шкуру,— вскакивая с места, кричит Саду.

— Не ори! Я и так все слышу. Сиди здесь и ожидай меня.— Отеген неторопливо надевает волчью шубу, сует в карман нож и выходит на улицу.

Ветер бросает ему в лицо пригоршни мокрого снега, глубокие следы наливаются черной водой, но Отеген не обращает внимания на плохую погоду. Он пробирается между бараками и свертывает к темным землянкам, раскинутым на краю города, в голой степи.

У одной из землянок Отеген останавливается. В маленьком окошке желтеет свет.

«Она дома»,— говорит себе переводчик и распахивает дверь в землянку.

В углу, на маленькой скамеечке, при свете коптилки сидит пожилая казашка и что-то шьет. При появлении Отегена она испуганно бросается снимать с него шубу.

— Не надо. Я не буду раздеваться. Где Сулеймен?

— Он еще не возвращался домой.

— Он был у меня. Он отказался выполнить одно мое поручение,— нахмутив брови, говорит Отеген.— Клянусь кораном, если он заикнется о том, что я ему говорил, я зарежу его как собаку. Угомони сына и заставь его слушаться дядю.

Женщина в страхе закрывает лицо руками.

— Разве он меня послушает, Отеген?

— Должен послушать. Заставь его слушаться. Я пошел. И запомни мои слова: не послушает—я уничтожу его.

* * *

Рахмет, Шектыбай и Алексей Петров в брезентовых шахтерских костюмах спустились в новую шахту.

— Скоро наш гигант войдет в строй действующих шахт Караганды. Надо тщательно проверить все, что еще недоделано. Не так ли, начальник? — спросил Петров Шектыбая.

— Для этого и идем, чтобы проверить,— уклончиво ответил Шектыбай.

Они осмотрели помещения для ламповой, механическую и столярную мастерские, душ для шахтеров и сели в лифт.

Рахмет нажал электрическую кнопку — и лифт мягко заскользил в зацементированный колодец. Рахмет поднял над головой лампу, капельки воды засверкали жемчужинами на серых стенах колодца.

Лифт остановился на первом горизонте. Шахту заливал ровный электрический свет. Широкие просторные штреки уходили в разные стороны. На железнодорожных линиях стояли новенькие электровозы с вагонами, выкрашенными в черный цвет.

Рахмет пошел по штреку, слегка раскачивая в руке лампу. За ним последовали Петров и Шектыбай, с удовольствием рассматривая штрек. Он не походил на прежние узкие грязные штреки с гнилыми креплениями.

Новый штрек казался тоннелем для железнодорожных поездов. Округленный бетонированный потолок поддерживали железобетонные фермы. Сухой чистый пол, гладкие несокрушимые стены вызывали чувство уверенности в полной безопасности.

Мерное постукивание сапог нарушало безмолвие. Пройдет несколько недель, и гигантская шахта заживет кипучей трудовой жизнью. Рахмет уже мысленно представлял эту бурную трудовую жизнь, и на его губах появилась веселая улыбка.

Они остановились в начатом забое, перед черными пластами угля. Рахмет, Петров, Шектыбай, словно по команде, подняли свои лампы. Черная стена угля в несколько метров толщиной сверкала и переливалась в бе-

лом свете ламп. Лучи, перебегая с одного конца забоя на другой, выхватывали разные части стены, зажигая их. Светящиеся брызги казались то далекими звездами, то капельками ртути.

Лампа Шектыбая вырвала из полумрака забоя две машины.

— Врубовые машины заменят кирку,— сказал Шектыбай.— А помнишь, Алеша, как мы работали кирками на концессии Хогинса?

Петров рассмеялся.

— Я не хочу вспоминать Хогинса. От его концессии не осталось и следа. Мне радостно видеть труды наших рук. Мы дадим стране шахту, какая и не снилась никаким хогинсам. А наши дети пусть даже не вспоминают кирку.

Была уже полночь, когда они поднялись на поверхность. Небо и степь плотно обложила тьма. В темноте сияли далекие огни молодого города.

— Я тебя немного провожу, Рахмет,— сказал Петров.

— Ну, что же, пойдем.

Распрощавшись с Шектыбаем, Рахмет и Петров направились в город.

— Слушай, мой дорогой,—сказал Петров, беря Рахмета под руку.— Я давно заметил, что ты любишь Лизу Вознесенскую, а она — тебя. Но какие-то причины мешают вам понять друг друга. Я не знаю, в чем тут дело? Если все это ерунда, ты должен сделать первый шаг к примирению.

— Лиза не любит меня,— с невольной дрожью в голосе ответил Рахмет.— Она любит другого...

— Не верю. Неправда!

Рахмет опустил голову.

— Лиза выгнала Кулевакина, когда он стал приставать к ней. Лиза отказала Мише Воронцову, заявив ему, что любит другого. А этот другой—ты. Иди сейчас же к Лизе и выясни ваши недоразумения. Иди.

— Сейчас уже поздно. Она спит.

— Для таких дел никогда не поздно. Иди.

Они расстались на окраине города. Рахмет смотрел вслед Петрову до тех пор, пока его фигура не растаяла в ночной темноте.

— А он прав. Я сейчас же иду к Лизе,— Рахмет нерешительно потоптался на месте и пошел по темной оди-

нокой улице. Погруженный в свои мысли, взволнованный предстоящей встречей и объяснением, он не заметил, как из-за угла дома появились две фигуры. Крадучись, бесшумными тенями они следовали за Рахметом.

Рахмет свернул в переулок. Один из преследователей выхватил из кармана финский нож и стал догонять Рахмета.

На перекрестке Рахмет остановился, вынул папиросу и стал чиркать спичкой. Спичка погасла. Он вынул вторую, зажег ее и, прикрывая ладонью, начал прикуривать.

В то же мгновение почувствовал резкий толчок — финский нож ударил его в спину. Рахмет упал. Неизвестный наклонился и еще раз ударил ножом.

Тотчас же появился его сообщник.

— Ну, как, Саду, готов?

— Готов, Отеген.

— Собаке — собачья смерть. Пошли!

Саду швырнул окровавленный нож в сторону.

* * *

Лиза прибежала в больницу.

У входа стояла большая группа людей. Они тихо переговаривались между собою. Лиза увидела Шектыбая, Афанасьева, Мишу Воронцова, Кулевакина.

— Что с ним? Как он себя чувствует? Скажите, пожалуйста, как он себя чувствует? — торопливо заговорила она, обращаясь к Мише Воронцову.

— Рахмет чувствует себя очень плохо. Врачи говорят, необходимо переливание крови...

Лиза бросилась на крыльцо...

— Ради бога, пропустите меня. Я отдам свою кровь.

Илья Афанасьевич остановил ее на пороге.

— Не надо, Елизавета Аркадьевна. Алексей уже дал свою.

— Все равно, пустите меня. Я хочу его видеть!

Шахтеры расступились, давая дорогу Лизе. Она скрылась за дверь. В коридоре ее встретил дежурный врач.

— Вы к кому?

— Я хочу видеть Рахмета Даурова.

— Вы его родственница?

— Жена.

— Он бредит. В бреду он часто повторяет ваше имя. Проходите в палату.

Прижимая руки к груди, Лиза вошла в палату.

Рахмет беспомощно лежал на кровати, стиснув бескровные губы. В его ногах стоял Петров, безмолвный, сосредоточенный, суровый. Заметив Лизу, он тихо сказал:

— Как хорошо, что вы пришли. Я уже посылал за вами.

— Он выживет? — осящая страх и боль в сердце, спросила Лиза.

— Не знаю.

— Скажите, доктор, он будет жить? — умоляюще повторила Лиза.

— Не знаю,— ответил врач.— Мы сделаем все возможное.

Лиза опустила на стул перед Рахметом, закрыла лицо руками и зарыдала...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Саттар Ерубает.	5
Рассказ о романе.	13
Мои сверстники.	23
Мои старшие братья.	38
Так начался роман.	59
Роман продолжается.	74

Редактор *В. Количенко.*
Оформление художника *Н. Гаева.*
Тех. редактор *К. Фаритденов.*
Корректор *М. Безукладникова.*

* * *

Сдано в производство 15/VIII 1957 г.
Подписано к печати 5/XI-1957 г. Издат. № 227.
Формат 84x108 $\frac{1}{32}$ —4,5 п. л. =7,38 усл. печ. л.
(уч.-изд. 7,40 листов). Тираж 15000 экз.
Цена 3 р. 80 коп.

* * *

Алма-Ата. Типография № 1. Главиздата
Министерства культуры КазССР.
Заказ № 1244.